

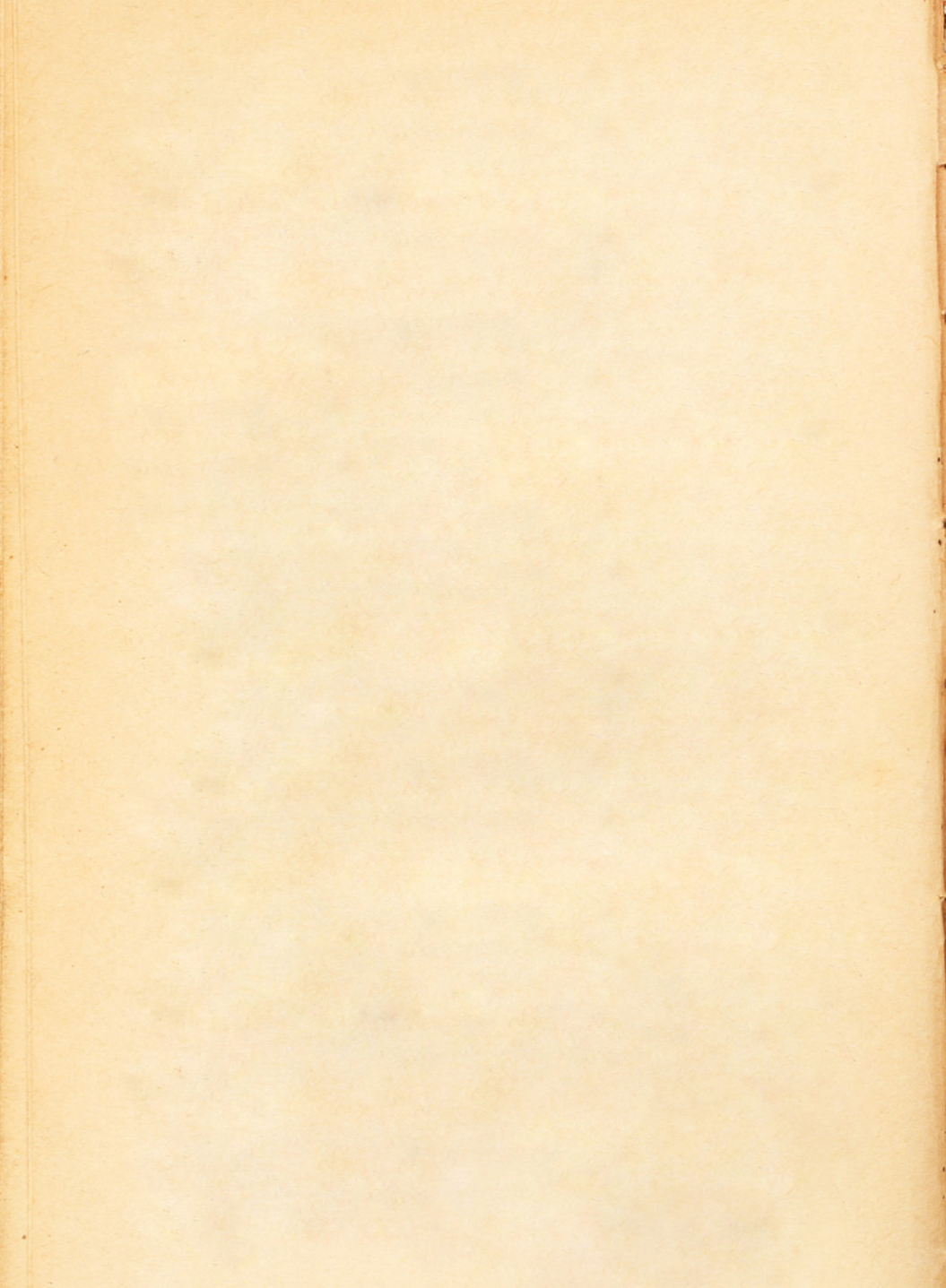


П. Городцов

Письма
брату
Василию







❖ Мемуары и дневники ❖

(Бесплатное приложение к журналу „Искатели приключений”)

Письма брату Василию.

Из бумаг П. А. Городцова,
судебного следователя, адвоката
и собирателя сибирского фольклора.



ПРЕДИСЛОВИЕ.

Петр Алексеевич Городцов родился зимой 1865 г. в селе Дубровичах Рязанской губернии, где отец его был дьяконом в местной церкви. Когда Петру было пять лет, умерла его мать, оставив на руках отца и старшей дочери Анны шестерых детей. Анна Городцова, всего шестнадцати лет от роду, повела всю большую семью и домашнее хозяйство с усердием и самоотвержением. Помогала еще вторая дочь покойной — Елена, которой было всего двенадцать. На их попечении оставались три брата и младшая сестра.

В 1870 году старший сын Василий был отдан в Рязанское духовное училище, а в 1875 году туда же был помещен и Петр.

В 1883 году под влиянием старшего брата Петр Городцов решил выйти из духовного сословия и поступить в юридический лицей в Ярославле. Во все время учебы в лицее старший брат содержал Петра и каждый месяц посылал ему 20 рублей из тех 53 рублей, что составляли его жалование.

При окончании курса Петру предложено было остаться при лицее, но он уехал в Рязань к Василию и почти год бесплатно занимался при Рязанском окружном суде.

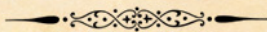
В это же время Петр Городцов сделал первые шаги в научной работе. Старший брат его занимался исследованием неолитических стоянок долины реки Оки в пределах Рязанской губернии. Эти работы заинтересовали Петра, и он несколько раз принимал участие в археологических экскурсиях. Братья обследовали дюнные стоянки в окрестностях некоторых сел, за что Петр Алексеевич был избран действительным членом Рязанской ученой архивной комиссии, где старший брат его был секретарем археологического отделения.

Позже Петр Городцов служил в одном из уездных городов Рязанской губернии, затем уехал в Сибирь, в Тобольскую губернию, где получил место крестьянского начальника и судебного следователя. Там ему пришлось, между прочим, судить за конокрадство местного крестьянина Григория Распутина, которого Петр Алексеевич приговорил к тюремному заключению на короткий срок.

Городцов увлекся бытом и фольклором края — стал наблюдать, записывать, головой ушел сам и увлекался заниматься записями других. О трудах его стало известно тобольскому губернатору Гондатти, который, сочтя подобную работу подрывающей устои, вызвал Городцова в Тобольск и резко потребовал „прекратить якшаться со сказителями“, ибо это „непозволительно для крестьянского начальника“. Петр Алексеевич решительно отказался подчиниться губернаторскому требованию — в 1908 году вышел в отставку и переехал в Тюмень. Там занялся адвокатской практикой, консультировал сибирские банки, возглавлял Тюменское отделение Общества для борь-

бы с детской смертностью, стал действительным членом Тобольского губернского музея. После февраля 1917 года сведения о его жизни после революции смутны и непроверенны. Известно разве, что весной 1918 года „красные“ его арестовали, будто бы хотели расстрелять, однако отчего-то пощадили. Приходили и во второй раз, но уже не застали Петра Алексеевича в живых — он скончался 19 июня 1919 года от тяжелой болезни.

Его брат, Василий Алексеевич Городцов, занимал многие научные должности, имел правительственные награды и умер 2 февраля 1945 года.



*Данная подборка писем была впервые опубликована
в тюменском журнале „Лукич“ в 2002 году.*



Петр Алексеевич Городцов.



Ярославль, 26 ноября 1884 года.

Милый Вася, будь здоров!

Нынешний день, т.е. 26 ноября, я получил от тебя 10 р. — из глубины души благодарю. Из твоего письма я вижу, что ты получил только одно мое письмо, тогда как их было от тебя два: одно 20 октября, другое — 1 ноября. Жалею, что твое здоровье так хрупко, и сильно опасаясь, не отозвались бы твои занятия нежелательными последствиями для твоего здоровья, во всяком случае, желаю тебе успеха.

Что сказать тебе о своей жизни? Живу я в Ярославле слишком однообразно, монотонно, при наиболее благоприятных данных для того, чтобы жить очень весело, это зависит, конечно, от карманной засухи и, главное, от моей непривычки к обществу (от „несообщительности“), в котором вращаются студенты, а это общество очень аристократично, и неуменя танцевать, что, по крайней мере в моем положении, служит порядочным балластом, удерживающим от общества. Вот я и сижу постоянно дома (даже в театре Ярославском ни разу не был) и читаю книжки, большей частью юридические; наскучит сидеть, иду на бульвар или люблюсь Волгой, а она и зимой красива.

Недавно, т.е. 23 ноября, наши студенты справляли лицейский праздник. Был устроен вечер, который состоял из концертного отде-

ления (были артисты ярославской сцены) и танцев, и студенческого пьянства в буфете, так называемом „мертвецкая“. Помещение было отведено прекрасное, приглашена была полковая музыка. Присутствовало, кроме директора и профессоров, множество гостей обоего пола, были губернатор, генерала три-четыре, был голова города и пр., и пр. Словом, вечер был блестящий и сошел на славу. Я участвовал на вечере, но не был участником общего веселья, оставался в стороне в качестве постороннего зрителя. В настоящее время я занимаюсь подготовкой к экзамену, который будет 15 декабря, работы много, и даже очень. Я хочу после экзамена ехать в Рязань месяца на полтора, взявши предварительно отпуск у директора. Это будет полезно и в финансовом отношении, на дорогу пойдет меньше, чем на содержание в эти полтора месяца, и, что особенно важно, эта поездка будет полезна в смысле правильного отдыха. Конечно, ты не против моей поездки?

Вместе с письмом к тебе я посылаю письмо в Дубровичи. Я прошу в нем папашу выслать мне еще 10 р. или р. 9. Из таким образом имеющих быть у меня 20, 19 р. я 15 отдам за нахлебничество за месяц с 14 ноября по 14 декабря и 4 — за литографирование лекций.

Уроков я не имею, работы доходной тоже, что вообще очень неприятно. Бумаги консистории получил. Итак, милый Вася, до скорого и счастливого свидания!

Любящий тебя твой брат студ. Городцов.

P.S. Если удастся найти уроки или работу какую-нибудь до святков или на святки, домой не поеду.

Кланяйся всем.

Ярославль, 30 сентября 1886 года.

Любезный Вася, будь здоров!

Дела мои в настоящую минуту обстоят почти благополучно. От платы за слушание лекций освобожден. Относительно ежемесячного пособия узнаю в конце октября: тогда будет собран совет попечи-

тельства. Все-таки я получил временного вспоможения в количестве 7 рублей, так что если ты пришлешь рублей 10–12, то я буду иметь возможность приобрести все лекции.

Лицейская новость: студенты первого курса одеты в форму. Пропиши адрес к Григорию Абрамовичу. Пропиши, как твое здоровье.

Студ. Городцов.

Ярославль, 10 ноября 1884 года.

Любезный Вася, будь здоров.

В настоящее время у меня есть до тебя неотложная просьба — прислать мне из Рязани книгу „Сборник статистических сведений по Рязанскому уезду“.

Достать эту книгу можно в Статистическом отделении в Рязани, стоимость ее — не больше 2 рублей. Пересылку этой книги в Ярославль возьмет, вероятно, на себя Стат. комитет. Так по крайней мере практикуется в Стат. комит. других губерний. Эта книга в настоящее время чрезвычайно необходима, а потому ты меня многим обяжешь, если поторопишься с присылкой, — если не самого сборника, так письма, в котором объяснишь, что книга не может быть выслана.

Очень возможно, что я приеду недели на три в Рязань на праздники. Желаю тебе доброго здоровья, полнейшего счастья и всякого благополучия.

Любящий тебя твой П. Городцов.

Ярославль, 7 февраля 1888 года.

Милый Вася, будь здоров!

Пишу тебе затем, чтобы предупредить, что мне сборники статистические более не нужны, потому что я работу уже кончил и не переписал набело последних несколько страниц лишь вследствие легкой лихорадки, задержавшей окончание работы дня на два.

Затем, мне кажется нелишним сделать еще тебе такое сообщение по поводу книжки Жуванселя „Потопы“.

В Ярославле я встретился со студентом Питерского университета, с естественником, теперь же с юристом нашего лица. У него я спросил отзывы о Жуванселе. Он сказал, что эта книга устарела и человеку, желающему познакомиться с современным научным положением этого весьма важного и любопытного явления — потопов, — читать Жуванселя бесполезно. Рекомендовал же он прежде всего лекции естественного факультета по геологии, есть печатный курс проф. Иноземцева, и книгу Гартвига „Жизнь моря“.

Наконец, если тебе есть охота присылать по возможности поскорей „Святополка“. Имеется прекрасный случай обсудить его.

Свидетельствую глубокое и искреннее почтение и уважение прежде всего твоей супружнице Лизе.

Затем передай почтение твоим дяде и тете, пожелай им от меня доброго здоровья и всякого благополучия.

Любящий тебя Петр Городцов.

P.S. У меня все обстоит пока благополучно, об успехах своей работы сообщу своевременно.

Ярославль, 24 марта 1888 года.

Милейший Вася, будь здоров!

Вообрази себе такое нежелательное стечение обстоятельств. Меня пригласили давать урок одному мальчугану, внуку одной известной особы в Ярославле — генеральши. Урок в платёжном смысле не прибыльный — я буду ходить обедать бесплатно. В доме этой генеральши я принят и, так скажем, обласкан. Все это прекрасно. Но вот что из рук вон скверно. У меня в положительнейшем смысле нет сапог, калоши рваны до невозможнейших размеров. И, конечно, „в мундиришке изъян“, а потому не пришлешь ли рубликов десять? До зарезу нужно.

Свидетельствую глубокое, искреннее и сердечное почтение твоей супружнице, поклонись тете и дяде.

Остаюсь твой Петр Городцов.

Ярославль, 1 апреля 1889 года.

Любезные и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Спасибо и много-много раз спасибо вам, дорогие мои, за ваше любезное ко мне внимание. Жалею, что не могу лично выразить вам мою признательность, жалею и о том, что вы о себе маловато пишете. Я решил ныне кончать.

Может быть, в мае месяце не буду в силах кончить экзамены, то в сентябре, т.е. после каникул, покончу с лицеем всенепременнейше.

Теперь готовлюсь к экзаменам. Из дум, которые овладевают моей душой пред окончанием курса, я могу указать только одну, преобладающую, — это отбывание воинской повинности по окончании курса.

Теперь прощайте, дорогие! Месяца через два с вами увидимся и потолкуем по душам.

Любящий вас ваш Петр Городцов.

Ярославль, 8 апреля 1888 года.

Будь здоров, милейший Вася!

Искренно благодарю тебя за твою посылку. Все тобою присланное как нельзя более кстати.

Засвидетельствуй почтение твоей супружнице и тете. Я глубоко сочувствую им по случаю преждевременной и горестной утраты — смерти дяди. Рано оставил земные обители маститый ветеран!

По несчастью, я имею слишком мало сердечной теплоты и недостаточно религии, чтобы явиться достойным утешником и облегчить безграничную и понятную в положении тети печаль и горе ее в скорбные и траурные дни, во всяком случае, передай тете мое сердечное сочувствие, от всей души желаю ей в возможно скором времени успокоиться, утешиться в потере безвозвратной и примириться с судьбою неизбежной. О себе почти ничего не могу сообщить тебе более или менее интересного. Жив и здоров, учусь.

Скажу тебе, куда я попал на урок. Я хожу в дом ген. Головиной, матери офицера Морш. п., о котором ты мне говорил. Приготовляю в

гимназию внука ген. Головиной от дочери, которая живет с матерью и в разводе с мужем.

Офицера Головина я еще не видал. Он уже два года женат и уже год как имеет наследницу. Жена у него красавица, но не из интеллигентного и не аристократического круга. Будницкого я тоже еще не видел, хотя он и бывает у моей патронессы. Вероятно, я на Пасху познакомлюсь как с ним, так и с Головиным. Вообще твоя натуральная субсидия до невероятности подоспела кстати.

Еще сделаю тебе одно сообщение. Работа моя одобрена профессором политической экономии заслужила премию, только полную или половинную (25 р.) — не знаю; любопытствовать об этом у профессора было бы не скромно. Это, конечно, хорошо и меня радует, но вот что плохо, что премированные деньги я смогу получить только в сентябре следующего учебного года, а я рассчитывал на них в этом году. Потому-то я и обратился к тебе в прошлый раз с просьбой. Благодаря тебе я теперь извернулся и устроился. Не писал тебе долго — некогда было, и вряд ли впредь напишу тебе.

Петр Городцов.

P.S. Среди ярославских студентов в Ярославле паника. 29 декабря 1887 г. было разослано административной ссылкой студентов 17, а теперь еще человек 15 забрано и сидят в остроге.

Ярославль, 29 сентября 1888 года.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна.

Желаю вам доброго здоровья, любви и счастья!

Не писал вам так долго отчасти потому, что от вас поджидал вести, но, главным образом, потому, что мое положение относительно лица было слишком неопределенно, теперь этой неопределенности более не стало, и я смогу поведать вам о моих успехах.

Я получил стипендию, но не натуральную, как предлагали мне, но денежную, я получу в год 200 р. — цифра, которая вполне способна обеспечить мое подзубривание в нынешний год. Правда, ежемесяч-

ная стипендия, равная 16 р. 66 к., не способна дать мне возможность улучшить мой гардероб, но ведь я в октябре получу премию. Вообще мое дело в шляпе! С ноября хочу писать на золотую медаль.

Милейший Вася, поторопись прислать мне „Святополка“. Мне очень жаль, что я не взял его с собою — обмишулился. Надеюсь, что вы не откажете мне в скором ответе.

Лизавете Федоровне свидетельствуйте мое низжайшее почтение.

Кстати, к тебе лично, Вася, есть таковая просьба. Ты набивался мне брюками и жилетом, а я отказался, и был дурак.

Если они у тебя еще целы, то пришли их мне, они пригодятся, ибо до октября, т.е. до конца, ждать долго, а раньше 20 октября я премии не получу.

Петр Городцов.

Ярославль, 12 декабря 1888 года.

Любезные и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Желаю вам доброго здоровья. По справедливости и совести сказать, пишу вам потому, что уже слишком давно не писал, совестно, следовательно, сделалось, а предмета для письма более или менее серьезного и интересного совершенно нет. Деньги от вас получил как нельзя более вовремя. Спасибо вам за них. Спасибо и за то, что вообще скоро откликнулись на мою беду. Получил деньги и из Дубровичей. Болезнь моя, если она еще вас интересует, приняла хронический характер и требует упорного лечения при благоприятных условиях для своего излечения, глав. обр., чтобы было тепло в квартире. Болезнь моя называется ушным катарром. Несмотря на мои старания излечиться, я приеду в Рязань еще глухим. Разве наступающая весна мне поможет.

Интересует меня в высшей степени состояние и судьба коллекций, собранных тобою на Борке, любезный Вася. Ты хотел их отослать в музей. Переслал ли ты их? Я жалею, что не увижу своих доморощенных редкостей.

Петр Городцов.

[Без даты.]

Любезные и искренние друзья, добрейший Вася и дорогая Елизавета Евгениевна! Искренно желаю вам доброго здоровья и всех земных благ. Спасибо вам, что не забываете меня и сообщаете мне о главном, по крайней мере, о своем здоровье. Но ваше внимание ко мне вызывает в моем сознании всю неправоту и неосновательность моего отношения к вам. Вы вправе требовать и ждать от меня письма не месяц только тому назад, но гораздо раньше, в ту глубокую осень, когда я получил от вас посылку. В глубине души и сердца прошу простить меня.

Драгоценнейшая Елизавета Евгениевна! Я радуюсь и поздравляю вас, что вы, наконец, здоровы. Предыдущее же известие меня до глубины души взволновало, ошеломило. Мне было жаль Вас, я жалел о приключившемся с Вами несчастье и нездоровье, и причине этого нездоровья. Теперь, по крайней мере, когда Вы здоровы, я спокоен и радуюсь вашему благополучию. Что касается меня, то я здоров, и дела мои идут самым обыденным, так сказать, ординарным порядком, по повседневной логике: нет крупных несчастий, следовательно, я счастлив.

Что касается до „Святополка“, то, любезный брат, будь спокоен: он цел, но нельзя сказать того, чтобы он был невредим. Я сделал в нем немало перечеркиваний, зачеркиваний, заметок и даже добавлений. „Святополк“ — вещь хорошая, но трудная. Самые трудные места в нем — развитие страстей, следовательно, работа чисто психологическая. Я думаю, что соберусь на святки в Рязань, потому и не присылаю тебе его. Но если меня что задержит в Ярославле, тогда я отправлю „Святополка“ одного.

Я рад за судьбу своего Борка. Меня, как истового дубровичанина, льстит его славное историческое прошлое. Желательно было бы узнать, какого размера те стрелы, которые теперь в твоих руках. Показывал ли ты их кому-нибудь из специалистов?

Две мортвочки, которые находятся теперь у меня, носят надпись: „великий князь Михаил Федорович“ и год славянскими буквами, но я славянского счисления не знаю.

Немало удивляет меня молчание о дубровичах — о домашних. Когда уезжал я из Дубровичей, отец был сильно болен, его хотели везти в больницу. Больше я ничего не знаю о своих домашних, так как писать они не имеют обыкновения. Здоров ли теперь отец?

Свидетельствую мое глубокое и искреннее почтение и уважение Елизавете Федоровне. Сердечно желаю, чтобы Бог продлил ее дни и послал доброго здоровья. Шлю ей низкий поклон.

Затем, друзья мои, еще раз позволив себе пожелать вам всего доброго и хорошего, остаюсь искренно любящий вас ваш Петр Алексеевич Городцов.

[Без даты.]

Дорогие и любезные Вася и Елизавета Евгениевна.

Поздравляю вас с целым рядом открывающихся праздников, желаю вам встретить и провести эти праздники в радости, благополучии и в добром здоровье. Жалко, что не смогу отпраздновать вместе с вами. Поздравьте с праздником и пожелайте доброго здоровья Елизавете Федоровне.

Посылаю „Святополка“. Когда я прочитал его, в моей голове было вызвано много хороших картин родной старины, седой старины.

В „Святополке“ я сделал много добавлений в первых двух актах и много перемещений. 4 и 5 акты должны быть обозначены одним актом, но в 2 картинах. Вообще весь „Святополк“ требует тщательнейшей отделки. Замечания об отдельных частях „Святополка“ я сделал на полях рукописи.

Жалею, что не могу лично сделать некоторые замечания.

Петр Алексеевич Городцов.

Ярославль, 4 марта 1889 года.

Любезный Вася, будь здоров!

Широковещательное, кусательное и т.д. послание твое я получил и сердечно за него благодарю. То обстоятельство, что я не берусь за

перо иногда по целым месяцам, объясняется нетрудно. Болезнь и другие обстоятельства, не красящие жизнь, производят подавляющее впечатление на расположение духа и на темперамент; я больше и больше делаюсь меланхоликом, и бывают минуты, когда не только писать или что делать, смотреть-то на свет Божий не хочется.

Меня радует успех нашего Борка. Я думаю, что в начале весны в Дубровичи придет археологический агент для раскопок. Жаль, ты мне не сообщил, где собственно ты достал стрелы — на Борке или купил их мне у наших баб.

Против своей болезни я веду отчаянную войну, хотя лавров значительных пожинать еще не имел случая. Помимо лекарств, которые мне можно получать в счет лицез, мне приписана доктором строжайшая диета: яйца, молоко, бульон и немного мяса. Я должен, впрочем, сделать некоторые добавления к сообщениям о своей главной болезни (ушной катарр). Доктору, какой меня лечит, я однажды проговорился и сказал, что у меня болит желудок. Он исследовал и нашел у меня какое-то худосочие ли, малосочие ли — хорошо не припомню. И вот так случилось, что я борюсь не с одной болезнью, но с двумя.

Ушная же болезнь меня положительно повергает в отчаяние. Иногда я слышу кое-как, а иногда, в морозы особенно, почти ничего не слышу. Климат ярославский вообще не по мне. Вся надежда на родные Палестины.

Сердечное спасибо вам, дорогая Елизавета Евгениевна, за ваше доброе и ласковое слово. Дай Бог вам счастья и здоровья. Обо мне не заботьтесь, я человек живучий, и стоит лишь мне выбраться на подножный корм, на дубровицкое раздолье, и от всяких телесных недугов и душевных невзгод не останется и следа, как рукой снимет. Ваше здоровье вдвойне дорого, а потому я и желаю от глубины души вам доброго здоровья и благополучия. Желаю доброго здоровья и шлю низкий поклон Елизавете Федоровне.

Пишите о своем здоровье.

Ваш Петр Алексеевич Городцов.

27 января 1890 г.

Любезный Вася! Желаю доброго здоровья и свидетельствую глубочайшее тебе почтение. Пятнадцать рублей получил. Эта ежемесячная цифра вполне для меня достаточная, с ней я надеюсь прожить благополучно весь год. Спасибо за сообщение о своей археологической поездке. Ты пишешь, между прочим, что неделю тому назад прописали о нашей коллекции в Русском вестнике. Но странное дело! Я регулярно просматривал газеты, по крайней мере с 8 января, т.е. со дня открытия археологического съезда, и нигде не встречал сообщения о нашей коллекции. Не думается мне, чтобы это произошло от небрежности.

Подробности, сообщаемые тобой, мне действительно известны из газет. Мне даже приходилось читать содержание речей и рефератов, произносимых на заседаниях. Действительно, как кажется, съезд и выставка были размеров грандиозных, судя по репортерским сообщениям.

Твое замечание по поводу моего вожеления поставить дубровицкую археологию на более научных основаниях, по тону как будто и идет вразрез с моим взглядом на этот предмет, но в существе выражает то, чего я и сам искренно желаю. Один француз, кажется Картаньяк, на съезде выразил удивление по поводу обилия, разнообразия и важности археологических находок, сделанных в одном месте на Кавказе, но вместе с тем сожалеет, что вся эта богатая масса вещей была вырыта „без научных раскопок“. Техника-то землекопная тебе, может быть, известна во много раз лучше, чем этому знаменитому Картаньяку, но научные приемы археологических раскопок — дело научной специализации. Вот такие-то „научные раскопки“ я имел в виду в прошлом письме, а уж во всяком случае не подвиги каких-нибудь Селивановых, Баженовых (даже и самой пресловутой Уваровой), этой челяди я, как мне кажется, придаю настоящую цену — это археологические лакеи, холопским усердием больше подгаживающие, чем способствующие великому и святому делу научной археологии.

Жду твоей брошюрки об орудиях. Рад, что ты занимаешься археологией. О себе скажу, что здоровье мое мерзкое. Настроение духа — мрачнее всех ночей всех осеней, взятых вместе с самого сотворения мира. А впрочем, ни черта!

Лизавете Евгениевне сердечный поклон, желаю ей самого цветущего здоровья. Дай Бог, чтобы ни одна житейская невзгода не омрачила ее счастливого и улыбающегося лица.

Петр Городцов.

Ярославль, 30 апреля 1890 года.

Любезные и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна.

Сердечно желаю вам доброго здоровья и полнейшего благополучия. Глубоко радостное известие принесло мне последнее письмо от вас. Поздравляю вас с вашим первенцем — красавицей Еленой. Дай Бог ей расти да хорошеть вам на утешение, да ниспошлет ей небо и счастья, и доли!

Извините, что долго не писал вам — замешкался, делишки! Кончу не ранее первых чисел июня, последний экзамен будет числа 3 или 4. Искренне любящий вас ваш Петр Городцов.

Раненбург Рязанской губернии.

Любезнейший Вася и Елизавета Евгениевна, будьте здоровы.

Прошу извинить, что долго не писал, все было нечего писать, да и теперь, собственно говоря, не имею чего более или менее интересного сообщить. Жив я, уж это всеконечно; здоровье тоже ничего, слава тебе, Господи! Устроился в городе, вообще говоря, хорошо. Узнал город, по-видимому, в доскональности, да и не мудрено: уж слишком маленек городишко, до мизерности маленек... Работы по специальности немного, а для двух работников: для патрона и для меня — и вовсе мало.

Недавно был на судебно-медицинском вскрытии трупа — молодого мужчины лет 22, убитого в кулачном бою. Думал, что не вынесу этой картины, да ничего, сошло прекрасно. Сначала хмурился —

вонь ужасная, а потом ничего, а в конце так приободрился, что сам стал вместе с врачами (уездный и его помощник) возиться в потрохах человеческих. Более всего мне понравилось вскрытие черепа и исследование мозга. Мозг положительно красив даже с эстетической точки зрения. Вообще же скука смертная в городе. Читать, грех разумеется, нечего!

Почтеннейший Вася, я давно уже, с месяц тому назад, посылал Л.В. Селиванову письмо с предложением своих услуг по делу исследования и приведения в порядок местного Раненбургского архива, но ответа не получил, что для меня лично решительно все равно, ибо желаю работать для архива, а не для Селиванова. Вот я и просил бы тебя, чтобы ты повидался с Селивановым и поговорил бы, нужно ли и полезно ли поработать в Раненбургском архиве, и если нужно, то чтобы он, как секретарь общества, сделал надлежащие в данном случае распоряжения и снабдил бы меня указаниями и инструкциями, необходимыми при работе. Нужно поспешить, теперь особенно благоприятное для сего наступает время. Наступает пост, а с ним и распустье предвесеннее и весеннее, время у меня совершенно будет свободное. С наступлением весны я работать по архиву ни под каким предлогом не буду.

Петр Алексеевич.

Раненбург, 20 апреля 1891 года.

Христос Воскресе!

Дорогие Вася и Елизавета Евгениевна, поздравляю вас с праздником Светлого Христова Воскресения, желаю вам в добром здравии встретить и провести этот высокий и торжественный праздник. Поздравляю с праздниками Елизавету Федоровну и Алевтину Федоровну, искренно желаю им радости и счастья.

Я должен извиниться пред Елизаветой Евгениевной за то, что долго не отвечал ей на ее письмо. Сердечно благодарю ее за сделанные ею мне покупки, все вещи, безусловно, хороши.

В первых числах мая буду в Рязани.

Раненбург, 8 декабря 1891 года.

Дорогой Вася. На святки я думаю взять отпуск и ехать в Рязань; собственно в Рязани я пробуду только первые дни праздника, затем уеду в Дубровичи. Выеду из Раненбурга в воскресенье, 22 декабря, следовательно, в Рязань приеду в ночь на 23, под понедельник, часов в 12 или в 1 час.

Смысл этого письма тот, найду ли я вас на старой квартире в доме Трескиной, не переменяли ли вы квартиры, ибо неудобно будет разыскивать вас по Рязани в ночное время. Передай мое глубочайшее почтение Елизавете Евгениевне и Елизавете Федоровне.

Петр Алексеевич Городцов.

Раненбург, 22 сентября 1892 года.

Любезнейший Вася, желаю тебе много лет здравствовать. Посылаю тебе свою фотографическую карточку, снялся я еще в свое пребывание в Рязани, кажется, 1 августа, да почему-то мне из фотографии выслали карточки только на днях. У меня было намерение в первых числах октября выехать в Рязань, теперь же я в большом по этому поводу колебании, и вернее, что не поеду, а потому и хочу просить тебя кое о чем по поводу твоего отъезда.

У тебя находятся некоторые мои книги, напр., Иванюкова „Политическая экономия“ и Иностранцев — „Геология“, я попросил бы, чтобы ты их оставил после твоего отъезда в Ярославль у Дм. Павл. Балашова. Иванюков нужен мне более, чем тебе, а Иностранцева у меня могут всегда попросить обратно. Впрочем, относительно Иностранцева можно распорядиться иначе; его я взял у Василия Васильевича Агапова, студента Демидовского юридического лица, он теперь не окончил еще курса и находится, следовательно, в Ярославле. При переходе в Ярославль ты можешь лично передать ему книгу и вместе с моим поклоном, а, кстати, и скажи ему мой адрес. Кроме того, при прощании ты говорил мне, что дашь мне некоторые экземпляры каменных орудий, их тоже передай

Д.П. Балашову; и вообще, ему передай все, что имеешь оставить мне; на Святки я приеду в Рязань и заберу с собой. По почте же пересылать все это, полагаю, будет слишком хлопотливо.

Свидетельствуй мое почтение Елизавете Евгениевне.

Во всяком случае пред отъездом из Рязани или, в крайнем случае, из Ярославля напиши мне, чтобы мне знать, где ты находишься. Хорошо бы, если бы ты также оставил бы мне Уварову, она будет во всяком случае в сохранности, а мне хотелось бы ее прочитать. Впрочем, это дело еще терпит.

Что касается Иностранцева „О каменном веке“, то я положительно тебе советую книгу эту попу Павлову не возвращать, в противном случае это было бы бесцельное уничтожение ценности. Оставь Павлову книгу вроде Некрасова и будь уверен, что он будет более чем доволен, потому что он ее понимает.

Петр Городцов.

Раненбург, 2 марта 1893 года.

Христос Воскресе!

Любезнейший Вася, добрейшая Елизавета Евгениевна, миленькая и маленькая Леля, поздравляю вас со светлым праздником, сердечно желаю вам доброго здоровья и всякого благополучия.

Благодарю вас, Елизавета Евгениевна, за память: оба ваших письма я получил и каюсь, больше по халатности своей я не отвечал вам на первое письмо, впрочем, были и дела, отвлекавшие мое внимание.

Очень жаль, что Ярославль не сумел вам понравиться, он действительно не ахти какой важный и красивый город и до Питера, например, ему далеко, но все же трудно согласиться с мнением уважаемой Елизаветы Евгениевны, что ему далеко до Рязани; все-таки справедливость требует обратного отношения, что Рязани далеко до Ярославля, подождите лета — увидите.

Я жалею, что вы слишком скупо пишете о себе, забрались, в самом деле, в Ярославль и целых полгода не сообщили, как вы доеха-

ли, как устроились и все ли у вас в добром здоровье. Оказывается, что у вас не все-то благополучно и Миша скончался. Мир его ангельской душе! Об этом, впрочем, я узнал вскоре после святок в Рязани от Екат. Павл.

О себе мне почти нечего сообщить, живу по-прежнему в Раненбурге при суд. следователе; пользуюсь и располагаю большим досугом, почитываю и кое-что работаю для своей, так сказать, мозговой политики; выписал себе немного книг, ибо в Ямбурге по этой части большая скудость. Жалованье получаю небольшое, но для одного меня достаточное; случается иногда получать мне единовременные более или менее солидные и никогда прежде в моих руках небывалые суммы; т.к. пред нынешней Пасхой я получил из Министерства юстиции в вознаграждение 150 руб., надеюсь на лучшее будущее. Жениться пока не думаю, да и боюсь, потому что слаб здоровьем; хоть в последнее время и разжирел, а все-таки порою, особенно пред ненастьем (каков старик!), так дает себя знать желудочный катарр и болезнь легких, что хоть реви. За всем тем мои дела обстоят порядочно.

От души желаю вам всяческого успеха, желаю весело провести праздник.

Отчего Вася не напишет мне, передал ли он Геологию Иностр-ва студенту Вас. Вас. Агапову и в Ярославле ли он находится.

Всею душою и всем моим существом
ваш Петр Алексеевич Городцов.

P.S. У нас в Ямбурге весна, в городе ездят на телегах, хоть мужики ездят на санях...

Рязань, 24 декабря 1893 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и племянница моя, красавица Леля!

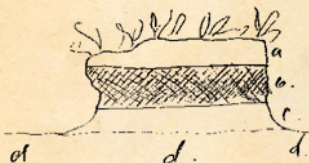
Поздравляю вас с праздником Рождества Христова, от души желаю вам, мои дорогие, доброго здоровья, счастья и полного душевного благополучия. Дай Боже, чтобы предстоящие праздники вы мир-

но и радостно встретили, весело отпраздновали и благополучно их проводили.

После последнего письма Елизаветы Евгениевны, бывшего, надо сознаться, очень давно, переписка наша истощилась, но нельзя сказать, чтобы в этот долгий промежуток времени я не имел сведений о вас. Как-то по лету я был в Дубровичах, вскоре почти вслед за Васей, навестившим Дубровичи с маневров. Впечатление в Дубровичах было еще совсем свежее от приезда Васи, и меня засыпали рассказами. Затем от Екатерины Павловны Филипповой я узнал о рождении у вас другой моей племянницы, имени которой я еще не знаю. Таким образом, я не переставал следить и интересоваться интересами вашей жизни.

Долго мы не переписывались, пожалуй, с полгода будет, сидели себе по своим местам, молчали и чего-то ждали, а жизнь-то не ждет, идет себе да идет, да втихомолочку крушит и ломает, и по-своему созидаёт человеческое житье-бытье.

Немало за это время воды утекло, немало случилось и нового, по крайней мере, в моей жизни; полагаю, немало пережито и передумано и вами. В настоящее время я уже не в Раненбурге, а в Рязани и временно служу в канцелярии окруж. суда. Говорю „временно“, потому что к Новому году меня назначают судебным следователем в Сибирь, в Тобольскую губернию. Должность эта видная, независимая и хорошо оплачиваемая, так что мои товарищи завидуют мне в моем назначении. Уже из министерства затребовали из суда справки о моей личности, формуляр и всякие документы.



- a = песчаное наслоение
- b = культурный слой
- c = некоторое подобие глины
- d = зыбучие пески

Не знаю, как вы взглянете на мое новое назначение, возможно, что оно вам по душе и не придется, и вы, разумеется, будете правы с сво-

ей точки зрения, я же, с своей стороны, доволен назначением, лишь бы, Бог дай, оно состоялось! И вот почему. Хорошо, полезно и приятно жить в центре Руси, в каком-либо большом городе и пользоваться всеми благами европейской культуры, да вот беда, мои дорогие, — не с нашим рылом (говорю только о себе) лезть в калашный ряд, не нам суждено пользоваться этими благами культуры. Мне в моем положении можно с полным правом сказать о себе словами некоего сказочно-героя: по усам текло, да в рот не попало. Нет, кроме шуток, положение ужасно свинское, когда чувствуешь, как эти культурные блага, так сказать, мажут тебя по губам и когда видишь, что ты никак не можешь овладеть, изловить эти блага. Право же, это не лучше положения бедного Тантала. Вот оно: сорвалось слово с языка, а оно скрывает хороший смысл, вероятно, Тантал потому и выносил муки, что был беден. Тут в Европе я беспрестанно, ежеминутно, ежечасно и каждодневно чувствую себя лишним на жизненном пиру и поставленным меж двух стульев, так чего ж тут и тереться. Не лучше ли устранить себя. Посмотрим, не у места ли мы будем там, в Сибири, в Азии.

В Сибирь я поеду, вероятно, в начале марта и во всяком случае не раньше конца февраля. В Дубровичах я не был с сентября месяца и не знаю, что там делается; в то же время там все обстояло благополучно, и усиленно рыли на полях картошки. В сентябре же я был и во Солодче. Алена живет плохо, муж ее пьяница и непроходимый дурак, и, к несчастью, дурак с буйным характером. Я прожил в Солодче дня четыре и основательно изучил окрестные пески, и всем своим авторитетом смею уверять, что пески эти в археологическом отношении уже стали неинтересны, ибо культурный слой стихиями размыт и развеян; мне приходилось наблюдать только в одном месте такие жалкие остатки культ. слоя (см. черт.).

Толщина культурного слоя — четверти две. Нарисованная кочка, убого стоящая посреди обширных зыбучих песков, очень маленькая, и один разбушевавшийся мальчишка способен в пять минут навеки уничтожить эти остатки глубокой старины. Солодча и Пустынь со-

вершено одного характера. Через Пустынь и через Солодчу (через монастырский лес и по полям по задам села Солодчи) проводилась узкоколейная железная дорога; по местам было глубоко, но нигде я не видел следов культурного слоя, все пески, пески... Из остатков мною подобрано обломков 5 чертовых пальцев и обломков 5 кремней, но кремни настолько бесформенны, что я не решился взять их на хранение и бросил, хоть некоторые из них, безусловно, носят следы обработки (очень слабые следы).

Знаменательно: пальцы я нашел на самом берегу старицы, а кремни — за селом на задах. Видимо, что культурный слой по мере углубления внутрь материка от реки становится тоньше и сходит на нет в монастырской роще и за нею. Вследствие разрушения культурного слоя встречается очень мало кремневых остатков, их почти нет. Екатерина Павловна Филиппова выдержала экзамен, и она теперь зубной врач, вон как! А за то, что она зубной врач, я скоро с ней буду спивать бутылку шампанского. При переводе в Сибирь и с меня мои товарищи хотят содрать шампанского, вот беда! Да только я сумею удовольствоваться №21 П. Смирнова.

Много бы и еще я мог наговорить вам, мои дорогие, да сами видите — писать негде, так оставим до другого раза. То есть, доложу я вам, просто беда долго не писать: столько набирается письма, что и на двух листах не уложишь.

Пишите, как вы поживаете, как ваше доброе здоровье, как растет и цветет Леля.

Остаюсь глубоко вас любящий ваш Петр Городцов.

Рязань, 9 февраля 1894 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и голубушка Леля! Искренно и из глубины души желаю всем вам доброго-доброго здоровья, желаю вам счастья и совершеннейшего благополучия.

Поздравляю вас, мои дорогие, с наследником Олегом, дай Бог ему расти и крепнуть.

Я получил письмо от Васи на Святках и от Елизаветы Евгениевны после Святков; спасибо вам обоим, что не забыли. Я очень рад, что Елизавета Евгениевна чувствует себя здорово, беречь свое здоровье все-таки следует, особенно в Ярославле, в сущности, Ярославль — город в климатическом отношении изменнический; берегите себя, берегите и детишек. Наконец-то я получил назначение в тобольские следователи; только в феврале пришел приказ о моем назначении; теперь я жду из министерства прогонных и подъемных денег и с получением их отправляюсь к месту служения; поеду я с открытием навигации, следовательно, не раньше конца апреля или даже начала мая. С окружным судом в Рязани за эти три дня я уже совсем покончил, и меня уже называют сибирским следователем.

Итак, свершилось еще одно веление судьбы, и моя доля закидывает меня туда, куда три года назад мне и в голову не приходило забираться. К лучшему ли это и чего ожидать от этого назначения в Сибирь? Вопросы эти приличнее разбирать пред началом предприятия, теперь же остается только ожидать результатов этого предприятия: посмотрим, дескать, что будет. Предчувствие же говорит мне, что я делаю не плохо и что Сибирь радушно встретит меня и не злою мне будет мачехой. Эх, если бы все предчувствия сбывались!! Вот и ты, милейший брат, собираешься поехать в Сибирь, да еще куда? — в восточные ее пределы! Не знамение ли это? Не влечет ли туда нас с тобою обоих наше счастье путеводною золотою звездой? Стоит над этим задуматься, и долго я думал об этом с получением твоего письма.

Мои товарищи и рязанские знакомые всячески хотят женить меня пред отъездом в Сибирь и слышать не хотят, чтоб я холостым ехал туда. Как так, говорят мне, ехать в Сибирь без жены, да там первое дело — без жены с тоски умрешь, а второе дело — там будто бы жены себе днем с огнем не сыщешь потому, что там будто бы невесты на вес золота ценятся. Добрые люди и хотят мне добра. Но я все-таки непоколебимо стою на своем и, к великому огорчению всех своих друзей и знакомых, неукоснительно желаю остаться холостяком и тако-

вым же ехать в Сибирь, и отговариваюсь тем, что в Тобо-лии холодно, а это, как известно, не слишком-то благоприятствует пламенению чувств, а я, разумеется, желал бы испытать любви пламенной. Но — странные люди! — не верят искренности моего объяснения насчет тобольских холодов, вымораживающих всякую любовь, и заподозревают во мне какое-то фантастическое мечтание жениться не в далеком же будущем на какой-то фантастической Параше-сибирячке. Ну и пусть себе толкуют!..

В Дубровичах я не был давно, не был и на святки, потому что слегка болел инфлюэнцией и не решился пуститься в дорогу, и отец ничего не знает о моем назначении в Сибирь. На днях переселюсь в Дубровичи до самого отъезда в Сибирь. В родном доме, кажется, все благополучно. В Дубровичах крупная новинка: наш поп, мой крестный Павел Петр. Розанов, волею Божией умер недели за три до святков, и там теперь новый поп, но я его еще не видал. О дубровницких обстоятельствах буду писать вам из Дубровичей.

В Питер писал два письма, но ответа до сих пор не получал, надеюсь скоро напишут.

Какой курьез: Григорий Сидорович пропал без вести более года, письма к нему в Вологду остаются без ответа, и решительно никому неизвестно, где он и что он. Федор Ефимов, пишет к Полянскому попу. Полянский поп спрашивает меня, и решительно никому о нем ничего неизвестно. Если ты что-либо о нем знаешь, напиши.

Давно я собирался сообщить тебе: у меня помаленьку собралась маленькая коллекция монет, обнимающая пять царствований: Ивана (Грозного), Федора Ив., Бориса (Годунова), Алексея Мих. и Михаила Федор.; монеты Ивана интересны изображением всадника на коне с приподнятым мечом в руке (а не с копьем, как на остальных монетах). Кроме того, один раненбургский благо-приятель подарил мне 270 мелких серебр. монет, очень старых, сильно избитых и с странными черточками и зигзагами на них; поверх этих зигзагообразных изображений на некоторых монетах можно подметить московский

герб — всадника. Очень интересные монеты, не арабские ли? Все 270 монет продырявлены, вероятно, служили украшением какой-нибудь татарской красавицы. Хотел идти поговорить об этих монетах к Черепнину, да как-то некогда, то неловко: я с ним не знаком, но все-таки думаю поговорить с ним, авось не слопают.

Затем, ты знаешь, вероятно, хоть понаслышке, некоего адвоката Чеховича; так вот, этот адвокат г. Чехович минувшим летом был в Мурмане на калиновской фабрике, шел по берегу озера по песчаному обрыву и увидел четыре камушка, лежавших неподалеку друг от друга; камушки эти оказались каменными стрелами, и одну из них я уже заполучил от него, обещался дать и остальные. По его словам, все четыре стрелы одной формы, одного цвета и одной величины и найдены на расстоянии $1/4$ арш. друг от друга, следовательно, кучкой и на поверхности почвы, слегка засыпанные песком.

Полученная мною стрела небольшая — с вершок, совершенно цельная, с небольшими плечиками, продолговатая, отбивная, самого обыкновенного красновато-бурого цвета, словом, неинтересная стрела. Мы с тобой сотнями считали такие стрелы; интересно то, что стрела эта найдена в Мурмане, сколько бы там можно было найти таких и подобных стрел и вещей при благоприятных обстоятельствах? Жаль, многое ценное погибает на наших глазах.

Василиса Ивановна кланяется вам, желает доброго здоровья и целует Лелю, добрая старушенция Василиса Ивановна, и всегда плачет, когда вспомнит Лелю, любит она ее чрезвычайно и всегда рассказывает, как когда-то Леля на улице в Рязани увидела ее и назвала папиной няней. Мне придется пробыть в Рязанской губернии до отъезда в Сибирь месяца два-три. За это время я хочу сделать кое-какие поездки, между прочим, собираюсь в Москву и надеюсь заехать к вам в Ярославль денька на два, но это будет не скоро, вероятно, в конце Великого поста. Затем прощайте, мои милые и дорогие, еще раз желаю вам всего хорошего,

Ваш Петр Алексеевич Городцов.

Село Викулово Тарского округа Тобольской губернии, 10 июня 1894 года.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Желаю вам доброго здоровья и счастья.

Простите, что долго не писал вам, простите, что не простился с вами пред отъездом в Сибирь. В том и другом я глубоко виноват пред вами. Многие причины препятствовали мне исполнить то и другое. В подробности этих неприятных причин я вдаваться не буду. Скажу только, что мне невыносимо горько было лишать себя возможности побывать у вас и повидаться с вами. В последнем письме своем Вася писал мне, что, с отъездом моим, вероятно, мы уже долго не увидимся. Это глубокая правда — и тем хуже для меня. Я полагаю, что по крайней мере года два, вероятнее же всего, и все три года я безвыездно проживу в пределах Сибири. Я думаю взять отпуск на следующий год на летние месяцы, но весь срок отпуска проведу в Сибири. Поеду в Тюмень, посмотрю северные окраины Сибири, побываю в Екатеринбурге и в Уральских горах. В Россию же мне поехать уже не удастся.

В настоящее время я уже в Сибири и в своем участке, кое-как устроился и принялся за работу. Из Рязани я выехал 30 апреля, а 15 мая был уже в Тобольске. Доехал до Тобольска так удачно, так счастливо, что положительно никак не ожидал этого.

Из Рязани до Нижнего и от Нижнего до Перми я ехал на пароходе. Погода все время стояла превосходная: ясные солнечные дни и тихие лунные ночи. Всякий день публика подолгу засиживалась с вечера на палубе парохода и каждую ночь имела возможность наслаждаться пением соловьев, заливавшихся на берегу и, по-видимому, мало обращавших внимание на пыхтение и громохание парохода. Берега были в полном цвету. Особенно были красивы Касимов, Елатьма, Горбатов и Нижний; все они расположены на очень крутых и высоких берегах Оки и положительно утопают в зелени садов, сплошь побелевших от расцвета. Забавно и интересно было путешествие по р. Каме. Я ехал по Каме в полный ее разлив, местами она разливается гораздо шире,

чем наша Ока под Рязанью, местами разлив ее неширок. Разлив Камы в нынешний год, говорят, был один из больших. Берега Камы порастают высокими кустами, которые заливаются водою только наполовину, верхушки же их — сучья и ветки остаются над водою и образуют собою почти сплошную и иногда очень густую аллею, по которой бежит пароход. Случалось раза два так, что пароход, к удовольствию публики, задевал и цеплял за эти прибрежные кусты.

Вдоль течения Камы встречается очень много маленьких островков, травянистых и покрытых кустами, и почти на каждом из них попадаются зайцы, и иногда очень помногу. При приближении парохода испуганные шумом и плеском колес зайцы принимаются бежать по островку в разных направлениях, как угорелые. На Каме же я впервые в свою жизнь увидел две пары диких лебедей. Красивая, надо сознаться, птица!

Чрез Уральский хребет приходилось переезжать по железной дороге. Рано утром, часу в третьем, меня разбудил сосед по вагону: „Вот и Уральские горы“. Я вскочил и прильнул к окну. Панорама Уральских гор, освещенная утренним солнцем, раскрывалась во всей своей полноте и прелести.

В том месте, где проложена железная дорога, Уральские горы не представляют собою ни крутых скал, ни крутых обрывов; переход от глубоких ложбин и долин к высоким горам всюду постепенный и гладкий, очень часто крутой, почти отвесный; линия поперечного сечения гнутая, не ломаная. Поэтому в перспективе отдельные горы и возвышения кажутся полукруглыми, с мягкими очертаниями. Уральские горы сплошь поросли сосновым невысоким и негустым лесом и производят подавляющее впечатление какого-то дикого величия. На Урале встречаются на протяжении железной дороги дивно хорошие места: горные тропинки и дороги, причудливо взбегающие по бокам возвышений и спускающиеся в долины, быстрые-быстрые горные речки, бурливо пробегающие по горным долинам, и т.д. В общем, надо сказать, что Уральские горы и вообще горные виды на человека, который во всю

свою жизнь не видал горы выше Высокой горы Борка, действуют страшно подавляюще, при более или менее продолжительном наблюдении горных видов чувствуешь, что внимание отказывается служить, утомляется, и впечатлительность притупляется.

Что касается сибирской жизни, сибирских свывчаев и обычаев, то сам можешь судить, что я еще не могу судить об этом — еще не осмотрелся. Скажу только, что крестьянство сибирское живет, не в пример русским, хорошо: широко, привольно, сытно и в большом достатке. Об этом когда-нибудь напишу тебе подробно. Ничего не могу тебе пока сказать и о своем личном душевном настроении. Доволен ли я переводом в Сибирь и надеюсь ли на что-либо лучшее, жалею ли я о России? Право, не могу еще сказать ничего определенного. В первые дни в Сибири я скучал по России и даже, более того, сильно саднило на душе и на сердце. Ведь Сибирь слишком еще примитивная сторона и культурных удобств здесь слишком мало, не сказать большего. Во многом приходится себя урезать и ограничивать.

Правда, на все это я был готов, и это не было для меня неожиданностью, правда и то, что в тяжелые минуты для меня была утешительной мысль, что все лишения хоть в малой мере вознаграждаются запасом новых для меня и довольно интересных, так сказать, сибирских впечатлений.

Будущее само за себя будет говорить, будущее же покажет, насколько хорошо или дурно я сделал своим переводом в Сибирь. Мне же ничего не видно, мне остается на долю надеяться и ждать.

Глубоко любящий и вечно преданный Петр Городцов.

P.S. Мой следственный участок помещается не в городе, а в селе Викулово. Это большое и богатое село, но, разумеется, как и всякое село, скучно. Здесь мне придется, вероятно, пробыть года два, если не больше. Село Викулово Тарского округа расположено на берегу реки Ишима, притока Иртыша; от Тобольска в 300 верстах, а от Тары — в 285 верстах; глушь порядочная, но местность очень красивая, с обширной и интересной перспективой.

Скуки ради хочу заняться составлением гербария, не знаю, удастся ли. Здесь, говорят, по части ботаники можно сделать очень много интересного. Я и сам вижу много травы, совершенно мне незнакомой, например, съедобная трава „саранки“ с цветочками-колокольчиками.

Жалко, что не имею ружья, научился бы я стрелять и стал бы охотником. В настоящее время я стреляю из револьвера в цель, и довольно удачно, примерно из 15 пуль на 10 шагов попадало в цель три пули.

Затем еще раз прощайте! Целую мою милую племянницу Леночку и племянника Олега.

[Без даты]

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна, красавица Леля и Олег!

Шлю вам мой сердечный привет. От души желаю вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия.

Последнее письмо ваше я получил от вас от 20 декабря 1894 года, следовательно, ровно год тому назад. Судите сами, что для такого долгого молчания должны быть солидные основания, и они, конечно, были, и когда-нибудь я вам подробно напишу о них.

Я не хотел бы только изложением причин моего долгого молчания портить впечатление настоящего письма. Поверьте, что это мое молчание больше всего сокрушало меня же самого. Во всяком случае, если есть еще в сердцах ваших прощение, простите меня, простите меня искренно, душевно, в простоте сердечной и по-родственному, как я сам искренно прошу и умоляю вас об этом прощении.

В последнем письме своем Елизавета Евгениевна писала мне, что племянница моя Леля выросла и уже читает и пишет, а племянник Олег еще не ходит (наверное, теперь-то он уже ходит). Боже мой Господи! Вот счастье, которого я не испытал и которое, кто знает, испытаю ли: видеть, как собственная малютка, такая хорошенькая девочка, как Леля, и такая маленькая — ведь ей в декабре месяце ед-

ва ли было 4 года — и вдруг читает и пишет!.. Видеть, наконец, как такой великан, как Олег, начинает ходить, шагает и передвигает своими ножонками, а потом и лепетать.

Трудно представить вам то чувство глубочайшего удовольствия, счастья и даже гордости, какое принесло мне коротенькое письмоцо Елизаветы Евгениевны, гордости от сознания, что вот я сам хоть и не обладаю таким великим счастьем, так, по крайней мере, мои близкие и дорогие, мои присные владеют им.

Дай Бог здоровья хорошенькой и умнице Леле. Берегите, берегите ее: уж слишком тяжелы детские-то годы. Берегите и Олега. В последних письмах ваших вы спрашивали меня, как я устроился и, так сказать, акклиматизировался здесь, в Сибири. Жизнь сибирская такая оригинальная, и впечатлений и наблюдений за полуторагодовое мое проживание здесь, в Сибири, накопилось так много, что изложить всего в одном письме, сами посудите, и невозможно.

Следовало бы вам описать природу Сибири и нравы ее жителей, но подробно об этом опять-таки после. Скажу только, что Сибирь — это громадные лесные и болотные пространства, население группируется по берегам рек и по большим проезжим дорогам, и население разбросано по деревням, отстоящим далеко друг от друга: расстояние в 10–15 верст от деревни до деревни считается ничтожным. Сибирское представление о расстоянии такое оригинальное и своеобразное, что и представить себе трудно. Сибиряк ни во что не считает расстояние в десятки верст. Сибирские крестьяне за 100–150 верст ездят друг к другу на пирушки, на „беседы“, как здесь говорят, и в масленицу на блины.

Крестьянин села Викуловского знает крестьянина села Слободчикова в расстоянии 100 верст друг от друга так же хорошо, как наш дубровицкий мужик знает апекановского. При такой разбросанности населения сибирский мужик имеет много мелких угодий: и полей, и лугов, и леса, и разных рек и озер. Сибирь — страна по преимуществу крестьянская, здесь нет таких крупных центров,

как Москва, Рязань и т.д., которые вытягивают всякие соки из массы крестьянского населения, и поэтому всяческие жизненные сельскохозяйственные продукты остаются и потребляются самими же крестьянами.

Что же мудреного, что сибирский мужик живет хорошо. Изба у него большая, светлая, чистая, прямо-таки барская; в чистой комнате у него зеркала и столы, покрытые чистыми красивыми столешницами, на полу-пестрые оригинальные ковры местного тюменского производства. Во всякую пору у всякого сибирского мужика ты можешь угоститься пивом и квасом. Словом, крестьянство живет богато, просторно и сытно.

Нельзя не отметить одной особенности местного населения — здесь много ссыльно-поселенцев. Сюда ссылают из России всю преступную сволочь: убийц, грабителей, поджигателей, воров, и вообще все преступные отбросы Европейской России из года в год наводняют Сибирь, и эти-то ссыльнопоселенцы составляют истинное бедствие и бич местного населения. 9/10 преступлений в Сибири совершается поселенцами, часто страшные драмы разыгрываются у нас здесь по соседству, но уж зато иногда и сибиряки круто разделяются с этими преступничками.

В Сибири — масса дичи, местные крестьяне не охотятся, а если и охотятся иные, то с такими ружьями, которым место не на правильной охоте, а в рязанском музее. Местное население в большинстве — старообрядцы или же воспитанные в старообрядческих обычаях и которые „польской“, т.е. полевой, птицы не едят; зайцев тоже не едят и считают их собаками. Однажды я купил у одного охотника великолепного, огромного зайца, только что застреленного, и дал его своей кухарке, или, как здесь говорят, стряпке, обделать и сготовить его к обеду, а стряпка-то была сибирячка, так ее вырвало, когда она принялась разделявать зайца; так-таки пришлось пригласить соседнюю кухарку, ссыльную из России, и просить ее зажарить зайца. Здесь обычное явление, что поедешь по дороге и видишь: около са-

мой дороги на берегах сидит целое стадо косачей, или куропаток, а летом утки взлетают чуть не из-под колес повозки.

Обо всем этом я сообщу вам когда-нибудь интересные подробности. Теперь же я расскажу вам кое-что о своем личном житье-бытье. В предыдущем письме своем я говорил вам, что я проживаю в селе Викуловском Тарского округа. Село это очень большое и богатое, и в нем размещены представители всех ведомств. По счастью, мы живем здесь все очень мирно и порядочно.

Больше всего я бываю в доме нашего лесничего, некоего Петра Алексеевича Яроновецкого. Яроновецкий, безусловно, личность порядочная и интеллигентная, это мужчина лет 40, женатый и семейный: у него 6 детей мал-мала меньше, старший сын обучается в Сибирском кадетском корпусе в Омске.

Это семейство Яроновецких крайне симпатичное и радушное; и муж, и жена люди веселые и занимательные, а сам лесничий к тому же увлекательнейший рассказчик всевозможных анекдотов — от самых серьезных и тенденциозных до самых смешных, таких, от которых у публики подводит животики. Памятью он обладает обширнейшей и наблюдательностью изумительной, да не беден он и житейским опытом.

Где-где он только не бывал и чего он не видал, был он, между прочим, и в Турции в последнюю войну. Детишки у него славные.

Вот в его-то доме я и бываю почти каждый день и принят там за просто. Жена лесничего, казанская институтка, сначала, по приезде в Сибирь, сильно потосковала, а потом кое-как успокоилась и теперь сделалась совсем сибирячкой; женщина умная и веселая, играет на фортепиано и говорит малость по-французски.

Есть здесь, в Викулово, и другие очень хорошие и приятные семейные очаги, например, дом акцизного надзирателя, почтмейстера и проч. У всех я бываю, и мою холостяцкую квартиру все с охотой посещают. Первое время по моем появлении я был в викуловском обществе в положении оглашенного, и меня, как новичка, старались вику-

ловцы посвятить в тайны сибирского жития, и меня самого расспрашивали о российских порядках и жизни. Приняли меня, вообще говоря, очень хорошо как представителя новых веяний и направлений и как человека нового, явившегося из более культурного мира.

Скоро я освоился в новом своем положении, скоро всех узнал и меня все узнали, сближение произошло быстро, и я сделался своим человеком. Много мне при этом удалось услышать действительно интересного из быта и недавнего прошлого Сибири.

Но вот настало время, так сказать, взаимного пресыщения. Все переговаривали, все переобсудили, и жизнь сибирскую я узнал и изучил в совершенстве, и не хуже любого сибиряка мог рассказать случаи из деятельности каких-нибудь земских заседателей (то же, что в России станковые пристава), все песни и прибаутки викуловских хороводов я изучил и мог распевать не хуже самого залихватского парня.

Я уже начал и со скукой знакомиться, тем более что к этому же времени и служебные мои отношения обострились до самой последней возможности и принимали мерзейшее направление.

Не одну минуту мрачной и гнетущей меланхолии пришлось пережить мне. Это мрачное для меня состояние достигло высочайшего напряжения в начале весны текущего года, главным образом, Великим постом и особенно в канун поста и на Пасху.

Я не знаю, чем бы разрешилось это положение. Только какой-то добрый гений явился ко мне на помощь и спасение: совершенно случайно явилась мысль в нашей компании заняться пением под аккомпанемент фортепиано. Лесничему первому пришла эта спасительная мысль вскоре после Пасхи; он слышал мое пение, мой голос ему понравился, и он научил меня несколькими романсами под гитару, а затем он настоятельно потребовал, чтобы я пел под фортепиано. Засадил он свою жену за фортепиано, а меня самого приставил к фортепиано, и я начал являть свое искусство. Долгое время случилось так, что я пел свое, а жена его играла свое, причем, главным образом, с моей стороны все музыкально-вокальные правила оставля-

лись в величайшем пренебрежении, а о музыкальном темпе я имел очень печальное представление, почему и из песенных попыток наших в результате получалась ужасная какофония. К тому же и фортепиано было совсем расстроено.

Но дело было сделано: благая мысль нашла добрую почву и стала избавительницей от моей ужасной хандры. Мало-помалу все препятствия были побеждены. Выписали из Питера новых струн для фортепиано и сложный камертон. Сколько трудов и хлопот стоило настроить и наладить новые струны, сколько трудов для меня стоило изучить первый романс (каюсь, ночей не спал, все заботился и зубрил первый романс; никому из викуловцев я также об этом не сказывал для поддержания своего престижа), и, наконец, о радость великая, о блаженный день! — под довольно сносно настроенное фортепиано я довольно борзо спел (кое-где и сфальшивил, разумеется, — уж без этого-то нельзя) первый романс — романс Шумана „Во Францию два гренадера...“. Сколько было ликования: все Викулово стекалось слушать дивного певца.

В настоящее время я уже выписал себе целый обширный альбом пьес рублей на 25, и я пользуюсь обширной известностью (разумеется, пока известность моя не выходит за пределы родного Викулова), но при новых и посторонних лицах я все еще конфужусь и пою не так борзо: все как будто сумно. Кроме шуток, сверх великого ожидания и чаяния, я сделал большие успехи в пении и теперь исполняю очень сложные и хорошие вещи. Занятие это доставляет мне великое наслаждение и утешение.

По прибытии в село Викулово я задумал жить самостоятельно и вести свое хозяйство; на этом основании я нанял себе дом-особняк, взял себе кухарку — старушку-поселенку, которая ухаживала за мной, как за сыном, и лакея-мальчика; завел себе корову и кухонное хозяйство: чашки, плошки да ложки, да проч.

Только это мое хозяйство мне не повезло, не пофартило, как говорят сибиряки: каждое утро является кухарка и требует то восемь

гривен на муку, то девять гривен на крупу, смотришь, в месяц-то вышло рублей 50–60. Так прожил я месяцев восемь, разорение да и только. В довершение несчастий кухарка моя запила запоем, и лакей мой сбежал, и остался я, как Марий на развалинах Карфагена. Ах, думаю себе, пусто бы вам было: за мои же капиталы да такое посрамление. Плюнул я на все дела и закрыл свою лавочку.

Так печально кончилась моя попытка к хозяйственной самостоятельности, причинив мне значительный финансовый ущерб. Теперь я живу на хлебах, имею только одного лакея и живу хотя неприглядно, да спокойно.

Брат, в последнем письме твоём ты, между прочим, черкнул мне, что ты не прочь бы иметь место на сибирской службе. Долго и много я думал над этими твоими словами. Прежде всего это твоё заявление было для меня уж слишком неожиданным, прямо-таки как снег на голову.

Все время мне представлялось и казалось, что ты такой завзятый службист по военной карьере, что и не подумаешь менять полковой мундир на всякий другой, не военный. В этом убеждении меня укрепляло и твоё поведение, главным образом, твой отказ от предложения рязанского губернатора принять место начальника тюрьмы. Не мне судить и понимать мотивы, побудившие тебя переменить твои взгляды на карьеру, предполагаю, что эти мотивы были и основательны, и рациональны. Разумеется, уж если ты решил оставить военную службу, так тут нечего и толковать. Весь вопрос в том, как устроиться по выходе из службы.

В Сибири много открывается мест и с каждым годом усиливается требование на культурных работников. Вся беда в том, что для занятия этих сибирских должностей и мест требуется или профессиональное образование, или же протекции: последние действительнее первого. Но главное и прежде всего, не робей, не унывай и надейся. Нет сомнения, что по выходе со службы ты много хлебнешь горя и много встретишь неудач и разочарований, да нам ли с тобою бояться неудач, ведь, в сущности, мы великаны на жизненном поприще, и судь-

ба нас далеко не балует. Бог даст, понемногу и помаленьку, взаимно поддерживая и помогая друг другу, мы и выберемся на дорогу и кое-как устроимся.

Дело только в том, стоит ли тебе стремиться именно в Сибирь на службу, ведь Сибирь сурова своим климатом и еще больше сурова своим административным гнетом, своими административными порядками или, вернее, беспорядками. Сибирь не знает пощады. И горе тому несчастному, который будет неосторожен и возбудит ярость сибирскую против себя: ему нет спасения, такого злополучного распинают без всякого сожаления. Произвол административный в Сибири практикуется в таких размерах, о которых там, в России, и представления-то не имеют. Тебе особенно нужно бояться службы сибирской потому, что ведь ты совершенно не знаком с канцелярскими порядками и приемами.

Собственно говоря, по-моему мнению, ты сделал большую жизненную ошибку в смысле карьеры, отказавшись от предложения губернатора занять место начальника тюрьмы. Канцелярских тонкостей в этой службе очень мало, к условиям службы ты скоро бы привык и жил бы ты теперь превосходно и, наверное, уже имел бы свой экипаж. А главное, ты жил бы и служил бы в крупном губернском городе в центре России, а это не то что служба где-нибудь в захолустье, вроде нашего Викулова. Но, вероятно, этого уже не вернешь. Во всяком случае, отчаиваться не следует. Но нужно быть и крайне осторожным, прежде чем выходить из полка, надо крепко подумать, например, о своем ближайшем будущем.

Жаль, что ты мне почти ничего не писал тогда о своих планах и намерениях. Прямо по получении письма ты мне об этом и напиши, так, чтобы к Рождеству я получил твое письмо. Подумаем вместе. Моя помощь для тебя гарантирована, пока я жив, здоров и служу.

Я посылаю тебе, брат, сто рублей. Если ты на эти деньги раза два три сводишь свое семейство в ложу ярославского театра, то я глубоко за всех вас буду доволен и счастлив. Если нуждаешься в деньгах,

то скажи мне, и я пришлю тебе еще, не могу прислать много, но еще сто рублей выслать я способен всегда по первому твоему требованию. Теперь я уже настоятельнейше и покорнейше буду просить, чтобы мне написали письмецо не только Василий Алексеевич и Елизавета Евгениевна, но и Елена Васильевна. Да, в самом деле, пускай Леля напишет мне хоть строчку своей ручонкой, а я с своей стороны торжественно обещаю и клянусь, что на следующий же год (если дадут отпуск) приеду в Россию и привезу ей за ее строчку ожерелье из уральского топаза. Кстати, сколько Леле лет? Ведь ей, кажется, не более 5 лет?!

Затем прощайте, мои милые и дорогие, еще раз желаю вам всего хорошего, всякого благополучия, а главное — доброго здоровья, мира и согласия. Скоро напишу вам еще. Уж теперь конец молчанию.

Горячо вас любящий ваш Петр Алексеевич Городцов.

Тюмень, 6 июня 1896 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и бесценные племянники: Леля, Олежек и Игорь.

Всем вам шлю я мой низкий поклон, целую вас всех и от искренне-го, горячего и любящего сердца шлю вам мое пожелание доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия. Не часто мне удается писать вам, но уж зато тот день, когда я берусь за перо, я благословляю и считаю счастливейшим в моей сибирской жизни.

Не знаю, чем и как уверить вас, но, право же, большая доля вины за мое молчание лежит не во мне самом. Вы вот, может быть, уже и сердитесь на меня за то, что я на целых три последних ваших письма не отвечаю, а если бы вы видели и знали, сколько удовольствия приносили мне всякий раз эти ваши письма. Немедленно же по получении ваших писем я являюсь к своим викуловцам и рассказываю им новости с родины, а иногда даже цитирую ваши письма. Фотография моих племянников была без всякого промедления демонстрирована на викуловском конгрессе и с полным достоинством выдержала самое

критическое обсуждение. В самом деле, какая Леля большая и какая она славная! Но Олежек — очарование! Он такой славной зверушкой вышел на карточке и так забавно зачесан — просто прелесть. И знаешь ли, брат, он замечательно походит на тебя. Я никогда не видал Олега, но если бы мне дали его фотографию, то я, ничтоже сумняшеся, признал в нем твоего сына.

Хороши у тебя ребяташки, брат, только повнимательней смотри за их здоровьем и физическим развитием. Не делай из своих детей таких, ни к черту негодных, даже физически, уродов, какими сделали меня и брата Николая. А я и Николай действительно уроды. Тебе известно, что Николай совсем глухой. Я тоже не лучше его. Недавно в коронационные дни я простудился.

В настоящее время я уже служу не в селе Викуловском, а в гор. Тюмени. Я перевелся сюда в начале мая этого года. Гор. Тюмень — лучший во всей Западной Сибири, лучше даже самого Тобольска. Здесь поживетсяя, вероятно, несколько удобнее, чем в Викулово, но все-таки мне жаль Викулова: слишком уж я свыкся и сжился с местными свычаями и обычаями.

Судебный мир Сибири переживает теперь очень интересную переходную эпоху и состоит, так сказать, в нервном ожидании судебной реформы и введения новых гражданских законов. Зыбь и рябь родного прогресса докатилась-таки и до наших окраин, и колыхнулось болото стоячее. С введением реформы служба в Сибири будет представлять значительные преимущества пред европейской службой.

Брат, я с большим удовольствием узнал от тебя о твоём реферате в Московской архивной комиссии „О каменном веке в приокском бассейне“ и несколько раньше об этом твоего письма я узнал из сообщений в „Русских ведомостях“. Чрезвычайно было бы желательно прочитать твой реферат; если он отпечатан в трудах Московской архивной комиссии, то сообщи, в каком номере, я обязательно выпишу.

Очень жалко, что реферат твой завенчался таким нежелательным инцидентом с граф. Уваровой. Право же, не стоило бы раздражать

эту барыню, в особенности теперь, когда она, в сущности, тебе была нужна. Следовало бы как-нибудь с нею поладить и загладить впечатление. Люди, подобные ей по своему умственному и нравственному складу, не способны возвыситься над критическим отношением, особенно если эта критика касается их; они привыкли к тому, чтобы их всегда и всюду кадили. Ну и пусти их. Кадить им мы не станем, но и раздражать их не следует — бесполезно, ведь их не перевоспитаешь.

Ты писал мне, что изучаешь геологию, эта наука хорошая, да ни черта я в ней не понимаю и не знаю. А знать из нее мне однажды хотелось, я даже выписал себе учебник геологии, но учебник-то мне оказался не по плечу, и я его забросил. Тебе же, я полагаю, он пригодится. Это „Курс геологии“ в 2 т. Мушкетова; с переплетом и пересылкой он мне стоил свыше 20 рублей. Было бы жаль, если бы мои деньги пропали задаром. Напиши, и я немедленно тебе его вышлю; себе же я выпишу Иностранцева геологию.

Кстати, об археологии. На реке Ишиме я нашел, т.е. вернее для меня нашли, две чудовищных головы каких-то гигантских травоядных чудовищ. Одну такую голову я привез с собою в Тюмень и хочу ее отправить в Москву на имя граф. Уваровой; другую же, если хочешь, я выпишу из села Викулова и пришлю тебе. Голова очень забавная, на нее стоит обратить внимание. У меня есть немецкая книга геологии Фахта, но среди рисунков я такой головы не встречал. В Западной Сибири очень много курганов с останками бронзового века, но каменных орудий я здесь не встречал нигде, по-видимому, их здесь даже нет. Хотя я археологией занимался за оба эти года очень мало за недосугом.

Здесь, в Сибири, я впервые напал на очень интересный памятник старины — на так называемые деревянные святцы. Это четырехгранная деревянная палка, окрашенная в четыре цвета по временам года; ребра четырехгранника-палки имеют по 30—31 вырезке, которые образуют зубчики, число вырезок соответствует числу дней месяца; против дней праздничных (напр., Благовещения, Преображения)

сделаны над вырезками фигурки вроде рыбки, елочки, птицы, лодочки и пр. Очень интересная вещь. Я видел такую палку от времен Екатерины II — 1756 г. У меня имеется на длинной ленте бумаги копия с такой палки-святцев с рисунками и отметинами.

Эту копию я также хочу отправить Уваровой.

В Тюмени снимаю с себя фотографический портрет; чрез неделю портрет будет готов и тогда же пошлю его вам.

В Тюмени вместе со мною живет и служит товарищем прокурора Алексей Иванович Лучинин. Ты, вероятно, помнишь его по Рязани, он, по крайней мере, тебя знает и помнит, и шлет тебе поклон; при свидании он много о тебе расспрашивал и интересовался твоею жизнью; он женился еще в России пред отправкой в Сибирь, и теперь у него ребенок — хорошенькая девочка.

Я торопливо пишу тебе это письмо: ждем массу начальства. В Тобольск едет новый губернатор, кроме того, прокурор Московской судебной палаты для ревизии сибирских судов, затем директор департамента М.В.Д. Куломзин для ознакомления с постановкой тюремного дела в Сибири; им всем навстречу выезжает наше начальство: председатель, прокурор и другие. А так как Тюмень — ворота Сибири, то все эти встречи нам, тюменцам, придется видеть и во всем этом участвовать.

Вообще Сибирью интересуются теперь сильно, и много в ней бывает людей, и слава Богу!

Все же не так скучно будет жить здесь.

Затем прощайте. Ей же Богу, скоро опять вам напишу.

Ваш Петр Городцов.

Тюмень, 20 декабря 1896 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и бесценные племянники!

Шлю вам мой глубокий поклон, желаю вам доброго здоровья и всяческого благополучия. Поздравляю вас с праздником и желаю вам

всего-всего хорошего. Дай Бог вам в добром здоровье, мирно и счастливо провести праздники и в радости встретить Новый год.

После последней нашей переписки воды много утекло, много, разумеется, пришлось мне, да и вам, конечно, пережить и испытать, больше, разумеется, плохого, чем хорошего. Такова жизнь, надо с нею примириться и поменьше обращать внимания на житейские тернии и на всяческие камни преткновения. В общем, и лето, и осень я прожил в Тюмени очень порядочно, спокойно и, пожалуй, разнообразно.

Здоровье мое очень хорошо, и я начинаю толстеть, лишь бедные мои уши вечно не в порядке: нет-нет да и заболят, да так заболят, что даже жутко становится. Доктор, который меня лечит, в утешение мне говорит, что моя ушная болезнь останется навеки, что нужно теперь заботиться не о том, чтобы излечить болезнь, а о том, чтобы не дать ей развиться до крайности. И за то ему спасибо. Малейшая простуда отзывается на моих ушах. Но все-таки бывают у меня светлые промежутки, когда я слышу очень хорошо, и в такие промежутки с каким удовольствием я пою! Смешно сказать, но глухая сибирская жизнь сделала меня певцом, и я теперь с очень порядочным успехом исполняю романсы и песни, какие полегче. Уж когда-нибудь мы с вами такой концерт закатим, что запляшут леса и горы.

К сожалению, это доброе время нашего свидания придет, вероятно, не скоро: служба уж слишком тянет и давит, да к тому же и средств для того никак не сколотишь. Во время викуловского сидения и заключения я скопил очень порядочную сумму и по приезде в Тюмень имел на руках рублей до 300 свободных денег. Я уже фантазировал: вот, мол, поеду на Русь, деньги на поездку есть. Да недолго пришлось мне порадоваться: тюменская жизнь так выжала меня, что я теперь даже состою в долгах, разумеется не в разорительных долгах, а лишь так в уморительных.

Да как и не разориться, сами посудите: летом в Тюмень прибыл роскошный цирк. Ну, вестимо, и пошел дым коромыслом: артисты, артистки, конфеты, букеты, ужины и черт знает что еще. Просто без-

образии. В заключение я возымел такое отвращение к цирку, что вот теперь и работает этот же самый цирк, а я в него ни ногой.

Да помимо того, минувшее лето вообще было и разнообразно, и оживленно. В первых числах августа была ревизия судебных учреждений Тобольской губернии — последняя пред реформой. Уже с конца июля для встречи ревизоров: председателя и прокурора Казанской судебной палаты — наше начальство начало наезжать из Тобольска. С трех округов были собраны в Тюмень следователи и товарищи прокурора, народу нас собралось много и прожили в таком компанействе мы целых дней десять; делать было нечего, жилось весело... И прожились же мы за это время! Ревизия прошла, вообще говоря, благополучно.

С 1 июля 97 г. я, Бог даст, буду называться уже мировым судьей. Тогда можно будет и жениться. Если женюсь, то совсем на бедной девушке, такой же бедной, как и я сам. Одно желательно было бы, чтобы моя невеста умела играть на рояле, чтобы можно было с нею концерты закатывать — уж слишком я люблю музыку и пение.

Шутки в сторону: если бы я не был так глупо простужен, и если бы мне дать хоть какую-нибудь музыкальную выработку, я мог бы очень порядочно петь. Теперь же я не пою, а кричу и выкрикиваю, для других-то это, вероятно, и не совсем приятно, но я сам плаваю в восторге и утопаю в блаженстве, когда исполняю под аккомпанемент рояля какой-нибудь чувствительный романс.

Вот в чем штука, брат Василий Алексеевич. Я почти совсем забыл Дубровичи, то есть забыть-то их я не забыл, а писать я туда совсем перестал. Из Сибири я написал в Дубровичи лишь одно письмо, мне ответил на него наш зять двумя письмами. Это было в самом начале моей жизни в с. Викулове. И после того вот уже года два переписка прекратилась. И я совсем не знаю, что делается в Дубровичах, думаю, что и дубровицкие меня вспоминают разве мимоходом, да и то едва ли добрым словом: вот, дескать, черт побрал его там, в Сибири, не хочет и написать о себе ничего, вестимо, загордился.

Удивительные в самом деле отношения устанавливаются в нашем родстве. Что это такое? Полное огрубение чувств, отсутствие их, одичание, что ли? Право, не знаю. Много раз хотелось мне об этом писать тебе, много и подробно, но всякий раз из опасения надоесть тебе я отказывался от этого намерения... Вместе с этим письмом я посылаю письмо и фотографию в Дубровичи. Это письмо будет второе за три года...

Брат-брат! Какие мною узнаны драгоценные стоянки каменного и бронзового веков здесь, в Тюменском округе! Вот бы найти средства! Директор Тюменского реального училища Ив. Яковлевич Словцов, любитель-археолог, составил себе целый музей древностей, и каких древностей! Какие роскошные костяки мамонтов *bos primigenius*, носорогов!.. Цены нет такому кабинету. Великолепные каменные орудия в его кабинете. Вообще прелесть. Право же, если останусь мировым судьей в гор. Тюмени, то составлю себе подобный же кабинет. Голова, о которой я тебе писал, принадлежит носорогу, таких голов у Словцова целый угол.

Шлю вам свою фотографию. Отчего бы вам не сняться целым семейством, право? В добрый час, снимайтесь-ка! Брат, если пристигнет нужда, пиши, всегда по мере сил и возможности помогу. Ну а теперь пока, до свидания. Еще раз желаю вам доброго здоровья и благополучия.

Спасибо Елизавете Евгениевне за письмо ее от 12 декабря, где она поздравляет меня с праздником. Милое письмо это привело меня в праздничное настроение за пять дней до наступления праздников.

Весь ваш Петр Городцов.

Село Тавда, 6 декабря 1897 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и детки-племянники!

Из далекой и холодной Сибири шлю вам мой горячий привет и низкий поклон, душевно желаю вам доброго здоровья и полнейшего бла-

гополучия. Это мое письмо, наверное, попадет к вам пред самыми рождественскими праздниками и, следовательно, в самую пору принести вам мои добрые пожелания. Хороший этот праздник, Рождество Христово, с его святыми вечерами — святками. Христос рождается! Ведь с рождением этого высокого младенца рождается и цивилизация, та цивилизация, благами которой живет человечество и по настоящее время, и будет жить еще много-много веков. Недаром все народы христианского мира празднуют рождественский праздник и святые вечера с какою-то, если можно так выразиться, торжественною особенностью, с каким-то особенным глубоким мистицизмом и искренностью, далеко отличающею его от других праздников.

И наша святая родина не отстает от своих христианских собратьев и также празднует праздник христианства и цивилизации широко, торжественно и с достаточной долей мистицизма; по части мистицизма-то, пожалуй, хоть и отбавляй. Сколько за каждый истекший год наша родина вынесет тягот, и сколько каждый русский человек вынесет тревог, горя, волнений и страданий, и все это разлетается в прах при первом же ударе праздничного колокола, разносящего в ночной морозной тишине по всем градам и весям, по всему лицу земли русской благовест. Христос рождается. И бедняку кажется вкуснее его черный хлеб и кислый квас на его бедном столе, и богачи становятся мягче и любовнее к своим меньшим братьям. Дай же Бог и вам, мои дорогие, встретить и проводить предстоящие праздники в добром здравье, в полнейшем согласии, счастливо и весело.

Я сам предстоящий праздник Рождество встречу в селе Тавде Тюменского округа. Это такой северный пункт, до которого я еще никогда в жизни не добирался. После последнего моего к вам письма много в жизни перемен произошло; Сибирь пережила судебную реформу, и я назначен мировым судьей; кличка недурная и рангом гораздо выше, чем следователь, да и жалованья дают куда больше, чем когда я был следователем. Сибирская реформа прошла, вообще говоря, с большей ломкой для частной жизни сибирских судебных деяте-

лей и с большим треском, чем можно было ожидать и чем мы ожидали; реформа эта выбросила многих из моих товарищей за борт служебного корабля, бедные, их положение очень печально.

Меня лично эта реформенная буря хотя и не выбросила за борт (я по этой части цепкий, как выражается дубровицкий Вася Андреев), но уже зато посадила меня в такой болотине, что хуже выдумать невозможно; меня назначили судьей в Тавдинский край, смежный с пресловутым Пелымским краем. Тавда, Пелым — это те самые названия, о которых принято говорить, что они веют холодом ссылки. Тавда — это непроходимые болота, необозримые пустоши, непролазные леса, страшная глушь, зверя и дичи столько, что и представить трудно. Единственно, что хорошо в моем назначении, это то, что мало дела и дешево жить.

Тюмень меня вдребезги разорила: этакий поганый городишко, так все в нем дорого: квартиры — приступу нет, все прочее „под кодрель“ квартирам; мои товарищи, тюменские судьи, все по уши влезли в долги. А я себе поживаю в Тавде, благодумствую, по малости скучаю, да на это наплевать, свищу в кулак да подшучиваю над товарищами: „что, мол, взяли, должайте теперь, когда-то расплатитесь, а мы при собственном капитале“. И ведь завидуют теперь мне мои коллеги, ей-Богу. А раньше куда, совсем засмеяли меня: тавдинец, говорят. Ах вы!.. Да, признаться сказать, и сам я при первом известии о таком моем назначении жестоко заскучал, мысли черные обуяли совсем было мою победную головушку, и черная тоска холодом окутала мое одинокое сердце, ну, словом, совсем затосковал и закручинился: посыпал пеплом я главу и разодрал мои одежды, какие похуже, разумеется, и с камнем тяжелым на сердце двинулся в Тавду, куда и приехал очень скромным и невзрачным путником, без всякой помпы, и таким своим незначительным появлением я жестоко обманул ожидания тавдинцев, тавдинцы до сих пор не могут простить мне и до сих пор не могут примириться с мыслью, что мир. судья явился к ним словно крадучись, и явился каким-то прощальным, с очень скудным багажом, тогда как они

ожидали, что мировой явится к ним с таким необыкновенным блеском и великолепием и привезет с собою всякого имущества и богатства, по крайней мере, на трех кораблях.

В настоящее время я не только примирился с своим заключением, но даже, пожалуй, и доволен им; у меня теперь есть время и деньги, тем и другим я хочу воспользоваться для пополнения моего знания. За время своих бесконечных скитаний я не только не получил ничего по части познаний, но даже, как и следует ожидать, растратил все, что знал.

Недавно я послал в Москву большой заказ книг, главным образом юридических, придут эти книги, засяду и поучусь: в Тавде никто не помешает моим занятиям. В этом смысле я даже решил до июля месяца 98 года из Тавды не переходить, хотя бы мне предложили лучшее место! По части занятий Тавда — клад, но по части покорения дамских сердец Тавда — одно огорчение.

Как только тюменские шутихи, куропатками я их называю, узнали, что меня закатали в Тавду, так сейчас же распустили свои хвосты и подняли носы и на меня — ни единым взглядом, словно я превратился в какую-нибудь невидимую каплю. Раньше туда-сюда юлили, а теперь... Ах, вы шутихи! Случись как-нибудь по неосторожности предложить: так и так, не угодно ли, мол, сударыня, иметь со мною по обычаю древних общение с огнем и водою и не угодно ли вам, сударыня, стать жрицею моего очага и моих пенатов, так куда тебе, сейчас же: „Как это можно!.. Тавда, ах!..“ — и обморок. Впрочем, в последнее время и по этой части мои фонды значительно поднялись.

Эх, мои дорогие, ужасно плохо подолгу не писать, письма выходят предлинные да д.б. и преглупые, чрезвычайно трудно их писать и, несомненно, еще труднее их читать. Ну что делать, простите, что м.б. до полусмерти уморил вас этим письмом. В самом деле, такой долгий перерыв в нашей переписке обуславливается, для меня по крайней мере, тем, что я малость затужился. Да теперь, слава Богу, все

отошло, словно рукой сняло. Теперь я весел и надеюсь отлично провести святки в Тюмени, где я имею возможность бывать когда угодно и сколько угодно, и Новый год встречу там же.

Вася, у меня есть к тебе просьба. Была у меня книга: курс политической экономии проф. Иванюкова — подарок покойного Языкова, и я ее где-то затерял, посмотри у себя, не затерялась ли она где-нибудь с твоими книгами, если найдешь, пришли ее, пожалуйста, ко мне поскорее. Затем еще вот какое дело. Одна тюменская барышня, она хоть также шутиха и куропатка, но все-таки славная, задумала учиться по-французски для того, чтобы поступить на телеграф. Нелегкая дернула меня порекомендовать ей самоучитель Оллендорфа, она выписала, но ей прислали какой-то другой, очень плохой, она послана обратно, и ей ответили, что Оллендорфа нет. Девушка в отчаянии. Тут я вспомнил, что у тебя этот самоучитель есть, и вот я тебя и прошу: пришли мне его, пожалуйста, ненадолго, хоть месяца на три, выручи меня и не посрами меня в глазах этой куропатки, буду очень благодарен. Кстати, сам-то ты как, продолжаешь ли практиковать французский язык, помнится, ты даже и немецкому обучался. Я же лично, слава Богу, по части языков совсем освободился и из немецкого помню только „фатер да матер“, да и то, кажется, «матер»-то будет по-латински. Знаешь ли, брат, тавдинская жизнь иногда навеивает на меня такие мысли: зачем я не естественник?

Какое обилие представляет Сибирь для естествоиспытаний, и я ровно ничего не могу и не знаю. Откровенно говоря, я отличаю домашнего селезня от утки лишь по тому, что у него в хвосте есть косички, а есть ли таковые косички в хвосте дикого селезня, ей-Богу, не знаю. К сожалению, мое скверное здоровье не позволяет мне ни побродить по лесам и болотам, ни поохотиться.

Ну, кажется, я довольно наговорил. Прощайте, живите счастливо и в добром здравии, не забывайте и меня, напишите, как ваши детки, небось, большие, так бы и посмотрел их.

Ваш брат и друг Петр Городцов.

Село Тавда, 7 декабря 1897 года.

Милейший Вася, шлю тебе сто (100) рублей, шлю на всякий случай, может быть, пригодятся, и если они тебе действительно пригодятся, то буду в душе этим глубоко доволен. Прошу только тебя об одном: купи по гостинцу твоим деткам и положи в рождественскую ночь гостинчики в детские сапожки, а когда детки в рождественское утро найдут в своих сапожках по гостинчику, ты и объясни им, что это от сибирского дяди, и если детки будут рады, то, я надеюсь, их святая детская радость отразится на многотысячном расстоянии и в моем одиноком сердце; пожалуй, расскажи при этом и какую-нибудь побасенку, что, мол, сапожки их за рождественскую ночь бегали в Сибирь поздравить дядю с праздником, и дядя их наложил гостинцами для деток сапожки доверху, да сапожки на возвратном пути слишком торопились, спешили вернуться к деткам вовремя и гостинцы-то дорогой все рассыпались, и осталось лишь то, что детишки найдут в наличности.

Ты, как я узнал, посылал мне в гор. Тюмень твою статью по археологии; представь себе, проклятая сибирская почта не доставила ко мне твою посылку, словно я неизвестен никому в Тюмени. Вероятно, эта твоя рукопись вернулась уже к тебе, тогда я просил бы тебя, пожалуйста, пришли ее мне, я с удовольствием прочитаю ее. Но если ты ее еще не получил, то поскорее напиши мне, и я перерою всю проклятую тюменскую почтовую контору и разыщу твою посылку.

Затем прощай, мой привет и низкий поклон Елизавете Евгениевне, целую твоих деток.

Твой Петр Алексеевич Городцов.

Тюмень, 20 декабря 1897 года.

Милый Вася, пишу тебе из Тюмени, куда я завернул из моих деловых поездок по округу. Я навел справки в тюменском почтамте, перерыл весь почтамт, и по справкам оказалось, что никогда от тебя на мое [имя] ни посылки, ни книг в бандероли не поступало, а если бы таковая поступила, то, как мне сказали, она немедленно же была бы

доставлена мне в Тавду, и в Тюмени-то посылка не пропала бы, потому что меня здесь знают.

Ясное дело, что книга твоя пропала где-нибудь дорогой, поэтому сделай заявление в Ярославле.

А пока суд и дело, как говорят в Сибири, не найдешь ли возможность прислать мне другой экземпляр твоей брошюры: с наслаждением бы прочитал, будь любезен, пришли. Пришли и те две книжки, о которых я просил тебя в предыдущем письме.

Это мое письмо придет к тебе, вероятно, как раз к Новому году, поздравляю поэтому тебя, Елизавету Евгениевну и деток с Новым годом, от души желаю вам доброго здоровья, счастья и полного благополучия, желаю вам как можно веселее и счастливее встретить Новый год. Ведь вы теперь недалеко живете от военного собрания, наверное, повеселитесь и детишек раза два отправите в собрание на елку. А что, ваш младший сынок такой же славный, как старший? А как Леля? То-то, небось, выросла! Дай Бог здоровья вашим деткам. Берегите, берегите их, никакая житейская борьба не страшна при добром здоровье.

Вася, если бы ты прислал свою брошюру, то я показал бы ее директору местной гимназии Ивану Яковлевичу Словцову и я прислал бы тебе его брошюру о раскопках каменного века, им произведенных; не худо, поэтому, если бы ты прислал брошюру в двух и даже в трех экземплярах. Я пишу так мало потому, что, во-первых, некогда, а во-вторых, подожду от вас ответа.

Теперь же прощайте и будьте здоровы.

Ваш брат и друг Петр А. Городцов.

Тюмень, 12 января 1898 года.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Наконец-то наступила и моя очередь отпраздновать праздник жизни: наконец настало мое время покончить счеты с молодой холостяцкой жизнью и начать новую, неведомую мне жизнь. 1 января

1898 года, т.е. в самый Новый год, я сделал предложение одной тюменской барышне, предложение мое принято, и я жених. Звать мою невесту Евфросиния Владимировна Петрова. Отец моей невесты, Владимир Гаврилович Петров, состоит агентом страхового общества „Россия“ и бухгалтером Сибирского торгового банка; мать ее Анна Спиридоновна Петрова. Семейство Петровых большое и состоит из трех сыновей и трех дочерей; моя невеста — старшая дочь Петровых. Дом Петровых почтенный, открытый и пользующийся общим уважением в городе. Дом Петровых гостеприимный, зажиточный, но не богатый.

С невестой своей я познакомился вскоре после перевода моего из Викулова в гор. Тюмень, она еще молодая девушка, лет на десять моложе меня. Невеста моя Евфросиния Владимировна, или, как я ее называю, Фрося, кончила тюменскую прогимназию и получила вполне приличное домашнее воспитание и отлично играет на рояле. Фрося не блещет внешней красотой, небольшого роста, худенькая и бледненькая, но она славная и вполне интеллигентная девушка, умная, сердечная и трудолюбивая. Наша свадьба будет, вернее всего, после Пасхи, хоть мне лично и Фросе хотелось бы устроить свадьбу до Масленицы, но родители невесты всячески настаивают на том, чтобы свадьбу отложить до апреля месяца, потому что до Масленицы за короткий срок они не могут сделать надлежащих свадебных приготовлений. О дне свадьбы я вас извещу особо письмом или даже телеграммой. Скоро пришлю вам карточку моей невесты, пришлю также и свою фотографию.

Счастливей, я вступаю в новую жизнь при хороших предзнаменованиях, с Фросей мы питаем друг к другу глубокие симпатии, и симпатии эти начались с первых же дней нашего знакомства. Надеюсь, что с помощью Бога я хорошо устрою мою жизнь и жизнь моей Фроси, надеюсь, что с новой жизнью покончатся те непорядки, которые сопровождали мою холостяцкую жизнь и которые мне глубоко, до отвращения, надоели.

Жаль одно, что молодую жену придется везти прямо в деревню. Ну да ничего! Я постараюсь, чтобы ей не было скучно, да к тому же это, кажется, и ненадолго, потому что есть основательная надежда, что я буду переведен в Тюмень или Тобольск, да и в деревне мы сумеем устроить себе хороший уголок.

Пишу это письмо с некоторыми перерывами: начал его в с. Тавде, а кончаю в г. Тюмени. Вчера по прибытии в город я попал на вечерок к невесте: у нее было много барышень — подруг ее. После вечера, по уходу гостей, когда я остался в доме невесты один, я снова завел речь о свадьбе, и было окончательно решено сделать свадьбу в апреле, после Пасхи.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна, как бы я был глупоко счастлив и доволен, если бы вы оба и с детками приехали ко мне на свадьбу. Ведь вы единственно близкие и дорогие мне люди, благодаря которым я выбрался на дорогу.

Да, кроме вас, едва ли кто и может поехать ко мне: отец — старик, и, конечно, не решится на дальний путь, равно Василий Иванович с Машей, и то едва ли; не надеюсь я также, чтобы приехали ко мне Григорий Абрамович с Анютой. На вас одних да еще на Григория Сидоровича только есть надежды. А тяжело не видеть на своей свадьбе родного лица.

Приезжайте, прошу вас и умоляю. Если вы согласитесь, то я пришлю денег на дорогу, а прожить в Тюмени стоит пустяков, из-за которых и разговору быть не может.

Много бы хотелось писать вам, да некогда. Напишу скоро еще. Отвечайте, Бога ради, поскорее.

Любящий вас ваш брат и друг Петр Городцов.

Село Тавда, 28 января 1898 года.

Милый Вася!

Одно время ты совершенно основательно упрекал меня за слишком ленивую корреспонденцию, боюсь, что теперь ты упрекнешь меня за

другую, совсем противоположную крайность: я, кажется, совсем забросал тебя письмами, прошу извинить.

Получил твою брошюрку с описанием нашего милого Борка и Черепков и прочитал ее с большим удовольствием и великим вниманием. Хорошо написана статья, толково и старательно, хвала тебе и честь. К сожалению, не могу за недостатком времени высказать тебе своего подробного суждения, я сделаю это как-нибудь после, я позволю себе лишь одно небольшое замечание.

Мне думается, что главные твои выводы сделаны слишком спешно и недостаточно убедительно. Ты называешь Черепки жилищем-стоянкой и далее крестишь эту стоянку новым именем „плотинных жилищ“. Едва ли с этим можно согласиться.

Ведь я-то хорошо знаю и Борок, и Черепки, и склоняюсь к тому мнению, что Черепки никогда не были и не могли быть жилищем; жилищем для примитивного человека был Борок, а назначение и значение Черепков и до сих пор, даже после твоей статьи, остается неоткрытым и загадочным; скажу даже более.

После твоих исследований значение Черепков не сделалось яснее и понятнее, и твое-то исследование меня всего более убеждает в том, что Черепки никогда не были жилищем.

Твое исследование меня приводит к такому предположению, что Черепки были храмом, капищем, и такому предположению, по моему мнению, вполне отвечает твое описание: очаг, около которого могли поместиться 4 человека лишь в сидячем положении, кухонные отбросы — остатки жертвенной трапезы и масса осколков кремней и сотни отделанных орудий и поделок из глины.

Ничего нет приличнее для жрецов — уже, разумеется, старейшин родов, как заниматься изготовлением в своем святилище орудий борьбы за существование и средств существования для более молодого и воинствующего поколения; даже <...>, облегающие Черепки правильным квадратом, подтверждают предположение Черепков как храма-капища, в смысле стремления дикарей оградить-укрепить свое

святилище; тем более что храмы искони служили крепостями и оплотами от вражеских нападений.

И в этом своем значении храма-капища Черепки имеют особенно высокое и ценное научное значение; значение же Черепков как жилища слишком гадательно и недостаточно убедительно.

Ведь вся площадь Черепков слишком незначительна, и на ней могло бы поместиться слишком мало людей, которых можно насчитывать единицами. Тогда как Черепки — сооружение титанов и не под силу немногим людям, Черепки — плод усилий целого и очень обширного клана, целого племени, которое могло поместиться лишь на Борке.

Черепки — явление, по-видимому, единичное, и вполне понятно: может быть, что Черепки были святилищем для дикарей, рассеянных на большом протяжении Оки. Скоро передам второй экземпляр твоей статьи Словцову и побеседую с ним, и тогда подробнее напишу тебе, теперь же, ей-Богу, некогда, завален работой.

Милейший Вася, будь добр, пришли, пожалуйста, мне по возможности поскорее списочек твоих книг, руководств и атласов по естественной истории для составления коллекций, о которых ты говорил мне в прошлом письме, я хочу их выписать себе.

Теперь я опять живу в деревне, и возможно, что эти атласы и руководства мне пригодятся.

Затем прощай, кланяйся Елизавете Евгениевне, целуй детишек. Вам всем кланяется и моя невеста Фрося, ей тоже ужасно хочется собирать букашек по атласам, боюсь, что она сделает меня совсем ученым естествоиспытателем.

Твой брат Петр Городцов.

Отвечай, брат, поскорее, с нетерпением ждут от тебя писем.

Село Тавда, 22 февраля 1898 года.

Милые и дорогие Вася и Елизавете Евгениевна!

Шлю вам мой горячий привет и низкий поклон. Дай Бог вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия.

Свадьба моя назначена 19 апреля, в воскресенье, т.е. неделю спустя после красной горки; я несколько отложил свадьбу затем, чтобы дать возможность приехать из России, может, родным и знакомым, не портя Пасхи на поездку.

Вася, я передал твою брошюру о Черепках директору реальной гимназии Словцову и от него получил две брошюры, из коих одна, о раскопках каменного века, назначена тебе, другая же, о Тавдинско-Пельмском крае, — мне, но я тебе пришлю и эту, вторую брошюру: она очень интересна. В предыдущем письме ты писал, что послал мне две брошюры, представь, я их еще не получал; уж не пропали ли они, как первая брошюра очерков, ведь это просто подлость почтового ведомства — не доставлять бандерольные отправления. Уведоми меня, пожалуйста, когда ты послал ко мне две брошюры и каким отравлением послал.

Отвечайте поскорее. Жду письма от Елизаветы Евгениевны, о котором упоминает Вася, а письма этого все нет. Целую деток.

Затем до свидания и будьте здоровы.

Ваш Петр Алек. Городцов.

Скоро пришлю вам карточку свою и невесты.

Село Караульноярское, апрель 1898 года.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Желаю вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия. Пишу вам наскоро, с оказией. Жаль, разумеется, если вы не соберетесь ко мне на свадьбу, но помочь этому нельзя. А может быть, и соберетесь.

Я переменил свое местожительство и перевел свою камеру из села Тавды в село Караульноярское. Числа с 10 апреля, с конца Пасхи, и до свадьбы, до 19 апреля включительно, я буду уже в Тюмени. Как только выберется посвободней время, напишу вам подробнее.

Теперь же пока, прощайте. Целую деток.

Петр Городцов.

Село Караульноярское, 4 августа 1898 года.

Христос Воскресе! Поздравляю вас, дорогой Вася и Елизавета Евгениевна, с светлым праздником. Искренно желаю вам всякого благополучия и доброго здоровья.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна, посылаю вам две фотографические карточки: одна венчальная, а другая сделана за несколько дней до свадьбы.

За то, что не писал вам так долго, простите, а главное — не гневайтесь: все пустяки и не писал я вам до сих пор лишь потому, что слишком углубился в свои личные интересы и впечатления. Это, с моей стороны, эгоистично и нехорошо, да уж ничего не поделаешь, так случилось.

О получении карточек напишите. Скоро, на днях, заведем с вами более действительную переписку, а теперь пока этим и ограничимся. Живу я теперь с женою, слава Богу, недурно, привыкаем друг к другу. Жена вам кланяется.

Затем до свидания. Ваш Петр А. Городцов.

Село Караульноярское, 12 июля 1900 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и милые племянники!

Всем вам шлю мой привет и горячо вас целую. Милый брат, на политических горизонтах загорелась кровавая заря, необъятный Китай шелохнулся, борьба идет не только в пределах Китая, но уже и в пределы нашей Сибири ворвались банды китайцев. Бог знает, как и когда дело кончится. Возможно, что и ваш полк двинется в поход, походная жизнь потребует особых расходов для тебя, потому я и хотел бы тебе помочь в этом деле. Я могу выслать тебе по первому твоему требованию до тысячи (1000) рублей. Смею тебя уверить, что деньги эти мои собственные, нажитые праведным и нелегким путем — путем сбережений, и, следовательно, можешь располагать ими со спокойной совестью. Я могу выслать тебе все эти 1000 р. или же буду высылать их

тебе или твоей семье по частям, как хочешь и как найдешь для себя удобней. Если тебе нужны деньги сей же час, то телеграфируй мне так: „Станция Иевлево Тобольской губернии Городцову. Выслать столько-то“. И я немедленно телеграфом же переведу тебе чрез Сибирский или другой какой банк. Я советовал бы тебе, Вася, запастись для похода кольчугой, во сколько бы она ни обошлась, я думаю, что ее можно было бы купить в Москве или Петербурге. Если будешь писать, то пиши заказными письмами, потому что у нас, в Сибири, пропадают не только простые, а даже и заказные письма.

От вас я в последнее время получил два письма, одно от тебя, Вася, в котором ты просил меня прислать тебе 100 руб. на приданое Кате. На это письмо я тебе не ответил потому, что не люблю я детей Анны и не хочу для них тратиться, да и тебе не советую на них расходоваться; разумеется, делай, как тебе Бог на душу положит. Второе письмо я получил от Елизаветы Евгениевны и каюсь — не ответил на него без всякой видимой причины; причины-то были и, может быть, основательные, да нет охоты о них говорить. Во всяком случае, я глубоко извиняюсь пред Елизаветой Евгениевной.

Я не хотел брать отпуска еще на год, но если бы тебе объявился поход и можно было бы с тобой успеть повидаться хоть на дороге, то я взял бы короткий отпуск и уехал к тебе повидаться; напиши об этом, Вася. Пожалуйста, только не сердись, что я не отвечал на твои письма; если Бог приведет, поговорим и об этом при свидании. В настоящее время я посылаю тебе 100 рублей, может быть, и пригодятся.

Жена моя кланяется вам и целует вас.

Любящий вас ваш брат и друг Петр Городцов.

Село Караульноярское, 4 октября 1900 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна, племянники и племянницы!

Шлю вам всем мой низкий поклон и горячо вас всех целую. Дай Бог всем вам доброго здоровья и полнейшего благополучия.

Страшно жалко, что, вероятно, еще очень не скоро я буду иметь счастье принести вам мое приветствие лично, т.к. отпуск я возьму при благоприятных условиях — не ранее осени следующего года, следовательно, ровно чрез год, а хотелось бы побывать у вас и повидать вас, а не виделись мы давно, и скучаю я сильно по родным, да и устал от работы, а работа у нас поистине сибирская, хоть то утешительно, что оплачивается в последнее время хорошо.

Последних два письма Васиных я получил: в последнем Вася меня пригласил в кумовья; я уже ответил телеграммой, что с восторгом принял это предложение. Этим предложением я был очень обрадован. Значит, будем куманьками. В добрый час. Лишь бы Елизавета Евгениевна была в добром здоровье да поправлялась бы скорее. Любопытно узнать поскорее, кто у меня будет — крестник или крестница. Я заказал крест с розовой лентой и с своей стороны был бы рад, если бы не ошибся. Крест я еще не выслал, потому что в Тюмени я не нашел себе по вкусу и послал в Екатеринбург, и надеюсь, оттуда пришлют мне крест хороший. С получением крест немедленно пошлю вам.

Живу я и служу все еще в деревне в полном одиночестве, следовательно, для скуки и томления большой простор. По счастью, в последний год я так был завален работой, что для скуки оставалось немного времени.

В ночь на 3 августа 1899 года меня обокрали: воры выломали окно в моей квартире, взломали сундуки и ящики комода и похитили массу имущества: белья, столовую и чайную серебряную посуду и главное — золотые и бриллиантовые вещи моей жены, всего более чем на 2000 рублей. Меня и моей жены в ту ночь дома не было, мы на несколько дней уезжали в Тюмень. Вора нашли, но из имущества почти ничего не нашли, а что и нашлось, то так исковеркано и испорчено, что никуда не годится. Хотел писать вам об этой краже тогда же, да раздумал, потому что приятно делиться хорошими новостями, а не такую дрянью, теперь же пишу об этом так, к слову. С домашними, с дубровичами, я совсем не переписываюсь, не переписываюсь и с Анютой.

Вася, если ты знаешь, где и что делает Григорий Сидорович, то напиши мне о нем, уж больно давно я о нем ничего не слыхал.

Меня очень обрадовала весточка, что красавица дочка ваша Леля учится в Полтаве в институте, дело очень хорошее. Печаловаться о разлуке, на мой взгляд, не стоит, потому что она устроена хорошо и надежно.

В утешение свое вспоминай, брат Вася, почаще, как мы с тобой учились и как протекало наше детство. Когда будете писать Леле, кланяйтесь ей и от меня, пускай она напишет своему дяде-сибиряку, и я отвечу ей, а может, pošлю и гостинчику, вот у нас заведется корреспонденция!..

Ваш брат и друг Петр Алексеевич Городцов.

Село Караульноярское, 12 октября 1900 года.

Милые и дорогие Вася и Елизавета Евгениевна!

Поздравляю вас еще с наследником, моим крестничком Ростиславом. Посылаю вам для моего крестника крест. Да принесет этот крест благословение Божие, силу и здоровье дорогому крестнику Ростиславу. Искренне желаю поскорее увидеть своего крестничка, да только ед-ва ли это удастся мне ранее следующей осени, а через год, Бог даст, мой Ростиславчик встретит меня бегом на своих ножках.

Как здоровье Елизаветы Евгениевны, поправляется ли? Если не трудно для нее, то я искренно просил бы ее написать мне кое-что о себе и о детках.

Сообщите мне, учится ли Леля на рояле, а учиться ей надо: уж слишком хорошая вещь — играть на рояле, ведь в институте, наверное, ведется преподавание игре, так, следовательно, препятствий для этого не предвидится. Плата же за учение, вероятно, невысокая, как-нибудь общими силами мы с тобой, брат, справили бы плату за обучение Лели музыке. Ведь она у тебя одна, надо постараться о ее воспитании. Мальчики — те разбойники, сами пробьют себе дорогу. Карточку Лели мне пришли, пришли и свою карточку. Твою карточ-

ку я уже получил как-то очень давно и не помню, уведомил ли я тебя об этом. Получил также и фотографическую группу — Елизавету Евгениевну с детками и кумушку Софью Николаевну. Теперь та карточка-группа очень пригодилась, потому что я знаю свою кумушку. Я всего два раза крестил, и у меня всего две кумушки, и обе славные. Почтение и низкий поклон моей кумушке Софье Николаевне.

Мы с женой оба здоровы, живем в деревне с маленьким подобием старосветских помещиков. Детей у нас нет. Кланяемся вам и желаем всем вам доброго здоровья и счастья. Мне хочется вам послать свою фотографию и я обязательно пошлю, но я еще не снимался.

Вася, в Тобольске есть мастерская, изготавливающая вещи из маонтовой кости, делают шкатулки, портсигары, запонки, дамские украшения, не хочешь ли, я пришлю тебе чего-нибудь на память. В половине ноября я думаю съездить в Тобольск и что-нибудь обязательно тебе пришлю.

П. Городцов.

Село Караульноярское, 3 января 1901 года.

Милые и дорогие мои Вася, Елизавета Евгениевна, племянники и крестничек Ростислав!

Сердечно поздравляю всех вас с Новым годом и с новым счастьем, искренно желаю всем вам доброго здоровья, счастья, радости и полнейшего благополучия. Очень жалко, что не удалось мне ранее поздравить вас и своевременно поделиться с вами праздничным настроением, всему виной тяжелые условия службы. Мне очень много приходится разъезжать. Я, например, в последний раз вернулся из уезда домой в ночь на 24 декабря, т.е. накануне Рождественского сочельника, и вернулся утомленный и слегка больной; вообще, после всякой поездки я несколько дней болею и могу вести лишь самые неотложные дела. В таком настроении, разумеется, не до писем. Хотя я люблю переписываться и очень скучаю, если переписка надолго прерывается.

В настоящее время я отвечаю вам на письмо ваше, опущенное в почтовый ящик 21 декабря и написанное 3 лицами и, таким образом, представляющее собою сразу три письма. Письмо это я получил 3 января и немедленно же на него отвечаю. За письмо шлю свое спасибо, я ему очень обрадовался.

Спасибо Лелечке, что она не забыла меня и не сердится, что я не ответил на ее последнее письмо из Полтавы, спасибо и Олежику, который в своем письме помимо родственных чувств проявил также и прекрасный твердый почерк.

В своем письмеце племянница Леля затронула важный вопрос, над которым я давно ломаю голову и которого удовлетворительно разрешить не могу, — вопрос об отпуске; племяннице хочется, чтобы я приехал во время летних каникул, с мая по сентябрь; для меня, конечно, каникул не существует, и я делю время по-своему: на летний и зимний сезоны, но сущность дела одна и та же.

Но дело в том, что я действительно не знаю, когда мне ехать в отпуск — в летний или зимний сезон; с одной стороны, летний сезон представляет более удобств для отдыха, а с другой стороны, зимний сезон удобнее в смысле свиданий с нужными людьми. Я лично склоняюсь по поводу зимнего сезона и думаю, что возьму отпуск на 4 месяца — с октября месяца, причем мне хотелось бы прожить в Петербурге по крайней мере месяц. Лелю я во всяком случае повидаю, если не в Ярославле, то в Полтаве. Должен сознаться, что я страшно скучаю по родным и рад был бы хоть на время выбраться из своей ссылки.

Посланные в ноябре месяце брошюры Васины я получил и за них благодарю. Я прочитал их с удовольствием. Если увидите мою кумушку, то шлите ей от меня мой низкий поклон и поздравьте ее от меня с Новым годом и с новым счастьем.

Затем прощайте, искренно желаю вам всего хорошего. Жена моя всем вам кланяется и целует.

Остаюсь любящий вас ваш Петр А. Городцов.

С.-Петербург, 9 ноября 1901 года.

Милейший Вася!

Письмо твое я получил уже с неделю тому назад и все собирался написать тебе и ответить на твои вопросы, изложенные в этом твоём письме, да все как-то не удавалось взяться за перо: то отвлекался пи-терской жизнью, то дожидался ответа от Василия Ивановича, которому я писал около двух недель тому назад, и так не дождался я этого ответа. Василий Иванович теперь в Москве, в Екатерининской больнице, и намерен пролежать там с месяц и даже более; туда-то, в Москву, я и послал ему письмо, на которое вот уже много дней тщетно жду ответа.

У Василия Ивановича пятеро детей: одна дочка — моя крестница и четыре сына. И какие у него дети — прелесть: красавцы и бутузы, смуглые здоровяки. Лишь старший, мальчик Саша, говорят, худенький, но я его не видел, потому что я был в Рязани тогда, когда Саша болел скарлатиной и лежал в больнице духовного училища в карантине, к нему даже матери не допустили.

Вас. Ив. построил в Дубровичах хороший дом, каменный, крытый железом, даже двери и ставни обиты железом, так что дом в пожарном отношении вовсе безопасен, дом просторный и светлый, одна дверь выходит на улицу, а другая — в сад. Вообще, помещение в Дубровичах теперь совсем хорошее. Григорий Абрамович с семьей живет в квартире старшего брата Андрея Абрамовича и занимает одну только, хотя и довольно просторную, комнату. По-видимому, Анята за эту комнату отправляет обязанности кухарки у жены Андрея Абр. Жена же Андрея Абр., по-видимому, женщина злая и вспыльчивая и, вероятно, частенько дает почувствовать Аняте ее приживательство. Сам же Андрей Абр. человек очень хороший и милый, и, разумеется, только его характером обуславливается для Аняты возможность жить на даровой квартире.

Анята представляет собою уже вполне старушку, но довольно еще бодрую, и когда бы я ни пришел к ним, всегда застаю ее за хлопота-

ми. Мне она бывает всегда рада, при моем приходе все суетится: не знает, где посадить, чем угостить. Наташа служит в дворянском банке с жалованьем 35 руб. в месяц и на это-то жалованье живет. Анюта с семьей Гр. Абр. получает пенсию 10 руб. в месяц. Я часто бываю у Анюты и подолгу у нее беседую. В последнее время Григорий Абрамов, заметно поправляется и крепнет, а за последние дни он один, без посторонней помощи, выходит на улицу и делает прогулку вокруг своего квартала, и это обстоятельство радует как его самого, так и всех окружающих. Но до полного выздоровления, по-видимому, еще очень далеко, т.к. левая нога и рука, и вообще вся левая часть тела, у него парализованы; ходить он может, но левую ногу волочит, левой рукою он слегка двигает, но владеть ею не может и ничего делать ею не может.

В Москве я был пять раз в опере и два раза в Художественном театре, в Малый не попал, потому что не понравились пьесы, назначенные в этом театре. Затем я был в Третьяковской галерее, в Румянцевском музее, Оружейной и Грановитой палате и осмотрел подробно храм Христа Спасителя и Кремль.

В Петербурге тоже осмотрел все, что есть в нем замечательного. Эрмитаж м.б. поставлен в параллель с Румянцевским музеем, а музей Александра III — с Третьяковской галереей. Разумеется, в каждом из этих учреждений есть свои особенности. В музее Александра III имеется прекрасная коллекция скульптурных произведений русских художников, главным образом, Антокольского, в Москве же скульптурных произведений почти нет. В Эрмитаже имеется огромная коллекция классической скульптуры и чудная коллекция египетских саркофагов, мумий и статуй с иероглифами. Картинный же отсек московских хранилищ стоит неизмеримо выше петербургских. О подробностях в письме распространяться, разумеется, нет возможности, обо всем этом я надеюсь поговорить при личном свидании.

Затем до свидания. Целую Елизавету Евгениевну и племянников.
Петр Городцов.

Москва, 7 декабря 1901 года.

Милый и дорогой Вася, печальную весть я теперь тебе сообщаю: жена моя Фрося больна легочной чахоткой в последних степенях и теперь так слаба, что я даже не знаю, как и доведу ее.

Я живу теперь в Москве в гостинице „Париж“ и на следующей неделе я поеду в Сибирь; я поеду числа 15 декабря, и не ранее 13 декабря, с сибирским поездом прямого сообщения. Вася, напиши мне, если успеешь, в Москву, как твое здоровье и как здоровье твоих деток.

Как я жалею и как жалеет Фрося, что мы уедем в Сибирь, не повидавшись с тобой и твоей семьей; Фросе хотелось также еще съездить в Дубровичи, т.к. ей очень понравился наш отец-старик. Мы с нею предполагали в половине декабря ехать к тебе в Ярославль, а затем на Рождество в Дубровичи, но теперь эти планы нас покинут. Я немедленно бы уехал в Сибирь, да доктор Боев советовал недели на две, именно до 15 декабря, остаться затем, чтобы путем смазывания горла излечить туберкулезное изъязвление гортани.

Прости и, может быть, прости опять надолго-надолго. Фрося целует тебя, Елизавету Евгениевну и всех твоих ненаглядных деток.

Прошу тебя, Вася, в своих письмах даже намеком не обмолвиться о том, что Фрося болеет чахоткой, т.к. она до сего времени думает, что болеет от простуды и скоро поправится.

П. Городцов.

Тюмень, 21 декабря 1901 года.

Милый и дорогой Вася, я и моя жена шлем тебе, а также уважаемой Елизавете Евгениевне и дорогим твоим деткам наш низкий поклон с сердечным пожеланием доброго всем вам здоровья, счастья и всякого благополучия.

В последнем письме своем я писал тебе о страшной болезни своей жены и о том, что мы уезжаем из Москвы в Сибирь; теперь мы живем уже в Тюмени у родителей жены, мы приехали сюда 14 декабря вечером и живем, следовательно, целую неделю.

Как трудна была наша обратная из России дорога. В Москве 9 декабря пред самым отъездом, когда вещи были уже уложены на извозчиков, с женою сделался страшный припадок слабости и обморок, так что я думал, что она умирает, да и сама она, когда немного оправилась и успокоилась, созналась мне, что думала, что умирает. К счастью, припадок продолжался недолго, разрешился рвотой, и мы даже успели сесть в поезд. Пять суток мы ехали, и за это время я также раза два был напуган страшными припадками слабости жены, в Пензе я даже совсем собрался выходить из поезда, да запротестовала больная. Теперь, слава Богу, больная жена моя в кругу своих родных. Положение ее безнадежно: с каждым днем она заметно тает и слабеет, я писал уже тебе, что доктора, как московские, так и тюменские, установили у нее легочную чахотку и лечить ее отказались, и мы поддерживаем слабый огонек ее жизни лишь усиленным питанием, да и питать-то ее нелегко, потому что все, чем мы ее кормим: молоко, яйца и мясной сок — все это больной страшно надоело.

В настоящее время моя жена очень плоха и слаба и с трудом может сидеть. Она не знает своей болезни, но, по-видимому, ее постоянно угнетают предчувствия: она все тоскует, посидит в одной комнате, соскучится и переходит в другую, часто забивается в уголок и глубоко задумывается, и даже плачет, да и плакать старается так, чтобы другие не заметили: она же боится беспокоить нас своими страданиями и слезами. Словом, наша Фрося недолгая гостья у нас: скоро она уйдет от нас надолго — навсегда. Ввиду таких моих размышлений ты видишь, брат, что и мне нелегко живется: холодное одиночество в холодной Сибири с тяжелым трудом из-за куска хлеба ожидает меня... Да будет воля Божия...

Брат, как мне жаль, что предстоящие праздники и Новый год я отправляю тебе настоящим письмом. Дай Бог тебе с твоею дорогою семьей встретить эти праздники в добром здоровье, счастливо и весело.

Затем до свидания. Еще раз будьте все вы здоровы и счастливы.

Ваш Петр Городцов.

Тюмень, 4 января 1902 года.

Милый Вася, поздравляю тебя, а равно Елизавету Евгениевну со всеми вашими детками с Новым годом и с новым счастьем, от души желаю всем вам доброго здоровья и полнейшего благополучия.

Я получил от вас два письма и из них вижу, что вы моего письма, посланного мною пред самыми праздниками, не получили еще; теперь это письмо к вам, разумеется, дошло, и из него вы узнаете о том, с каким трудом я перевез большую жену из Москвы в Сибирь. Положение жены безнадежное, хотя она сама, как и все чахоточные, все надеется на скорое поправление и совершенно не сознает своего положения и даже не знает о том, что она страдает чахоткой, т.к. доктора и окружающие держат ее на этот счет в полнейшем неведении. 20 января кончается срок моего отпуска, но в село Карaulьноярское я поеду один, т.к. жена не вынесет 180-верстной дороги с сибирскими ухабами, и бог знает, может быть, она уже никогда туда не попадет. В последние дни жена немного окрепла, вероятно, от усиленного питания, и у нее ослабел кашель и уменьшилась мокрота, но зато появились пароксизмы другого порядка, с не менее грозным характером: у нее появились боли в желудке и рвота. Доктора установили, что у жены моей нет ни одного легкого.

Из последнего вашего письма я узнал, что к вам на рождественские праздники приезжает ваша дочка Леля. Нечего говорить, что я страшно жалею о том, что не могу ее увидеть. Должно быть, моя такая судьба, что я вижу своих племянниц лишь взрослыми невестами. Брат, у меня к тебе одна просьба, с которой я давно уже собирался обратиться к тебе. Я просил бы тебя выписать мне литографированные лекции профессора Дем. лица Щеглова по энциклопедии права за текущий год, а если проф. Щеглов читает еще и лекции по философии права, то выпиши и эти лекции. Курсы проф. Щеглова прекрасны и вполне научны. Я страшно жалею, что во время своих скитаний и мытарства я утерял курсы энциклопедий (философия в мое время, как отдельный курс, не читалась, но поговаривали о том, что

ее будет читать именно Щеглов). Лекции ты можешь выписать чрез какого-нибудь знакомого студента или же чрез самого проф. Щеглова, т.к. ты знаком с ним, и даже чрез канцелярию лицея. Возможно, что курс Щеглова уже напечатан, тогда напиши мне, и я уже сам выпишу книгу.

Жена моя поздравляет всех вас с Новым годом и целует всех вас. Затем до свидания, остаюсь готовый к услугам вашим.

Ваш брат и друг Петр Городцов.

Тюмень, 7 марта 1902 года.

Брат Вася, все кончено! Жена моя Фрося 7 марта 1902 года в 3 часа дня тихо скончалась в ее родной семье на руках своей родной матери.

Похороны завтра, 10 марта. Помолись и ты за упокой ее доброй и хорошей души.

Пока прощай, не могу много писать. Подробно в следующем письме. Да храни вас всех Господь Бог.

Твой брат Петр Городцов.

Село Караульнярское, 23 апреля 1902 года.

Милейший Вася, получил твоих два письма и за них глубоко благодарю. Не сердись, что давно не писал тебе, на этот раз была к тому серьезная причина. Дело в том, что я недели четыре уже побаливаю, болят голова, грудь, кашель и лихорадочное состояние. Эта болезнь несомненно от погоды: за последнее время у нас стояла отвратительная погода, ветра со снежными буранами, лед на реках не трогался. Безобразие, а не погода.

За время моей болезни я получил много писем и, несмотря на все мое желание, ответить никому не мог до сего времени. Болезнь моя усилилась как раз пред Пасхой и держала меня в тисках всю Пасху. Между прочим, я получил письмо от Лелечки. Ах ты милая девочка! Она утешает меня в моем горе и с своим детским лаконизмом пишет:

„Дядя Петя, как твое здоровье. Я здорова“ и далее: „Ты, дядя Петя, не грусти, все равно ничего не сделаешь“. Воистину, устами младенца глаголет Бог. Сегодня я ей ответил. Затем я получил письмо от Платона Сергеевича Титова и Юлии Леонтьевны, оба они шлют мне свои утешения и сочувствие и спрашивают о тебе и твоей жизни. Я подробно ему сегодня же написал.

Платон Сергеевич служит в чине капитана в 29-й артиллерийской бригаде и квартирует в Риге. Получил я письма и от Григория Абрамовича и от Наташи; из этих писем я узнал, что здоровье Григория Абрамовича остается без изменения и без улучшения, что на летнее время Григорий Абрамович с Анютой едут в какую-то деревню близ Петербурга, а на зиму хотят найти квартиру, лишь бы не жить с Андреем Абрамовичем, с которым жизнь становится невыносимой и невозможной.

Из Дубровичей я получил письмо от Василия Ивановича лишь в конце марта; в письме этом, очень коротком, Василий Иванович пишет, что не надеется на поправление его здоровья; письмо мрачное и полно отчаяния, и написано оно болезненным и нетвердым почерком. По-видимому, здесь наступает начало конца. Да будет во всем воля Божия.

Мне жаль, что я с своими щегловскими лекциями доставил тебе хлопот, но, к сожалению, я и теперь не хочу освободить твою душеньку. Ведь когда-то переедешь из Ярославля в Москву — а в этом переезде я не сомневаюсь, — то без тебя-то я этих лекций и подавно не достану. Попробуй достать эти лекции у педеля, студентов лицей или же у секретаря Главшикова; с этими хамами можно не церемониться, так как для них такие дела источник к наживе. У самого же проф. Щеглова если и есть литографированные лекции, то, вернее всего, он их не даст: ему и самому они нужны. Разумеется, если у педеля и секретаря лекций не найдешь, то нечего и беспокоиться.

О твоём реферате в Московской архивной комиссии 8 апреля я узнал из „Русских ведомостей“. Крайне радуюсь за тебя, что ты при-

нял предложение графини занять место в Историческом музее; я не сомневаюсь, что место будет утверждено за тобою, и можно только радоваться и благодарить Бога: сколько открывается пред тобою возможности работать, читать и следить за развитием того дела, служению которому ты посвятил свою жизнь.

Ты интересуешься узнать, как я устроился теперь в моем одиночестве. Я устроился так, как и можно устроиться при условиях, неблагоприятных для меня. Внешние условия моей жизни и труда не изменились; я живу на той же квартире и ни в чем, даже в составе своей прислуги, не изменил заведенного порядка. Недостает одного только человека, но эта недостача страшно тяжела. По временам я жестоко тоскую и склонен думать, что и болезнь моя, о которой я говорил тебе в начале письма, в немалой мере обусловлена скукой.

Прислуга моя меня, разумеется, обворовывает, это зло неизбежное в жизни одиноких людей. Плохо то, что с самой смерти жены я забросил дело и хоть убей — не могу взяться за работу. Впрочем, теперь, с конца апреля, думаю взять себя в руки и сесть за канцелярию. Целую и шлю поклон Елизавете Евгениевне и деткам. Дай Бог всем вам доброго здоровья и полнейшего счастья. Пришли мне свои брошюры, я всегда их читаю с увлечением. В случае назначения твоего в Ист. музей напиши мне и даже, если можно, телеграфируй, и я от души с тобою порадуюсь и возблагодарю Бога.

Любящий вас всех ваш брат и друг Петр Городцов.

Село Караульноярское, 23 апреля 1903 года.

Милые и дорогие Вася, Елизавета Евгениевна и племяннички!

Письмо ваше и карточку Лели я получил вскоре после Пасхи, одновременно с вашим письмом я получил письмецо и от самой Лели. Всем этим я, разумеется, был крайне обрадован. Я очень рад и счастлив, что все вы поживаете в добром здравии и что все у вас обстоит благополучно; радуюсь я и учебным успехам Олега и Игоря, жаль, разумеется, что Олежек слабоват по орфографии, только это не ве-

ликая печаль и можно смело надеяться, что он преблагополучно осилит и минует этот камень преткновения в самое непродолжительное время.

Приятно слышать, что наконец сделано представление о назначении тебя, брат, в Исторический музей, дай Бог, чтобы назначение это состоялось. На это назначение по справедливости можно смотреть как на благословение Божие; назначение это открывает пред тобою широкий простор для работы и труда на излюбленном тобою поприще, обеспечивает тебе свободное время, которое дороже денег, и предоставляет тебе в полное распоряжение огромные средства. Какая библиотека будет у тебя под руками! Работай себе, лишь бы хватило сил и здоровья. Дай же Боже, чтобы назначение это состоялось как можно скорее!

Жаль, что тебе предстоит мало жалованья получать, да это пустяки: деньги — дело наживное и, в конце-то концов, все-таки не в деньгах сила. Пожалуйста, брат, с получением назначения напиши мне и даже телеграфируй: «Станция Иевлево Тобольской губернии. Судье Г-ву». Я глубоко и сердечно сочувствую этому назначению; твое последнее письмо, где ты писал, что твое назначение не состоялось, ввело меня в тяжелое и мрачное раздумье и даже уныние.

О себе могу сказать лишь то, что я, слава Богу, жив и относительно здоров. Прошу извинить меня за то, что я долго не писал вам, да на мое молчание вообще надо поменьше обращать внимание, и никаких серьезных оснований в свое оправдание я привести не могу. Я решил остаться на службе еще на год, до мая 1904 года, и за этот год в отпуск не пойду, и, следовательно, увидимся с вами еще не скоро.

Вы пишете, что готовитесь уезжать из Ярославля на лето: Вася на раскопки, а Елизавета Евгениевна — в Рязань, я шибко опасаюсь, что это мое письмо не дойдет по назначению, потому что не захватит вас. На всякий случай напишите мне. Затем до свидания и будьте здоровы!

Ваш Петр Городцов,

Станция Иевлево Тобольской губернии, 4 декабря 1903 года.

Милый и дорогой Вася!

Письмо твое от 19 ноября с.г., в котором ты сообщаем мне о своем переводе и переезде в Москву, я получил и, признаюсь, я был глубоко взволнован этим радостным и желанным известием. Слава Богу, наконец-то исполнилась эта золотая и заветная мечта! Такая хорошая и счастливая удача, какая выпала тебе на долю, бывает нечасто в жизни человеческой. Мне часто приходит в мысль одно некрасовское изречение:

*Воля и труд человека
Дивные дивы творят!*

И другое евангельское изречение: „Вера двигает горами“.

Думается мне, что оба эти афоризма в надлежащей полноте нашли свое воплощение и осуществление в твоей личности в данный момент твоей жизни. Ты нашел в своей жизни цель, которая вполне отвечает твоим духовно-нравственным силам и влечениям, ты нашел дело, себе приятное, и решительно действовал, устремивши взор в одну эту точку — жизненную цель, и неуклонно следовал намеченным путем, руководясь этой целью, как путеводной звездой. Ты нашел меч по руке и ратуешь, и достиг на этом поприще таких результатов и такого положения, которые лет пять-шесть тому назад, наверное, представлялись тебе волшебной сказкой. Трудно, очень трудно человеку определить и оформить свои жизненные задачи и дела. Много неудач, горя и щелчков человек встретит на своем жизненном пути, прежде чем разберется в своих склонностях и способностях и прежде чем поймет и узнает свои духовные силы.

Особенно нам, людям, вышедшим „со дна“, трудно познать самого себя, ведь с детских лет мы не получили никакого воспитания; не говорю о доме — что дала нам школа? Ведь не Феофилакт же Антонович Орлов, сумасшедший учитель греческого языка, способен раскрыть нам наши способности и таланты.

Но хотя человеку трудно дается познать себя, тяжело дается усвоение и определение своих жизненных целей и идеалов, однако в жизни человеческой это далеко не все: нужно еще отвоевать себе путь и возможность достижения этих целей и идеалов, а это порой бывает потруднее, чем формирование своих задач. Редко выпадает на долю человека такое счастливое сочетание обстоятельств, когда и цель, и путь к достижению их стоят в гармоническом согласии; в подавляющем большинстве случаев бывает так, что человек видит и понимает свою цель, но не имеет возможности достигнуть ее.

В жизни человек пытается пламенным желанием жить и трудиться на симпатичном ему поприще, вся жизнь его есть жизнь странника, взыскующего града бога живого, но несчастный так и умрет, не только не проникнув в этот храм мечты и желаний, но даже без надежды хотя бы достигнуть мраморных ступеней порога этого волшебного храма. Этот разлад между идеалами и действительностью вызывает адскую муку в душе человека. Представляю себе, какую страшную драму ты лично переживал в то время, когда тебе полковой командир делал замечание за то, что ты шел пред своей ротой не на восемь шагов от линии солдат, или за то, что ты не подписал лишнего четвертака на проводы ротного или батальонного командира. С одной стороны, желание учиться, знать и работать, а с другой — разнос за шагистуку и мелочные придирки.

Вот потому-то я всегда горячо желал, чтобы тебе удалось пристроиться к музею, я считаю, что положение в музее обеспечит тебе свободное время и даст полную возможность с головою погрузиться в занятия, тебе близкие и родные, и потому-то я и считаю твое назначение в музей самой счастливой и торжественной минутой в твоей личной жизни. Я хорошо понимаю, что с поступлением в музей ты еще не свершил своей жизненной задачи, наоборот, ты только на пороге к делу, пред тобою только открывается широкое поле для большого труда. Зачем скрывать: немало еще придется тебе испытать и горя, и, может быть, разочарований. Но все это не важно, не для наслаж-

дений и не для звуков сладких мы появились на свет, и трудом нас не запугаешь. Ты в храме науки, и этим сказано многое, хотя, конечно, не все. Немцы выработали одну коронную поговорку: дай мне только один палец, и я схвачу тебя за всю руку. Судьба к тебе стала благосклонна и милостиво предоставила тебе один палец, не робей, хватай ее за всю руку!

Все эти мои рассуждения могут показаться тебе слишком книжными и неуместно философствующими. Допускаю, рассуждения эти могут послужить основными тезисами для развития их в целых томах и толстых трактатах, но только я не вычитал и не почерпнул этих мыслей из каких-либо философских фолиантов, да я, нужно сознаться, недостаточно начитан и сведущ, особенно по части философии, нет, все эти мысли я пережил и передумал, и выработал тяжелым опытом моей многотрадальной жизни.

И если мои рассуждения и мысли покажутся тебе старыми и банальными, так это потому, что в мире никого ничем не удивить: ничто не ново под луною. Я одного только боюсь — наскучить тебе своими рассуждениями. Когда я принимался тебе писать, то полагал, что письмо мое будет не из длинных, а вот вишь ты — как разболтался! Ну, что делать: нечасто мне приводится и поболтать. Во всяком случае, от всей души и сердца поздравляю тебя и желаю тебе доброго здоровья и полнейшего успеха.

С 20 сентября 1904 года я беру отпуск на 4 месяца и буду жить исключительно в Москве за все время отпуска. Я был бы доволен хотя бы в малости принять участие в разборке ученого хлама в подвалах музея. Я хотел бы узнать от тебя, как ты устроился в своем новом положении и сошелся ли с сослуживцами. Напиши мне обо всем этом. Я просил бы также Елизавету Евгениевну написать мне, как она устроилась в Москве на квартире, довольна ли, привыкают ли детки к новой обстановке, ходят ли учиться, и куда именно, Олежек и Игорь; как ваше здоровье и здоровье детей. Ужасно жаль, что я никак не могу собраться написать Леле, а напишу, непременно напи-

шу. Получаешь ли ты письма и сведения из Дубровичей и из Питера от Анюты? Мне никто не пишет, и я никому не пишу. А надо как-нибудь возобновить переписку.

Затем прощайте! Целую всех вас и желаю вам доброго здоровья и счастья. Благословляю моего крестника.

Твой брат и друг Петр Городцов.

10 января 1904 года.

Дорогой Вася! На Святках я получил от тебя письмо, за что и спешу засвидетельствовать тебе свою благодарность. Печальные вести сообщаем ты о дубровицких делах, о родном гнезде, хотя, признаться, и нельзя было бы ждать оттуда иных известий. Старик-отец уже слишком стар и, конечно, близок к вечному покою, не новость для меня и болезненное состояние Василия Ивановича. И все-таки как все это тяжело и грустно, грустно до слез, до отчаяния. Да, в таком положении сохранить самообладание — вещь нелегкая.

Особенно жаль зятя Василия Ивановича, человек он прекрасный во всех отношениях, добрый и умный, со смертью его, конечно, будет разорено до основания наше старое родное гнездо. Главное же, страшнее всего то, что смерть Василия Ивановича грозит гибелью для его деток, а детки у него одна прелесть: красивенькие и такие умники! Весь ужас положения несчастных сироток заключается в ужасных наклонностях их матери: Маша, несомненно, поражена алкоголизмом. Со смертью мужа Маша, вероятнее всего, с горя выпьет и, конечно, почувствует, что алкогольное состояние добро зело, потому что оно притупляет жгучую боль невозвратной потери и несет забвение, хотя бы кратковременное. И отсюда гибель ее самой и ее детей. Удержать ее будет некому. Важно, чтобы Маша именно на первых порах сумела пережить ниспосланное на нее испытание Божие и не поддалась бы алкоголю — этому дьяволу-искусителю. Впоследствии же можно было бы помочь ей словом и делом, чтобы она хоть с трудом могла бы поставить на ноги своих детей.

Вот в этих-то видах я и полагаю, что тебе, Вася, было полезно съездить в Дубровичи немедленно же после смерти Василия Ивановича. Твое личное посещение и воздействие будет, несомненно, благотворно для Маши, ты утетишь, успокоишь и обнадежишь ее, что еще не все потеряно. Несчастный брат наш Николай Алексеевич тоже, несомненно, нуждается в твоём утешении. Письма же — вздор, да и когда они дойдут до назначения.

В письме от 30 декабря племянница Наташа из Питера писала мне, что она 12 сего января выходит замуж, только, чудачка же, она в своем письме не написала имени и фамилии своего жениха, а теперь ее мужа. После свадьбы новобрачные предполагают ехать в Москву и быть у тебя. Да, брат, старое старится, а молодое растет! Давно ли мы с тобой провожали Анюту с Наташей из Рязани в Питер, тогда Наташа была диким ребенком и замарашкой, а теперь ты встретишь и увидишь довольно изрядную питерскую барыню недурной наружности. Интересно бы знать, какое впечатление на тебя произведет молодая парочка, если не поленишься, напиши об этом.

В последнем письме своем ты сообщаешь, что тебе советуют занять кафедру археологии в Московском университете. Это блестящее предложение, несомненно, крайне заманчиво: чего стоит одна кличка профессора Университета!

Но по зрелом обсуждении всех обстоятельств, имеющих отношение к этому вопросу, едва ли можно советовать тебе принять это предложение. Во-первых, чтобы подготовить себя к чтению лекций, нужно потратить массу времени и здоровья; времени же у тебя не слишком много и здоровьем ты, как я усматриваю из твоего последнего письма, тоже похвастаться не можешь. Во-вторых же, и это главное, археология как курс и как научная дисциплина занимает второстепенное место среди других курсов и наук, преподаваемых в Университете. Такие курсы обыкновенно носят название необязательных, а я знаю, как студенты относятся к слушанию необязательных курсов. Само собою, возникает вопрос: стоит ли тратить массу

труда и времени затем, чтобы читать в пустой аудитории. Таким образом, это новое поприще роз и лавров тебе не обещает, шипов же и терний дает тебе вволю. Конечно, это дело твое личное и давать советы со стороны рискованно, поступай так, как найдешь лучше и благоразумнее.

Интересно знать, какие слухи циркулируют у вас в Москве о столкновении с Японией. В Сибири в народе разлита уверенность, что весною откроются военные действия не только с Японией, но и с Китаем по всей китайской границе.

Затем до свидания! Кланяйся Елизавете Евгениевне и деткам.

Твой брат и друг Петр Алексеевич Городцов.

Пиши заказные письма, простые не доходят. П. Г.

22 августа 1904 года.

Любезнейший Вася!

С 20 сентября с. г. я буду пользоваться 4-месячным отпуском. Я предполагаю ехать сначала в Рязань чрез Казань и уже из Рязани проеду в Москву, где и буду жить месяца полтора-два. Возможно же, что я проеду чрез Нижний прямо на Москву и тогда я буду у тебя в гостях в конце сентября. В Москве я постараюсь устроиться где-либо по соседству от вас, но и неподалеку от центра города. Я просил бы тебя написать мне, где ты живешь, на той же ли квартире на Пречистенке или в другом каком месте. Ответом поторопись, чтобы письмо твое застало меня здесь до отъезда. Кстати, дай мне совет по такому поводу. Я буду выписывать себе жалованье 20 октября и 20 ноября в Москву, могу ли я для этого пользоваться адресом твоей квартиры и дать место твоей службы — Исторический музей, если бы это оказалось возможным, то я пред отъездом заготовил бы две ассигновки с адресом и оставил бы их своему заместителю, в противном же случае мне придется много возиться с пересылкой ассигновок из Москвы в Тюмень.

Шлю поклон и почтение Елизавете Евгениевне и деткам.

До скорого и счастливого свидания, Петр А. Городцов.

16 января 1906 года.

Дорогой брат Василий Алексеевич!

Вот уже четыре дня, с 21 сего января, как я приехал к себе в сибирскую деревню. Весь путь я сделал благополучно, а главное, путь сделал с очень незначительным опозданием, всего на 1/2 суток: в Тюмень я приехал вместо утра 18 января поздней ночью. По приезде в Тюмень я получил от тобольского губернатора уведомление, что я представлен в крестьянские начальники и, следовательно, я скоро должен буду менять свое титло. В добрый час! Я все-таки рад этой перемене, по крайней мере, хоть дела меньше будут.

Я посылаю тебе переводом по почте 20 рублей на раму к моему портрету и на пересылку, я полагаю, что вполне достаточно сделать раму рублей 10–15, а пять рублей, по-моему, достаточно на пересылку; думаю, что лучше переслать портрет транспортной конторой „Надежда“ до гор. Тюмени. Я обещал Алексею Викторовичу выслать чугунную статуэтку уральской работы. На ст. Златоуст я видел в мелочной лавочке 2–3 порядочных статуэтки конных, но затруднился выбором, мне хотелось бы узнать подробнее вкусы его, статуэтки по размерам вполне подходят к бахрушинским в Ист. муз. В Тюмени мне говорили, что хороший запас статуэток будет заготовлен на Урале (Екатеринбург и Златоуст) в конце зимнего сезона, к Великому посту; запас этот готовится каждый год для транспортировки в Евр. Россию с открытием навигации. Тогда я поеду в Екатеринбург и вышлю статуэтку.

Все свое имущество я привез в полной сохранности, кроме лампы, которую слегка помял, что, конечно, досадно, но лампа все-таки годна к употреблению. В Сибири все обстоит благополучно, здесь царят полный мир и благодать, ни японская война, ни петербургская резня нисколько не смущают покоя сибирского обывателя, и сибирские мужики так пьянствуют и гуляют, как не пьянствовали и не гуляли с сотворения мира.

Свидетельствую поклон и почтение Елизавете Евгениевне и деткам.
Петр Городцов.

Станция Иевлево Тобольской губернии.

Дорогой Вася!

Письмо твое из Москвы я получил 14 января и спешу на него тебе ответить. Признаюсь, что это письмо твое меня глубоко обрадовало: приятно, что ты опять в Москве и устроился опять в музей. В последнее время я серьезно уже начинал подумывать о том, что тебе не придется вновь вернуться в музей. Предложенная тебе кн. Щербатовым служебная комбинация, несомненно, хороша и выгодна. На твою годовую пенсию ты не можешь иметь такой квартиры, какую тебе дадут в музее. А главное, при готовой казенной квартире сколько забот с плеч падет, не будет неприятных мгновений с квартирными хозяевами, а главное, не будет этой проклятой заботы о дровах, об отоплении и о тепле. Уже не говорю о том, что единовременные 300—400 р. почти возмещают потерянную пенсию. Я положительно не вижу, почему бы эта комбинация не могла не удалась. Несомненно, труднее попасть в штат музея, а зачисление в смотрители здания — это, вероятно, просто домашнее дело администрации музея. Тут нечего и толковать, что за это предложение Щербатова надо взяться обеими руками. Относительно твоего стремления в приват-доцентуру я как-то уже в письме высказывался тебе и теперь по чести и совести не могу изменить своего отношения к этому вопросу. Думается мне, что ты только потратишь массу времени и в результате едва ли получишь удовольствие в своей профессорской деятельности. С другой стороны, отчего и не попробовать это дело, если тебя так к нему влечет.

Свое письмо ты закончил вопросом, как я устроился. Этот вопрос, конечно, надлежит понять не в смысле устройства домашнего и экономического быта — он остался прежний, а следует его понять в смысле осуществления и выполнения тех мотивов и целей, которые побудили меня переменить одну службу на другую. Этот вопрос, вполне своевременный, после нашего с тобой годичного молчания ставит меня, тем не менее, в большое смущение. Иногда мне кажется, что я в своей деятельности достиг значительных успехов. Иногда

же мне кажется, что весь мой труд как утлая храмина рухнет, не оставив следа. Одно можно с положительностью сказать, что переход мой попал не ко времени: революционное время крайне вредит моей работе, и это не преувеличение. Я страшно жалею, зачем я не перешел на эту службу года на три, хотя бы на два ранее, когда время было спокойнее и можно было сделать очень многое, что теперь дается только с трудом. Вот что я сделал за это время.

Минувшим летом я бродил по окрестным местам и деревням, увидев один холм со следами стоянки человека, по-видимому, бронзового века, с массой черепков, похожих на наши с Борка, я вступил с крестьянами в беседу о значении этого места и услышал интересный рассказ о чуди, жившей на этом и подобных холмах. Затем я летом же услышал прямо интересный рассказ об основании села Гилевского — западно-сибирского Карфагена.

Оба рассказа, вчерне мною записанные, несомненно интересны. Я хотел бы их отпечатать в Ежегоднике Тоб. губернского музея. Затем я задался мыслью собрать заговоры-наговоры как произведения народного творчества; знахарей и знахарок у нас здесь хоть отбавляй: страна дикая и суеверная.

Мне лично этим делом заняться было невозможно ввиду подозрительности на меня: „под ответ попадешь“. Я обратился с просьбой оказать мне в этом деле содействие к учителям и учительницам, к некоторым волостным писарям и другим интеллигентам.

И дело у меня пошло великолепно: я уже теперь являюсь обладателем до 70 заговоров, это, несомненно, целый клад. У меня таких сотрудников до 30 лиц, но действительных не более десяти: остальные или уже отказались, или почти ничего не делают.

Дело это крайне интересное, но и крайне трудное, и даже опасное. Знахари — народ крайне подозрительный и мстительный. Недавно мужики выбили окна в квартире учителя за то, что он записывал не заговоры даже, а только народные песни. В моем собрании заговоров есть прямо-таки перлы. Если хочешь, я пришлю тебе для просмотра

оба рассказа: о чуди и о с. Гилевском и некоторые образцы заговоров. Кроме того, я просил бы тебя поговорить с Анучиным как этнографом о значении сборника заговоров и показать ему эти образцы. Эти заговоры я также отпечатаю в Ежегоднике Тоб. музея. Но если бы рассказы о чуди и Гилевском и заговоры можно было бы отпечатать в журнале Моск. арх. общ-ва, то это для меня было бы даже приятнее.

Главное же мое предприятие, которое я хочу выполнить в предстоящем Велик, посту, это собрание юридических обычаев крестьян моего участка. Но это дело уже слишком обширное, и в этом-то деле мне помешает революционное настроение крестьянства, т.к. всякое собеседование крестьяне теперь сводят на то, что леса надо рубить, чиновников бить и богачей грабить etc. Повторяю: как жаль, что я не перешел на эту службу хотя бы годами двумя раньше. Ведь стоит только теперь погнать крестьянских начальников, и все мои предприятия останутся недоконченными. Относительно археологических исследований мною не сделано ничего. Лето у нас стоит отвратительное — сырое и холодное, и быть мне нигде не удалось. Питаю надежды на будущее лето.

Отвечай мне по содержанию настоящего письма поскорее. Напиши мне также о том, нельзя ли нам с тобой вести переписку казенными пакетами чрез музей, с моей стороны препятствий нет. Это было бы удобнее, во-первых, в смысле экономии почтов. расходов и, во-вторых, это, безусловно, надежнее, чем даже заказные письма. В крайнем случае, нельзя ли от меня тебе посылать каз. письма?

Шлю мой поклон и привет Елизавете Евгениевне и деткам. Я рад, что у вас все обстоит благополучно. В последнее время сильно стал скучать о вас и за день до последнего вашего письма я написал Леле в Полтаву и просил ее сообщить мне, где, мол, вы девались.

Прими предложение Щербатова и устраивайся в здании музея, не упуская этого случая. Затем до свидания.

Твой брат Петр А. Городцов.

Отвечай поскорее.

Станция Иевлево Тобольской губернии, 27 января 1906 года.

Дорогая Елизавета Евгениевна!

Только сегодня я получил от вас последнее письмо ваше, на которое теперь и отвечаю. Письмо же ваше, посланное вами до Рождества, а равно два письма от Лели я совсем не получил: ясно, что они пропали. Потому-то я вам долго и не писал, что не знал, где вас искать. Я уже писал вам недавно чрез музей. Я с истинным удовольствием узнал, что вы опять в Москве и что решили, наконец, порвать с военной службой. В добрый час. Мое удовольствие было бы еще полнее, если бы вам удалось устроиться в здании музея. Там, вероятно, вам удалось бы хорошо устроиться. Вам жилось бы спокойнее, и занятия Василия Алексеевича пошли бы успешнее. Мне очень приятно знать, что детки ваши живы и здоровы. Надеюсь на следующую зиму опять ехать в отпуск, буду, конечно, и в Москве, но ненадолго: хочу прямо проехать за границу, любопытно узнать и посмотреть, как люди „за морем“ живут.

По возвращении из Москвы с рождественских каникул Леля писала мне из института и в письме своем говорит, что ей хочется по окончании института идти на курсы. Я полагаю, что ей о курсах рано еще беседовать и мечтать, т.к. ей еще надо более года учиться в институте. Хоть, несомненно, курсы вещь хорошая и желанная. Пожалуй, еще попадет в профессора геологии.

О тревожных декабрьских делах в Москве я, разумеется, знаю из газет. Революционная волна достигает и наших медвежьих углов, у нас назревают аграрные движения и движения крестьян, выражающих свое недовольство на подати и повинности, на чиновников и на лесничих. Но до сих пор все было, слава Богу, сравнительно тихо. Особенно опасно теперь движение запасных солдат, вернувшихся с войны, недовольных неравномерным распределением земского пособия их семьях. Тюменский уезд объявлен на военном положении, и, вероятно, потому-то в нашем уезде совсем нет выборов в Государственную Думу. Скоро я вам опять буду писать. А теперь пока, до свидания. Будьте здоровы!

Ваш П.А. Городцов.

Станция Иевлево Тобольской губернии, 7 февраля 1906 года.

Дорогой Вася! Посылаю тебе записанные мною минувшим летом две легенды — „Азан-юрта“ и „Чудь“ и на особом листе пять наговоров.

Обе легенды я нахожу возможным отпечатать в журнале Московского Археолог, об-ва, для этого и передай их секретарю Трутовскому. Я просил бы только выслать мне бесплатно номер журнала, где будут помещены обе статьи. Если легенды не будут отпечатаны, то я просил бы тебя как можно поскорее вернуть их мне, и я их отпечатаю в Ежегоднике Тоб. музея; редактор Ежегодника настоятельно просил меня отпечатать эти статьи именно там, в Тобольске, т.к., по его мнению, легенды имеют большой местный интерес. Если признаешь нужным, сделай какие-либо стилистические исправления по своему вкусу и усмотрению. Желательно, конечно, узнать твое мнение по существу о значении этих легенд, имеют ли они какое-либо научное историко-археологическое значение, или же эти сказания могут трактоваться лишь как литературное народное произведение и как продукт народного творчества и фантазии.

Мне думается, что сказания эти не лишены значения даже в том случае, если их рассматривать как просто народные литературные произведения.

Я посылаю тебе только пять наговоров-заговоров, больше писать нет сил и времени. Из посланных два наговора — от присухи и заговор овинницы д.б. признаны лучшими экземплярами моей коллекции, особенно „овинница“, т.к. крестьяне содержат и совершают этот обряд в величайшей тайне, и записать его было крайне трудно. В настоящее время в моем распоряжении имеется более ста заговоров, среди них есть прямо чудные экземпляры. Как видишь, я и сам теперь могу быть очень порядочным знахарем-колдуном.

Если судьба будет ко мне благосклонна, то я еще соберу не менее 100 штук, а м.б., и более. Через год, чрез два я буду обладателем такой коллекции, что хватит на отдельный сборник, который я надеюсь издать. Я просил бы тебя показать эти наговоры этнографам и спро-

сильно их мнение о значении этих странных народных произведений; в Сибири их циркулирует в народе громадное множество.

К сожалению, крайне трудно, а иногда прямо-таки опасно заниматься их собиранием и записыванием, т.к. знахари свои познания держат в секрете и люди эти крайне подозрительны и мстительны. К тому же предприятие это сопряжено со значительными расходами, знахари и особенно знахарки — люди крайне корыстные и назойливые и постоянно просят денег: сначала Богу на свечку, а затем на платье, фартук, а знахарь и просто на водку. Я уже затратил более 40 рублей.

Во всяком случае, пиши мне и отвечай поскорее. Кланяюсь Елизавете Евгениевне и деткам.

П.А. Городцов.

[Без даты]

Дорогой Вася!

Твое письмо и посылку с книгами я получил только на этих днях. Очевидно, почтовое сообщение страшно замедляется, и черт их знает, чем только вызывается подобное замедление. За книги тебе большое спасибо, особенно интересно было получить от Миллера этнографическую программу, юридическую же программу я приобрел минушею зимою в бытность в Москве. Я было задумал широкий план исследования и собирания юридических обычаев в Тюменском уезде, да, к сожалению, это теперь положительно невозможно. Тюменский уезд на военном положении, и всякое общение с народом запрещено и прекращено. К тому же в народ теперь идти прямо опасно: вернувшиеся с войны запасные терроризируют местность. Я сижу дома, как за баррикадой, и покуда в участок не решаюсь выехать.

Мысль собрать наговоры пришла мне во время моих подготовительных работ к собиранию юридических обычаев и во время изучения программы. Признаюсь, я долго сам сомневался в полезности наговоров, этих странных народных произведений, и одно время уже думал прекратить это дело, т.к. оно обходится очень дорого и вызы-

вает массу возни и хлопот со знахарями. Но этнографическая программа Миллера меня несколько ободрила, и я постараюсь довести дело до возможного конца.

У меня теперь около 150 наговоров, но очень много вариантов, иногда относящихся к одному предмету, например, наговоры от родимца, от зубной боли и т.п. В общем, несмотря на кажущееся разнообразие, все наговоры производят впечатление утомительного однообразия. Я послал тебе 7 февраля пять наговоров для образца, я выбрал наиболее типичные. Мысль собирания былин у меня также зародилась давно и, по-видимому, от этого предприятия также можно ожидать добрых результатов.

Тут есть особые сказители и сказочники, которые обладают огромным запасом сказок и рассказов о разбойниках, колдунах и о богатырях. Но я еще ни с одним сказителем не сошелся. А теперь даже боюсь и братья за это дело. На днях посадили в тюрьму мирового судью Лещинского, человека ультраконсервативного, только за то, что он в деревне — попросил бы крестьян — прочитал им манифест 17 октября и объяснил его значение, и посадили по непроверенному доносу. Мои наговоры уже на виду у начальства, черт бы его побрал. Пожалуйста, напиши мне отзыв Миллера о наговорах и о моих двух легендах. Кстати, если Миллер согласится, то их можно отпечатать в журн. Этнографического общества.

Пиши, жду ответа с нетерпением, поклон Елизавете Евгениевне и деткам.

П.А. Городцов.

23 марта 1906 года.

Дорогой Вася!

Что ты призамолк? Долгонько я поджидаю от тебя письма, да так и не дождался, и решаюсь сам тебе написать.

Меня крайне интересует вопрос о твоей отставке и о том, как ты устроился в Москве; все так же перебиваешься на жалованье от му-

зая или же ты получаешь уже и пенсию? Каковы твои отношения к сослуживцам и прочно ли ты себя чувствуешь в музее?

Я был бы также тебе очень благодарен, если бы ты сообщил мне и о тех сведениях, которые теперь циркулируют там, в Москве, по вопросам злободневным, и поделился бы со мною твоими личными наблюдениями и соображениями. Этим ты доставил бы мне много удовольствия и внес бы в однообразие моей жизни истинное развлечение. В последнем своем письме Елизавета Евгениевна писала мне о готовящейся ж.д. забастовке, так что она даже сделала необходимые для этого запасы. Любопытно знать, насколько основательны эти опасения. Я со своей стороны полагаю, что забастовки не будет — не время для нее: уж слишком жестоко расправляются с забастовками. Но вот чего так несомненно можно ожидать, и в самом непродолжительном времени, — это аграрных движений в крестьянстве. Наш Тюменский уезд гарантирован от революционного движения небывалыми урожаями за последние два года, мужики прямо не знают, куда девать хлеб. И все-таки какое страшное и злобное недовольство в народе. И это враждебное настроение в народе как мешает мне в моей коллекторской работе, ты себе и представить не можешь.

Все-таки за февраль-март месяцы я записал более десяти народных сказок, три-четыре легенды и одну былинку про Святогора и Илью Муромца. И эта записанная мною былина какая-то странная; прежде всего, она передана мне не стихосложным языком и не речитативом, а простым повествовательным языком, как простая сказка. Затем, мною записанная былина носит какой-то конспективный характер. Былина начинается с чудесного исцеления Ильи Муромца, превратившего Илью из сидня в богатыря, подробно говорит о встрече Ильи со Святогором и о смерти Святогора, затем передает несколько подвигов Ильи, встречу его с Алешей Поповичем и с Микитой Добрыничем (а не Добрыня Никитич) и кончается рассказом о гибели богатырей и их окаменении. Таким образом, былина моя обнимает собою от начала до конца целый период древней богатыр-

ской эры. Я много читал в разных сборниках разных былин, но ничего подобного не встречал.

Этих сборников у меня под руками нет, и возможно, конечно, что мне изменяет память, но возможно, что записанная мною былина является единственной в своем роде. С каким бы удовольствием я послал бы эту былинку для просмотра проф. Миллеру. К сожалению, я не могу теперь этого сделать, т.к. я не получал от него никакого письма и никакого сообщения и не знаю, как он посмотрит на мою работу; возможно, предположим, что он просто-напросто не придает никакого серьезного значения моим сборникам, и тогда, конечно, незачем ему надоедать и отнимать у него время и внимание бесполезной перепиской. В предыдущем своем письме ты писал мне, что бываешь у Миллера. Не можешь ли ты еще побывать у него и побеседовать с ним о значении записанной былины да кстати узнать и о судьбе посланных мною чрез тебя записей.

Если ты поймешь, даже заметишь, что Миллер относится к моей работе скептически и сомневается в полезности ее, тогда сообщи мне об этом, и тогда — Бог с ним! — я оставлю на Миллера надежду навсегда и буду выполнять свой труд так, как мне Бог на душу положит. А если проф. Миллер отнесется к моему предприятию сочувственно, то это для меня будет истинной находкой, и я постараюсь воспользоваться его советами и указаниями, не говорю уже о том, что его сочувствие даст мне достаточно бодрости в моем труде, действительно тяжелом. Если Миллер забракует мои статьи „Чудь“ и „Азан-юрты“, то я просил бы тебя вернуть мне их и я отпечатаю их в Ежегоднике Тобольского музея.

Среди записанных мною народных фантастических сказок и легенд есть также, по моему мнению, вещи интересные. Но этот род народного творчества мне особенно мало знаком, т.к. я почти не читаю сборников сказок и не могу поэтому судить, насколько имеют значение записанные мною сказки и записаны ли они кем-либо ранее меня. Мне известно, что есть хорошие и обширные сборники русских

народных сказок, и нет ничего удивительного, что все мои сказки лишены интереса новизны.

Наговоры-заговоры теперь достигают количества 150, но в последние месяцы поступление их значительно ослабело: видимо, мои сотрудники утомились и исчерпали материал. К тому же дело собирания наговоров действительно трудное и даже опасное. Месяца два тому назад у одной моей сотрудницы, сельской учительницы, мужики выбили окна за то, что она записывала не наговоры даже, а народные песни. Многие сотрудники мне пишут, что боятся мщения знахарей.

Я начал собирание наговоров лишь в конце 1905 г. и, как видишь, собрал материал слишком приличный и достаточный для одного зимнего сезона! Но успех был бы полнее, если бы не эта смута на Руси. Эх, если бы мне догадаться выйти из мировых судей годами двумя раньше!

Интересно знать мнение Миллера и о значении наговоров. Хотелось бы мне теперь прочитать сборники былин, сказок и наговоров, но это возможно только в Москве. Программа Миллера мне со служила большую услугу, я в ней нуждался. Поблагодари за нее Миллера.

Письмо Елизаветы Евгениевны и автограф Славочки я получил и прочитал с удовольствием. Однако же, время бежит! Кажется, только вчера я получал такие же автографы от Лели, а теперь она уже вон какая большая и подумывает уже о курсах. Всю жизнь мы с тобою, брат, кипели, как в котле, и не жили, а горели, как свечка, зажженная с двух концов, и не заметим, как очутимся там, под мрачными сводами небытия!

Однако приближается светлый праздник, праздник жизни и возрождения, — прочь же мрачные мысли!

Христос воскрес! Поздравляю вас, мои дорогие и мои милые, с праздником. Искренно и от души желаю вам встретить и провести грядущий светлый праздник в добром здоровье, счастье и полнейшем благополучии!

Пиши, дорогой Вася, буду очень благодарен. Я всегда бываю счастлив получать от тебя и от Елизаветы Евгениевны вести. Всем вам шлю мой низкий поклон и душевный привет!

Ваш П.А. Городцов.

20 октября 1906 года.

Дорогой Вася!

Искренно прошу извинить меня, что я не ответил тебе на твое последнее письмо, клянусь честью, что некогда было. А знаешь, чем я был занят весь октябрь? Записыванием сказок! Будь они неладны, эти сказки: какую пропасть времени они отнимают! А занятие прелюбопытное, и я им глубоко увлекаюсь. Вот бы нам с тобою в детские годы выслушать такие сказки! Может быть, иначе мы с тобою смотрели бы и на мир Божий под впечатлением дивных сказочных видений. Я записал и „Жар-Птицу“, и „Конька-Горбунка“, и „Сивку-бурку“, и „Царевну-Лягушку“. Я записал эти сказки, так сказать, *ad libitum**), заведомо зная, что эти сказки много раз попали в печать.

Сказок до десяти я имею очень оригинальных и забавных, но насколько эти сказки будут полезны для Гогшпа, для печати, этого я не знаю и судить об этом не могу, т.к. у меня под руками нет ни одного сборника сказок. Что касается былинного эпоса, то, насколько я сумел прозондировать почву, сибирское крестьянство знает былины только древнего киевского периода. Я слышал очень хорошую былинку про Святогора, про Илью Муромца; мне обещают сказать про Добрыню, слышал Ераслана Лазаревича (а не Еруслана). Но былины эти я не записал и боюсь записывать, т.к. боюсь задаром потерять время, а времени эти былины отнимут целую уйму.

Опасение же мое основано вот на каких соображениях. У меня есть сборник былин, издание журнала „Родина“ (иллюстрированное), далее, читал я олонекские былины, записанные и изданные

*) Как угодно, по желанию (лат.).

Гильфердингом, и везде былины изложены в стихотворной форме. А сибирские сказители (я выслушал двоих) излагают былины обычным сказочным языком, причем в изложении былин попадаются лишь немногие места, которые можно написать стихами. Но таких приемов полусказочного и полустихотворного изложения сибирские сказители держатся при сказывании простых сказок, хотя и редко.

На днях я записал сказку „Вор Барма“ — пустейшая сказка, ничтожная по сравнению с другими, мною записанными, но смотри, как начинается эта сказка: „В славном городе было Антонию, в славном городе Домехтиане, в славном Кильском королевстве, как у кильского царя собиралась пир-беседушка. Собирались к нему князья и бояре, и гости всевозможные. Не один день шла гуляночка, а целую неделюшку“. Etc., etc. Как видишь, речь совсем ритмическая, поставь заглавные буквы — и получится вполне „былинный“ стишок. Но это только вначале, а потом сказители перешли „на самую сказочную прозу“.

Я лично склонен усматривать в этой полустихотворной форме крайне интересные явления народного творчества, именно переходную стадию от прозаической к стихотворной форме изложения. Но насколько основательны эти мои соображения, я судить не могу, т.к. я в этом, безусловно, некомпетентен и совсем мало начитан. Об этих своих недоумениях и колебаниях мне и хотелось бы побеседовать с проф. Миллером, но он мне не пишет и, вероятно, не напишет. Былины новейшего киевского периода, а равно новгородского периода сибирские сказители совсем, по-видимому, не знают.

А м.б., еще я и откопаю их. Коллекторский труд мой, как ты хорошо понимаешь, и не может быть очень продуктивным, т.к. этот труд носит характер случайный, бессистемный и беспрограммный, да и к работе я приступил без всяких знаний и без всякой подготовки, прямо „от сохи на время“. Впрочем, сказочный отдел у меня пойдет, по-видимому, недурно. Недурен может быть труд по сибирской крестьянской свадьбе. Мне в „крестьянской свадьбе“ посчастливилось: я записал от одного старого крестьянина стихотворные причеты дружки, та-

ких причетов у Штейна нет, и, по-видимому, они являются *unica sui genesis*.*)

Материалы по сибирской демонологии: домовые, водяные, лешие, банницы, овинницы *et tutti quanti****) сибирского пантеона — тоже у меня собраны очень порядочные, и имеются записи порядочной ценности. Но наговоры... Ах! С ними тихо и даже туго! Точь-в-точь, как с дивидендными бумагами на Российской бирже в переживаемое нами время. Но ведь и трудное же это дело. Суди сам: все сибирские колдуны и колдуньи как только меня завидят, так стремглав от меня улепетывают, точно они увидели Ерахту-черта, — все боятся, что я у них буду просить их колдовские формулы.

А колдовства в Сибири действительно много. К сожалению, в это заколдованное царство можно открыть вход только золотым ключом, следовательно, я могу в этом деле только рассчитывать на случай или удачу, а не на верные результаты. Я имею около 150 наговоров, теперь, м.б., более, и за это удовольствие потратил свыше 70 руб. Черт бы их побрал, эти наговоры. Все-таки в октябре я записал сам четыре чудных наговора и штук шесть получил от одной сотрудницы. Если бы по стольку каждый месяц! Но, конечно, на такой успех рассчитывать невозможно.

Недавно я получил целых 25 шт. моих „Азан-юрт“, вырванных из журнала. Зачем Этнограф, общество послало их так много, я не знаю, да и боюсь, нет ли здесь какой ошибки и не потянут ли этих экземпляров с меня назад, а я уже некоторые экземпляры раздал своим сотрудникам. Скажи, пожалуйста, могу ли я ими распоряжаться? „Чуди“ же своей я не получил. Скажу а'ргорос***), что у меня имеется порядочный материал о другом, по-видимому, исчезнувшем народе, о ванцах, и материал очень любопытный. По моему мнению, ванцы — это ман-цзы-вогулы.

*) Исключительно местного происхождения (лат.).

**) И всякие другие; поголовно все (ит.).

***) Кстати (фр.).

Любезнейший Вася, я посылаю тебе 50 руб. переводом почты; будь любезен, сходи в кн. магазин Карбасникова на Моховой или к Суворину и узнай, имеются ли у него книги, ниже перечисленные, и подходящая ли их цена; если цена некоторых антикварная и в общей сложности все книги будут превышать 50 руб., то такие дорогие книги можно не брать. Книги же мне надо такие:

1) Афанасьева: Народные русские сказки в 2 том. Изд. 1897 года.

2) Его же. Русские народные легенды. Изд. 1860 г.

3) Его же. Поэтические воззрения славян на природу в 2 том. Изд. 1869 г. (Если эта книга очень дорога, то можно не брать).

4) Сахаров. Русские народные сказки.

5) Даль. Русские сказки. Первый пяток Казака Луганского (Псевд. Даля). Изд 1832 г. (Если цена этой книги антикварная, то можно и эту не брать: книга слишком стара).

6) Д.И. Садовников. „Русские землепроходцы“.

7) Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Соч. Снегирева.

8) Элиас Ленпрот, финский ученый. „Калевала“ — сборник изустных произведений финск. народа.

9) П.В. Шейн. „Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях и т.п.“. 2-й том. (1-й том Шейна я уже имею, на это обрати внимание: книга по цене оч. дорогая).

Хотел бы иметь и Гильфердинга — олонецкие былины, и Ор. Ф. Миллера — диссертация об Илье Муромце, только все это desiderata*), и книги эти мне не по карману. Пересылку пусть возьмет на себя кн. магазин, в крайнем случае, наложен, платежом. А может быть, найдешь нужным и полезным переслать чрез транспортную контору „Надежда“ до Тюмени, но переслать надо самой быстрой скоростью — книги очень нужны.

Затем до свидания. Будь здоров. Шлю мой поклон и привет твоей жене и деткам. Я тоже пока, слава Богу, здоров.

П.А. Городцов.

9 ноября 1906 года.

Дорогой Вася! Если еще я не опоздал и если у тебя будет время и охота, то, пожалуйста, пришли мне такие книги на французском языке:

1) Voltaire: Candide. Его же: Kine.

Его же: Zaire (трагедия).

2) J.J. Rousseau: Emile.

Его же — Новая Элоиза (французского заглавия, к сожалению, я не знаю).

3) Emil Zola: Nana. Его же: Assomoir.

4) Berthelot. Collection des anciens alchimistes grecs.

5) Berthelot. Arigines de l'alchimie.

Если две последние книги Бертло слишком дороги, то выпиши только первую — „Collection etc.“.

Мне думается, что все эти книги есть в книжном магазине Готье, или же Готье может достать их в Петербурге. Пусть вышлют все эти книги наложенным платежом.

Представь себе, Вася, недавно я наткнулся на одну женщину, так азыв. вполеницу, которая „вопит“ и причитает на крестьянских свадьбах, затем мне говорили, что есть притальщицы и вполеницы по покойникам. Представь себе, ведь это целый клад! Но только будь они неладны, эти бабы-вполеницы, как трудно с ними иметь дело, куда хуже мужиков-посказителей. Впрочем, я не теряю надежды и хочу попытать счастья на этих завывательницах. Как я хорошо сделал — купил у Сизовой Барсова „Причитанья“, книга мне оказалась очень полезной. Эх, брат, но долго ли протянется моя работа: уже начинается ликвидация крестьянского дела, следовательно, со службы скоро <...>, а там опять должность по судебному ведомству и вся ученая работа к черту. Брат, брат! Зачем я годами двумя-тремя ранее не вышел из мировых судей? Я был бы теперь обладателем такого бесценного материала, которому позавидовал бы любой Барсов, любой Гильфердинг. Ну да будь что будет! Высылай мне больше

книг, подучусь, авось поумнее буду. Что же ты мне не напишешь подробнее о твоих последних раскопках. Пиши, буду очень доволен.

П. Городцов.

1 октября 1906 года.

Дорогой Вася!

Я получил твое письмо и последнее письмо Елизаветы Евгениевны, написанное ею уже из Москвы по возвращении с дачи, и настоящим письмом я вам отвечаю.

За ваши письма я приношу вам мою сердечную благодарность. Мне приятно слышать, что мои статьи отпечатаны, к сожалению, я сам не видел еще их в печати. Если бы было можно, то я с удовольствием подписался бы под журнал Этнографического общества за текущий год, да не знаю, можно ли это. Будь любезен, Вася, наведи об этом справки и напиши мне, и я немедленно выпишу журнал.

Но что особенно неприятно, так это то, что я не получил письма Миллера, наверное, он послал его простым, а простые письма сюда доходят, по-видимому, только в качестве счастливого исключения. А его письмо и его указания, несомненно, мне нужны и полезны, к тому же я не знаю теперь, как ему отвечать.

Сообщите его адрес, я уже от себя напишу ему. Но лучше было бы, если бы ты как-нибудь удосужился повидать его и сказать ему о том, что его письмо погибло и чтобы он написал вторично.

Я очень рад, что твоя поездка на раскопки и на этот раз удовлетворила тебя. Любопытно было бы узнать главнейшие результаты и твое заключение о раскопках. Если будешь печатать об этих раскопках, то, пожалуйста, пришли мне брошюру.

В предстоящую зиму я готовлюсь изо всех сил поработать над собиранием материала в области этнографии и юридических обычаев. К сожалению, это крайне трудно, сопряжено с значительными расходами, да и времени отнимает уйму целую, а времени все-таки нет, и служба все-таки отнимает много времени.

Эх, если бы побольше времени, а главное, средств — при моем знакомстве с народом можно было бы многое сделать.

В политическом отношении наш край — стоячее болото. Да это, пожалуй, и к лучшему — удобнее работать.

И без того солдатские движения у меня отняли почти целую минувшую зиму.

Затем до свидания.

Твой брат П. Городцов.

20 декабря 1906 года.

Любезнейший Вася!

Наконец-то я получил от тебя письмо (от 8 дек.) с известием о высылке мне дорогого для меня транспорта: книг и моего портрета, но самого портрета я еще не получил, он все еще в дороге, и это обстоятельство в трепет приводит мое бедное сердце. В каком-то состоянии придет ко мне мой портрет? Книги-то, конечно, будут сохранены, лишь бы только не пропали в дальнем переезде. О получении вещей напишу тебе особо. Во всяком случае, приношу тебе мою глубочайшую благодарность за твой труд и за хлопоты, которые ты вложил на дело пересылки вещей.

Ты правильно сделал, что не купил книги „Возрождение славян“, 40 руб. платить за эту книгу не стоит. Сознаюсь, что не стоит и неохота платить 13 руб. и за другую книгу Афанасьева — „Легенды“. Но ознакомиться с этими „Легендами“ и прочитать их мне страшно хочется, да, пожалуй, прочитать их для меня необходимо, и вот по каким соображениям.

Я познакомился с 3–4 хорошими местными посказителями, которые мне рассказывают хорошие сказки, легенды и сказания. Понимаешь ты, что знакомство с этой книгой дало бы мне больше осмысленности в моей работе, я знал бы, какие легенды записаны ранее меня, да и не вредно узнать сами способы записывания. Ну, да попробую обойтись без этих книг. Шейна я достану из Питера. Я до-

волен, что ты достал Садовникова — „Землепроходцев“. Пока не покупай книг и не посылай. Я надеюсь летом хоть ненадолго побывать в Москве, тогда и прочту эти книги, какие меня интересуют, а до того времени у меня хватит и чтений, и работы.

Коллекторские труды мои идут вперед недурно. Было время, когда я боялся, что у меня не будет материала, а теперь я уже боюсь, что уже не сумею справиться с материалом. А материал у меня собирается преобширный и материал презабавный. Я называю этот материал, собранный и собираемый мною, забавным, а не интересным потому, что черт их знает, что кому интересно! И весьма возможно, что то, что я записал, давно уже известно всякому самому заурядному этнографу, — меня самого забавляет моя работа.

Суди сам, недавно я записал целый обряд жертвоприношения дворному — покровителю очага и домовому — суседке, совершаемый в четверг страстной недели и сопровождаемый наговорами. Посказитель, старый упрямец, не хотел говорить мне, насилиу его уломал. Нет, положительно сибирские крестьяне идолопоклонники. С месяц тому назад мне случилось быть на крестьянской свадьбе, собственно на обряде „бани невесты“ и расплетаний косы невесты накануне венчания, записать песни. К сожалению, не удалось записать мелодии этих песен по нотам — не было для этого времени да и удобства. Вся беда все-таки в том, что времени нет, и служба отнимает все-таки львиную долю времени. И мало мне приходится уделять внимания на собственно литературные труды. А если бы мне побольше свободного времени в течение так, примерно, годика, я отсюда, из сибирских трущоб, вынес бы такой материал, что им заинтересовался бы не один только Миллер.

Здесь прелюбопытный народный язык, вот, например: „едера сладкие, питера пьяные“ (едера-питера, т.е. кушанья и напитки). Не говорю о славянизмах. Один старик говорит в легенде так: „поднял ружы свои к небу и речает: Господи, Господи! Сотвори сего раба собачкой!“. Мне удалось записать несколько сказок с несомненными мотивами арабских сказок 1001 ночи Шехерезады. Откуда они пришли и

каким путем? Однако, довольно! Всего на лоскутке бумаги не перекажешь, да тебя, вероятно, эта работа и не интересует.

Еще раз спасибо тебе за твои труды и за твои хлопоты. Напиши мне о результатах своей полтавской поездки. О юбилейных торжествах Миллера я знаю лишь по Русским ведомостям.

Свидетельствую мое почтение и шлю мой поклон Елизавете Евгениевне и деткам. До свидания!

Твой брат Петр Городцов.

31 января 1907 года.

Дорогой брат!

Спасибо тебе, спасибо Елизавете Евгениевне и твоим деткам за добрую память обо мне, за поздравление с Новым годом и с праздниками. Хоть я получил ваши письма далеко спустя после праздников, но значение вашего поздравления от этого для меня не уменьшилось. Поздравляю и я вас всех с праздниками прошедшими, конечно, и с Новым годом! Дай Бог, чтобы хоть наступивший год принес с собою и лучшего счастья и большего удовлетворения. Ты пишешь, брат, что болел после праздников. Это, конечно, штука скверная. Авось, с наступлением весны и поправишься и оправишься от болезни. По видимому, в то время, как ты стал оправляться, заболел и я в тяжелой форме воспаления легких и вот уже много дней не выхожу из комнаты; я не выздоровел и теперь и с больной головой и грудью пишу тебе это письмо. Надеюсь поэтому, что ты отнесешься снисходительно к шероховатостям этого письма.

Наконец-то я получил с железной дорогой свой портрет! Как я доволен и как этому обрадовался! Я серьезно боялся, что не получу посылки. Но портрета своего я еще не видел, т.к. я его не вскрывал и так оставил на хранение у одного тюменского знакомого, боюсь в мороз и по ухабам перевозить его. И не знаю я, каков он в окончательной отделке.

Книги же я получил своевременно и за них тебя особенно благодарю. К сожалению, ты купил книги французские малого формата слиш-

ком мелкой печати, что вредит глазам и утомляет зрение. Большую пользу оказали мне сказки Афанасьева. Но ты хорошо понимаешь, что я не могу себя чувствовать в курсе сказочных дел до тех пор, пока не ознакомлюсь с теми сборниками, о которых писал тебе, без этого ознакомления я лишен возможности отнестись к себе с достаточной дозой критического самоопределения и с достаточной объективностью. Но если сравнивать мои сказки с сказками Афанасьева, то во многих отношениях я своими записями взял верх над ним, об этом ты при желании можешь смело свидетельствовать Миллеру.

Дело в том, брат, что сборники Афанасьева записаны со слов плохих посказителей и записаны небрежно. Плохие посказители обыкновенно знают сказку не полностью, а лишь в части ее, по отделам. Суди сам: сказка про Ивана Коровина разбита у Афанасьева на четыре самостоятельных сказки. Таким образом, мне, по-видимому, удалось восстановить текст старых сказок. У Афанасьева хорош отдел детских сказок; этого отдела в моих записях совсем нет, но, брат, этого отдела мне, вероятно, и не суждено записать: ни сил, ни времени не хватает. А жаль, несомненно и этот отдел в Сибири хорош!

Войди в мое положение: я проболел недели две, и за это время накопилось столько обязательной работы, что я не меньше месяца буду прикован к проклятому канцелярскому столу. Да и уставать я стал шибко и шибко же скучаю. Суди сам: с окончанием курса я как залез в служебный хомут, так и тянул и тяну его до сего времени, не зная ни отдыха, ни срока. За всю сибирскую службу я лишь два раза был в отпуску, ты знаешь эти отпуски: разве это были отдыхи?

Возвращаюсь к сказкам. На святках я записал сказку про Бову Королевича в чудной редакции и сидел за перепиской набело четыре дня; три раза я прослушал ее, и всякий раз с заметками, прежде чтоб переписать эту сказку. В декабре 1906 г. я натакался на одного старика посказителя Дмитрия Никифоровича Плеханова, это какой-то неистощимый кладезь, да и юморист же! Старик Плеханов говорит, что он знает столько сказок, что я в год не запишу всех их. И это со-

вершенная правда. Дело в том, что ту сказку, которую посказитель говорит в течение 45 мин. или одного часу, такую сказку приходится записывать весь день и весь вечер. Бову Королевича посказитель говорил в течение трех с половиной часов, а писал я около четырех суток по 12 часов работы в сутки.

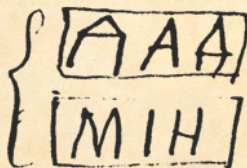
Среди записанных мною есть несколько таких, которых нет совсем в сборнике Афанасьева; особенно любопытна одна сказка, в которой выводится знаешь ли кто? Ни за что не угадаешь! Одноглазый циклоп Полифем под именем кривого богатыря. Вот так штука!

О количестве записанных мною сказок, вернее, об объеме моей работы, можешь судить вот по какому расчету. Я сделал книги в размер листа обыкновенной писчей бумаги и написал две книги по 50 листов каждая, и уже перешел на третью. Надеюсь без особого затруднения написать еще столько же в самом недалеком будущем при условии доброго здоровья. Это значит, что мною для сказок будет отработано не менее <...> бумаги.

Пишу же я очень убористо и экономно. Вот оно — какая работа! Я не считаю задаром потраченного труда. Минувшею зимою я стал записывать сказки со слов одного посказителя, плюгавого мужичонки, и записал целую книжку на 90 листах (в четвертую долю листа), и всю книжку эту пришлось бросить. Посказитель этот вроде тех, которые записаны в сборнике Афанасьева. Нелегко подыскать посказителя, но труднее заставить его говорить: застенчивость и ложный стыд мешают этому.

Что касается медной посуды и вообще старинной утвари, то здесь тоже, по-видимому, неисчерпаемый источник этого материала, и я недавно видел в доме старого крестьянина, моего доброго знакомого посказителя, медный стакан, чарку, кубышку и медный чугунок — вещи крайне старые; старик заявляет, что эти вещи ведутся со времен незапамятных, вероятно, от Ермака. Особенно интересен стакан, он весь снаружи изукрашен чудным орнаментом, в центре которого помещается птица на цветке вроде лотоса.

Но вот ты сам понимаешь, что покупать такие вещи даже по весу и стоимости меди чего стоит! Моих средств на это не хватит. Покупать же вещи, чтобы перепродавать, я опять-таки боюсь, пожалуй, по сходной цене купишь такую дрянь, что кроме смеха ничего не получишь; при моем незнакомстве получается слишком большой риск. Видел я хорошие серебряные тельные кресты и перстни. На медной посуде я года не видел, но на дне стакана — с птицей — отчеканено: МАО, средняя буква заштрихована так, что не разберешь, что это: „А“ или „Л“? На дне кубышки такие знаки:



Спроси у Орешникова о значении этих знаков и просвети меня по этой части. Старых книг и рукописей мне не удалось видеть, несомненно, крестьяне боятся преследований за них: проклятое правительство совсем запугало народ. А книги и рукописи есть, это я знаю. Ну а теперь прощай и будь здоров. Отвечай, пиши особенно насчет медной посуды.

Твой П. Городцов.

6 февраля 1907 года.

Дорогой брат!

Прошу извинить меня, что я на этот раз не оправдываю твои надежды на меня и посылаю только 70 руб. вместо ста, о которых ты мне писал. Суди сам, в каком я оказался курьезном положении: пять лет тому назад я застраховал свою жизнь и за это удовольствие должен ежегодно платить 500 слишком рублей; срок взноса — 20 января. Таким образом, все, что я скопил, я вложил в страховое общество и ко дню получения твоего письма я имел в кармане всего 100 с небольшим рублей, и вот, чтобы мне не остаться до 20 февраля без де-

нег, я и урезал твои деньги. Признаюсь, и я не ожидал, что Леле так скоро понадобятся деньги на костюм, если бы я этого ожидал, то послал бы ей денег в начале января. Я знаю, конечно, что деньги ей при окончании курса будут нужны, но хотел от себя послать ей или в Полтаву, или чрез тебя в Москву уже по окончании ее курса. Я полагаю, что этих денег тебе хватит пока извернуться, а потом постепенно оденем и Лелю; конечно, визитный костюм надо ей сделать теперь же, а что другое — можно будет сделать исподволь. Что касается 30 рублей, оставшихся от книг, то, конечно, церемониться с ними нечего, пускай их в добрый час в оборот.

Я просил бы только выслать мне одну небольшую книжку: Садовников Д.И. „Сказки и предания Самарского края“. Изд. 1884 г. По-видимому, это небольшая книжка, но если она очень дорога, то к черту ее. Книгу может выслать магазин, наприм., Карбасникова, прямо от себя, чтобы тебе самому не возиться с пересылкой.

Я писал тебе уже о своей болезни. Я до сих пор еще как следует не оправился, проклятая болезнь не дает мне заниматься, и вот уже с половины января бесполезно трачу время в праздности и безделии. Мне хотелось в конце января или в начале февраля съездить в одно селение верст за 40 записать сказки и легенды от одного старика, хорошего рассказчика, но *deus disposit**). Даже теперь я не решаюсь ехать: боюсь простуды и утомления, да и работать-то не могу, все-то кашель и головные боли. А настроение духа — хуже и придумать нельзя!

Брат, брат! Когда же и на нашей улице будет праздник? Что-то живется нам шибко несладко. И работа не радует! Мало того, в последнее время я все чаще и чаще испытываю тяжелые и страшные приступы сомнений в целесообразности и полезности своей работы, порой просто хочется все бросить, так и зудятся руки бросить в печку все мое писание, все эти сказки, наговоры и всех моих леших-до-

*) Бог располагает (лат.).

мовых! Это тем более, что довести свою работу до желанного конца и в надлежащей полноте я едва ли смогу: материал слишком обширен. А не угодно ли его собирать по крупицам путем собеседования с глупыми мужиками и с еще более глупыми бабами!

То, что я теперь переживаю — да и теперь ли только? — не тоска, хуже тоски, это какой-то нравственный маразм. В половине января дошла по газетам телеграмма из Петербурга, что институт земских и крестьянских начальников упраздняется, и я под свежим впечатлением собрался было подать прошение о переводе меня опять в мировые судьи в Tobольскую губернию, мне не хотелось утратить преимущества службы в Сибири, но, о Боже! Опять каторга, опять прошатели с их слезными прошениями и грязными кляузами, опять как в котле кипеть и отдыхать лишь в повозке при разъездах по скверным сибирским дорогам на сотни верст!

Опускаются руки. До сих пор не послал еще прошения министру юстиции.

Когда меня выбросят из службы, то отдохну и, может быть, соберусь за границу — тоже для отдыха, да и впечатлений. Скверно только оставаться без жалования и проживать наличные деньги. Конечно, скверно, но ведь такова вся наша скверная жизнь, куда и как ни поверни ее, она будет скверная жизнь, и в результате получится одна скверность. Сколько раз в жизни я строил самые мудрые подорожные планы, и всегда все мои построения кончались скверно, и не по моей вине. Во всем этом нельзя не видеть *fatum*. Причины этих скверностей кроются где-нибудь в дубровицкой почве, и зародились они, глядишь, лет полсотни тому назад. Останься я без жалования — скверно, а поступи я опять в мировые судьи — я очень скоро надорву окончательно свое здоровье — это тоже скверно. Повторяю: вся наша жизнь — это одна сплошная скверность и мерзость, без проблем личного счастья, даже без возможности отдыха для изболешшегося тела и для надорванной души. Однако, до свидания. Коли есть время и охота, пиши!

Если не сумеешь извернуться посланными деньгами, напиши, в феврале пошлю еще. Недавно послал письмо Леле, ответа от нее еще не получил, нынешний год она мне редко пишет, вероятно, сильно завалена работой. Напиши, какие ты имеешь вести о наших дубровицких обывателях и о солодчинских троглодитах, где теперь Николай? Ни о ком я не имею ни слуху ни духу!

П. Городцов.

2 марта 1907 года.

Дорогой брат!

В один день по возвращении моем из поездки я получил сразу два письма — от тебя и от Елизаветы Евгениевны и настоящим письмом на оба ваши письма я вам отвечаю. Глубокое вам спасибо за ваше сочувствие моему положению и за ваше ко мне участие. Бог даст, оправимся здоровьем и опять благополучно зашагаем на жизненном пути. Я лично теперь почти совсем оправился, лишь незначительное давление в груди осталось. Надеюсь, и это скоро пройдет. На лето никуда из Сибири не поеду, летом и здесь хорошо. За границу я поеду не летом, а зимою или осенью.

Дорогой брат! Ты пишешь, что не прочь помочь мне книгами из музея. Это именно то, о чем я тебя однажды просил и, следовательно, я ни в каком случае не могу отказаться от этого твоего предложения. Риск в пересылке книг чисто денежный, в случае пропажи книги придется за нее заплатить, положим, антикварную ее цену, но этот риск я всецело приму на себя. К тому же, если книги пересылать заказной бандеролью, то риск почти устраняется, т.к. расход падает и на почту. Книги мне нужны, а покупать их негде. Я посылал за книгами и в Петербург в магазин — тоже без всякой пользы: Петербург в этом отношении ничуть не лучше Москвы.

Пришли на первый раз книги Афанасьева: 1) „Поэтические воззрения славян на природу“, в 3 томах и 2) „Русские народные легенды“.

Эти книги я очень скоро прочту и возвращу. Мне необходимо с ними ознакомиться и знать их. Книжки, по-видимому, небольшие.

Книгу же Садовникова „Сказки и предания Самарского края“, если можно, тоже пришли из музея для ознакомления, а если найдешь ее в книжном магазине Карбасникова, то закажи магазину выслать ее мне наложенным платежом. За эту услугу я буду тебе крайне благодарен.

Одна только книга Афанасьева „Сказки“, которую ты мне выслал, оказала мне огромную услугу и принесла пользу.

Я думаю, что не слишком часто буду тебе надоедать своими требованиями.

Да, брат, пожалуйста, высылай книги, буду их с нетерпением ждать.

Это письмо шлю тебе простым, т.к. почта празднует, и, признаюсь, я очень беспокоен за судьбу его. Ну да авось Бог!

Затем до свидания! Будьте здоровы.

Петр Алекс. Городцов.

22 апреля 1907 года.

Христос Воскресе!

Поздравляю тебя, любезный брат, Елизавету Евгениевну и твоих милых деток со светлым праздником, сердечно желаю Вам доброго здоровья и полнейшего благополучия.

Сегодня день Пасхи, невольно на ум приходит слово приветия и поздравления; но это вполне естественное желание послать своим близким и родным поздравительное и приветственное слово во мне лично всякий раз парализуется, вернее, загаживается таким соображением: это мое приветствие придет к тебе в конце Фоминой недели, когда ни ты, ни я далеко не будем в праздничном настроении, и когда этот привет раздастся скверным диссонансом. С другой стороны, если бы я захотел, чтобы это мое письмо попало бы к тебе более или менее и именно к сроку, то должен был писать тебе еще в начале 6 недели

Великого поста, когда я не испытывал ничего похожего на праздничное настроение. Какая гадость! Какое идиотское положение! И это положение создано самою жизнью, бороться с которой мы оказались бессильными.

Я потому остановился так долго на этой мелочи, что вся наша жизнь представляет собою кружево, сплетенное из таких мелочей, а кружево моей личной жизни в особенности соткано из проклятых и отвратительных мелочей и невозможностей. Задумай сделать одно дело — нельзя, задайся целью сделать другое дело — невозможно. Так обстоит дело всю жизнь и из этого состоит вся жизнь. Из начала моего этого письма ты, брат, видишь, что я в праздник настроен совсем не по-праздничному, не удивляйся этому: за всю мою жизнь я ни одного праздника не встретил и не провел по-праздничному. А так как я не в праздничном настроении, то и буду писать тебе чисто деловое письмо и начну с сетований на свои личные и служебные неудачи.

И не везет же мне в жизни! Не везет не только в крупном, но и в мелочах. Но так как ты это и сам знаешь, то к черту эти общие фразы! Я прямо перейду к описанию конкретного случая. Дело касается моей коллекторской работы на литературном поприще. Моя работа началась с осени 1905 года, целый год у меня прошел в подготовительной деятельности, я много разъезжал по уезду, завязывал знакомства и связи с сотрудниками и с полезными мне людьми, наводил нужные справки, собирал сведения. Я поставил дело очень широко и завел много полезного знакомства с знахарями и посказителями и энергично приступил к записыванию произведений народной мудрости; с осени 1907 года и первую половину зимы — до Рождества я работал благополучно и крайне продуктивно, но зато вторая половина зимы пошла прахом, а на это-то время я и надеялся.

Ты уже знаешь, что в половине января я заболел инфлуэнцией в очень тяжелой форме и долго провалялся. Вся надежда была на Великий пост. В понедельник второй недели поста приехал ко мне за сорок верст посказитель, певец и знахарь старичок Д.Н. Плеханов и

прожил у меня около двух недель. Я из всех сил принялся его записывать и за все время проживания старичка я работал день и ночь, не выпуская пера: заболела кисть и суставы пальцев правой руки. Но не в этом таилась погибель моя: никаким трудом меня не удивишь и никакой труд мне не страшен.

Примерно во вторник третьей недели я почувствовал какую-то слабость во всем теле и в голове муть, внимание притупилось и руки ослабели. Я объяснил себе это состояние простым переутомлением, но в среду состояние ухудшилось, и я понял, что старика надо отпустить; я записал лишь начерно с его слов еще шесть сказок и в пятницу отправил сказателя домой, а сам свалился в постель и пролежал до первых дней апреля в лихорадке, так называемой скрытой. Проклятие — весь пост пошел прахом, и все надежды разлетелись тоже прахом.

Все-таки я, хоть и через силу, переписал две сказки, а четыре и до сего времени не переписаны. Всего я записал от этого старика пятнадцать наговоров и около тридцати сказок и легенд. Старик все время подшучивал надо мною, что он знает столько сказок-побывальщин, что мне их и в год не переписать. И это верно: этот старик какой-то неистощимый источник рассказов, это какой-то клад, и этот-то клад теперь из моих рук ускользает. Ужас, я готов перо изгрызть от досады и горя. Старик этот известен далеко в окрестности как знахарь-лекарь и как песенник, но вот до песен-то и до рецептов-то я и не мог добраться, да и легенд многих от него не записал за своей проклятой болезнью.

Но главное-то, брат, вот что: по независящим обстоятельствам я должен бросить службу и идти или в отставку, или в другое ведомство, я подал прошение министру юстиции о зачислении меня опять в мировые судьи. Дело, которое я так широко задумал и так удачно повел, которое дало мне такие неожиданно блестящие результаты, я теперь должен бросить в самом его начале. Я не сомневаюсь, что если бы я имел возможность поработать в этой области здесь, на месте

еще хоть один год, то я сделал бы капитальный вклад в этнографическую науку. А теперь все рассыпалось, все пропало. Служебный мой провал обуславливается всего больше несоответствием моих идей и воззрений с бюрократическими требованиями и отчасти моим увлечением литературным трудом.

Дело в том, что тобольский губернатор Гондатти решил спасти российскую монархию, а так как спасти монархию по воззрению таких прохвостов значит спасти губернаторские оклады путем давления на мужиков и подведомственных чиновников, то Гондатти принялся действовать: лучших исправников в губернии прогнал и поставил мерзавцев себе под стать; на крестьянских начальников навел ужас и панику, лишь я имел неосторожность не обращать на него ровно никакого внимания и по его требованию ни разу не наказал ни одного волостного старшины. За это Гондатти слышать моего имени не может, а смотрит на меня не иначе, как глазами аспида и василиска; узнал он и о моей литературной деятельности и окончательно взбеленился. Я, говорит, ему задам литературный труд. И, конечно, задает! Этот Гондатти — несомненный потомок итальянца-шарманщика, теперь камергер и генерал-губернатор и в своем пашалыке*) он сильнее, чем Вильгельм II в своей империи.

Противно говорить обо всем этом, тем более что я все-таки надеюсь, что вся эта мерзость как-нибудь уладится... а в будущем будем действовать сообразно с обстоятельствами. Вся беда и все затруднения заключаются в том, что это обстоятельство — служебный провал — ставит меня вне всякой возможности хоть как-нибудь продолжать мою работу, а так хотел сделать еще хоть что-нибудь.

Пойми, я целых два года подготавливал почву для своей деятельности, сколько в дело вложено труда! Ведь завести знакомство с писателем и особенно с знахарем — дело прямо-таки трудное. За одним знахарем я ухаживаю и веду с ним дружбу и знакомство вот уже бо-

*) Провинция, область, управляемая пашой (турецк.).

лее года, а я еще не записал от него ни одного наговора, так как не считаю его еще достаточно подготовленным для откровенной беседы; знакомство это стоило мне немалых, по моему состоянию, денег, и теперь — все к черту!

Я много думал над своим положением и строил разные планы. Первый план — бросить службу и прожить здесь, в сибирской глухой деревне, с год частным человеком. Но ведь дело в том, что показатели раскинуты по всему моему участку и даже уезду, с разъездами на сотни верст; помимо огромных расходов на разъезды, надо указать на то, что разъезды по сибирской глуши безусловно опасны; даже состоя на государственной службе, я не решаюсь один и без принятия всевозможных мер предосторожности заезжать во многие глухие селения, что там ни говори, а народ наш — это еще лютый зверь.

Второй план — взять на четыре месяца отпуск и потом уже выйти в отставку. Но наступает лето, когда все старики и старухи завалены полевыми и домашними работами, время это самое непродуктивное для коллекторского труда. Но главное — Гондатти при вступлении его в должность объявил, что никому отпуска давать не будет, и действительно не дает. Да за четыре месяца много ли сделаешь? Вероятно, я сделал худший выбор: я подал министру юстиции о назначении меня мировым судьей. В Тюмени еще с января месяца освободилась должность, если успею, то займу ее или же займу место опять где-нибудь в глуши. Говорить ли тебе, что по должности мирового судьи я не буду иметь времени уже ни одной минуты. Я прошу у губернатора отпуск на 28 дней с 1 июня и хочу ехать в Москву поговорить с тобою и с Миллером и показать вам свою работу. Но и тут мое внимание и моя воля раздваивается: мне хочется и на этот короткий срок отпуска остаться в Сибири, и знаешь ли, почему? Старик Плеханов обещал взять меня с собою в леса и луга для собирания лекарственных трав и обещал сказать мне рецепты и соответствующие наговоры.

Таким образом, мне представляется великолепный случай составить гербарий очень редких лекарственных растений. Как упустить такой случай? Старик Плеханов уже 80-летний старец и чрезвычайно болезненный, надолго его не хватит. К сожалению, у меня нет атласа лекарственных растений; говорят, атлас Гофмана очень хорош (издан. Девриона), но теперь я его уже не буду приобретать, тем более что он очень дорог.

Брат, если мы с тобой не будем мямлить и мешкать, то до 1 июня успеем обменяться еще по одному письму. Поэтому прошу тебя, брат, отбрось на время свои занятия и сходи к Вс. Ф. Миллеру и поговори ему о моем деле, а если он заинтересуется, то можно ему прочесть это письмо. Если Миллер в июне будет в Москве и пожелает меня видеть, то я к нему приеду, иначе останусь здесь. Мне хотелось бы знать его мнение о значении моей работы, хотя бы по собиранию гербария.

А главное, брат, пришли мне Садовникова, „Сказки и легенды Самарского края“, мне прямо-таки необходимо познакомиться с этой книгой, чтобы знать, какие сказки уже записаны ранее меня и в какой редакции. Эх, брат, если бы ты знал, в какой чудной редакции я записал „Бову-Королевича“? „Еруслана“ я записал в одной редакции, <...> — в трех редакциях, других записать не хватает ни сил, ни времени. Я записал много сказок и легенд, которых нет у Афанасьева; многие сказки мною записаны в редакции более интересной, чем у Афанасьева. Многие сказки у Афанасьева записаны со слов прямо-таки плохих рассказчиков. В такую беду я попал год тому назад зимою — я записал одного рассказчика на целых 25 листах (= 50 полулистов), а в нынешнем зимнем сезоне я все эти 25 листов зачеркнул — так трудно попасть на хорошего рассказчика.

Ну а затем до свидания. Не слишком более за мое положение, в крайнем случае, я могу еще заниматься адвокатурой, и это было бы, пожалуй, самое лучшее. Поживем — посмотрим. Главное, не теряй времени, сходи к Миллеру и отвечай, и присылай Садовникова.

Петр Алекс. Городцов.

25 марта 1907 года.

Дорогой Вася!

Спасибо тебе за книги Афанасьева и за твои последние письма; все их я получил и даже твою последнюю фотографию получил. На этой фотографии я впервые увидел тебя в штатском костюме и должен сказать, что этот костюм тебе более к лицу. Поздравляю тебя с назначением в профессора вновь учрежденного Археологического института, наконец-то и для тебя открылось широкое поприще поработать для науки. В добрый час! От души желаю тебе успеха. По новизне дела первый год твоей работы будет, конечно, труден.

Вася, я просил тебя заказать мне в магазине Карбасникова или в другом Садовникова „Сказки и предания Самарского края“, но о книге этой ты в двух своих письмах ничего не говоришь, пожалуйста, пришли ее. Я выписал бы ее сам, да боюсь такой коллизии, что я пошлю деньги за книгой, а ты, в свою очередь, ее пошлешь, и у меня будет две книги. А книга мне очень нужна. Пожалуйста, вышли ее мне наложенным платежом или же напиши, что мешает этому. Книги Афанасьева я только вчера, 24 марта, получил и легенды уже просмотрел. Некоторые легенды, в ней напечатанные, я слышал от сибирских посказителей, но не записал, счел их неважными, а теперь запишу, потому что некоторые легенды я слышал в более интересной и полной вариации.

Три тома поэтических воззрений я, вероятно, скоро возвращу, а легенды позадержу. О состоянии книг не заботься: я большой, так сказать, библиофил и всегда с книгами обхожусь осторожно. Ко мне книги дошли сохранным, вероятно, так же дойдут они и до тебя.

Свой портрет я получил уже давно, раскрыл его, посмотрел, а затем опять его запечатал и так поставил в уголку своей квартиры. Портрет был хорошо упакован и дошел до меня сохранным. Елизавета Евгениевна спрашивает меня, доволен ли я портретом? Я затрудняюсь дать на это прямой ответ. С одной стороны, он мне страшно нравится, а с другой — до боли досадно: портрет этот мог бы быть луч-

ше. Фартусов его не отдал и недокончил, и не исполнил своего обещания. Во всяком случае, подарок Фартусову я пошлю. На выпускные экзамены к Леле я, если бы и хотел, ехать не мог бы, так как это заняло бы много времени.

Брат, если можно, пришли мне еще книги Сахарова: 1) „Русские народные сказки“ и 2) „Сказания русского народа“ в 2 томах. Книги эти очень старые — издание 1841—47 гг. Ни в московских, ни в петербургских книжных магазинах Сахарова не оказалось, в Историческом музее, может быть, найдется. Книги эти мне хотелось бы прочитать. На них Афанасьев постоянно ссылается. Если есть они, то, пожалуйста, пришли их. Кроме них я не буду просить у тебя ничего.

С 12 по 24 марта включительно я держал у себя на квартире одного знахаря и рассказителя, которого я достал за 45 верст. Он сообщил мне более 15 поговорок и более 20 штук сказок и легенд. Я работал и писал за эти дни так много, что довел зрение до полного переутомления — глаза заболели и воспалились, покраснели и опухли. Благодаря этому настоящее письмо я пишу тебе с большим затруднением. За всем тем я относительно здоров. Еще раз, брат, прошу тебя: вышли Садовникова и Сахарова. Затем до свидания.

Будьте здоровы.

Петр Городцов.

21 сентября 1907 года.

Дорогой Вася!

Получил я твое письмо, получил и две больших брошюры, присланных мне Елизаветой Евгениевной. И за письмо, и за твои книжки я приношу тебе мою глубокую благодарность. Книжки эти я уже успел прочитать, и особенно меня глубоко заинтересовали твои „Раскопки“: Майдан и Каменные Бабы, несомненно, составят тебе имя, и имя немалое, твои заслуги в деле раскопок поистине велики и действительно великолепны. Глубоко поздравляю тебя с этим и сердечно этому радуюсь, дай Бог тебе и дальнейших успехов в твоих

глубоко интересных научных изысканиях. Любопытно было также узнать от тебя о металлических остатках, найденных на Борке. Там следовало бы сделать обстоятельные раскопки.

Как жаль, что за эту зиму я не могу попасть к вам в Москву, как хотелось бы повидать всех вас, повидать Лелю. Я часто смотрю на ее портрет, снятый при окончании курса: Леля уже настоящая барышня. И какое у ней умное и славное лицо. Она хорошо делает, что надумала заниматься в Историческом музее: по моему мнению, ей не мешало бы послушать и лекции в Археологическом институте.

Я потому, главным образом, не могу в наступающую зиму приехать в Москву, что зима для меня самое продуктивное время, и в наступающую зиму я надеюсь собрать хороший этнографический материал. Если я буду счастлив и в эту зиму в своем коллекторском труде, как мне посчастливилось в минувшую зиму, то к следующему году в моем распоряжении будет уже вполне приличный литературный багаж, который не стыдно будет представить на суд ученых людей; теперь же весь мой материал носит характер неоконченный.

Ах, брат, как жаль, что я лишен возможности вполне отдаться делу: проклятая служба отнимает массу лучшего времени. Все-таки я надеюсь в конце зимы побывать у вас.

Брат, знаешь ли ты, в чем заключается важнейшее неудобство в моем труде? Это необходимость иметь дело с живыми людьми. Камни говорят больше, чем живые люди. Это не парадокс — это печальная истина, которую я постоянно испытываю на опыте. Я знаю старика одного больше года, правда, я получил от него немало, но все-таки важнейших сведений он мне не передал, знаю одну бабу-старуху тоже больше года и не могу от нее добиться наивнейших свадебных песен-причетов. Просто беда. И сколько тратится времени на то, чтобы расположить к себе всех этих так называемых рассказчиков! Лишь один старик-рассказчик оказался человеком общительным и откровенным, но и этого за год времени я не мог исчерпать: он живет от меня далеко, верст за сорок.

Мой служебный участок расположен по рекам Тоболу и Тавде. По Тоболу имеется множество городищ и стоянок бронзового века, судя по случайным находкам. Но представь себе — нигде я не нашел ни одного осколка кремня, и на мои расспросы крестьяне положительно отвечают, что никогда кремневых и каменных орудий не находили. По-видимому, каменные стоянки расположены южнее Тюменского уезда — в Ялуторовском уезде. Словцов раскапывал каменную стоянку на Андреевском озере ближе к Ялуторовску, чем к Тюмени, хотя и в Тюменском уезде.

Минувшим летом я завел знакомство со знахарями-зелейщиками, которые изъявили готовность помочь мне составить коллекцию лекарственных трав, один знахарь дал мне свежие экземпляры редких и ценных трав — воронец и прыгун-трава; прыгун-трава — это так называемая разрыв-трава.

Я не приступил минувшею весною к собиранию трав, так как не имел ботанического атласа, а на следующую весну и лето непременно приступлю к собиранию трав.

Книга, присланная тобою из библиотеки Исторического музея, принесла мне большую пользу. Все эти книги мне нужны как настольные.

Как жаль, что я не могу приобрести этих книг. Особенно мне нужны Сахаров и легенды Афанасьева.

Я мог бы здесь, в Сибири, составить хорошую коллекцию птичьих яиц, но только к чему она? Хоть бы какому естественнику их подарить, но у меня ни одного нет знакомого естественника.

Напиши мне, когда выслать тебе музейские книги. Я лично готов держать их сколько угодно.

Ну а затем до свидания. Пиши, буду очень рад получить от тебя весточку.

Шлю мой поклон и привет Елизавете Евгениевне и всем твоим деткам.

Петр Алексеевич Городцов.

20 ноября 1907 года.

Дорогой Вася!

Я получил от тебя Гильфердинга три тома: „Онежские былины“ и за них премного тебя благодарю. Книги эти я не задержу и возвращу их тебе очень скоро. Скоро же возвращу и Афанасьева „Поэтические воззрения“, в этой книге я не прочитал только 3 последних глав, и на них дело заколодило. А прочитав их охота. Получил я и Гофмана „Ботанический атлас“, и Сахарова «Сказания», и стопу бумаги для гербария. И книги, и бумага мне пригодятся, да же Гофман сослужит службу.

За эту услугу я вам всем весьма признателен. Мне несколько совестно, что я всем вам надоедаю своими поручениями, но уж тут ничего не поделаешь, и я могу утешиться лишь тем соображением, что, может быть, уж ненадолго я буду надоедать вам. А впрочем, что будет в будущем — неизвестно, а теперь я буду по-прежнему надоедать своими просьбами. Дело же вот в чем. Из произведений Сахарова мне приобрести в собственность ничего не надо более тех двух книг, которые вы мне прислали, но прочитав я хотел бы ту книжку Сахарова, в которой помещены „Сказки и былины“. Это, несомненно, очень маленькая книжка, я бы ее быстро пробежал и вернул тебе. Книжка эта очень старая, в библиотеке же музея она наверное имеется. Ареста Миллера „Исследование об Илье Муромце“ пока не посылай. Затем, если цена Садовникова „Сказки Самарского края“ номинальная, то я просил бы ее выслать, а если цена ее антикварная, то высылать ее не надо — эта книжка мне нужна только для отрицательной критики. Затем я просил тебя и Лелю в разных письмах купить мне разные книжки, между прочим, кое-какие классические сочинения. Если это будет возможно, то мне хотелось бы иметь хотя бы некоторые из них.

Что касается моей собирательской работы, то я могу тебе сказать пока вот что. Из сказок я собрал далеко больше половины всего того, что здесь можно собрать. Мною не записано с десятков сказок, мною прослушанных, это займет месяц работы. И я надеюсь эту ра-

боту закончить в эту зиму. Жаль только, что мне удалось мало записать сказок животного эпоса, т.е. попросту самых детских сказок: про волков, лисичек, зайчиков etc. Я записал их всего четыре, тогда как у Афанасьева их собрано до сорока штук. Это объясняется тем, что я старался в первую голову записать длинные и важные сказки, а на мелкие сказки у меня не хватило времени и силы. Из собранных мною сказок есть очень редкие, может быть, даже единственные, по крайней мере ни у Афанасьева, ни у Садовникова таких нет. Из известных сказок мною записаны многие в очень оригинальных и интересных вариантах. Всего сказок будет с большой том, страниц в 500.

Легенд собрано тоже больше, чем у Афанасьева.

Гвоздь моей работы — это чисто этнографические работы: демонология и заговоры. Тут мною сделано очень много и записаны вещи прямо-таки интересные и, по-видимому, в литературу еще не проникшие. Но зато эта работа моя — самая незаконченная и неполная, хотя я сделал очень много. Дело в том, что эта работа какая-то бесконечная и для одного лица непосильная и невозможная. Есть целые области применения наговоров, в высшей степени секретные, куда проникнуть крайне трудно, например, наговоры над невестой, роженицами и затем так называемые злые наговоры, или колдовства. В эту последнюю область вводят посвященных только под страшной клятвой и даже под угрозой смертью. Конечно, в такую область уже не проникнешь. А, несомненно, эта область особенно интересна в этнографическом смысле, так как там-то и можно встречать такие имена, Дажбог, Чернобог и т.п.

А наговоры с христианскими измышлениями и именами уж очень малоинтересны. Ну да сделаю, что возможно. Крайне любопытное описание мною сделано местных обрядов, например, обряд березки, поклонение овишнице, чествование домового и др. К слову сказать, я хочу свои сказки снабдить биографиями сказителей и их портретами. Не знаю только, хватит ли на это сил и времени. Я веду знакомство с сказителями прямо-таки интересными. А впрочем, что

интересно и что неинтересно? В подлунном мире никого ничем удивить невозможно, кроме разве радия. Но до радия нам далеко.

Что сказать тебе вообще по поводу своей работы? Несомненно, я испытываю всегда чувство глубокого удовольствия и даже удовлетворения в самом процессе работы: каждая записанная сказка, каждый наговор и даже рассказик составляют для меня воистину праздник. Но вместе с тем общие результаты моей работы мне часто представляются такими ничтожными и мелкими, и сам я себе кажусь таким жалким и мизерным с своими тщетными усилиями что-либо сделать, что не будет ничего удивительного, если я в одну прекрасную пору брошу всякую работу, а все свои ископаемые этнографические драгоценности запущу в печьку.

А впрочем, я, кажется, заболтался. Пока до свидания и будь здоров. Пиши, а если некогда, засади за перо Лелю, пускай набивает руку борзописью. Как же идут твои лекции? Выслал бы ты мне свой курс.

Мой низкий поклон и сердечный привет Елизавете Евгениевне и деткам.

Твой брат Петр Городцов.

23 ноября 1907 года.

Дорогой брат!

Распоряжением Тобольского губернского управления я удален со службы и предан суду за превышение власти и, таким образом, я выброшен за борт служебного корабля, как мусор или как грязная тряпка. Это губернатор Гондатти выполнил относительно меня свою угрозу и ловко провел это дело: он устроил это дело не от своего имени, а от имени губернской коллегии.

Итак, и для меня настали черные тяжелые дни, наступает время полной и тревожной неопределенности, со всякими случайностями свойства далеко не веселого. Сколько времени продлится это состояние неопределенности, я не знаю, и сократить это время, по-видимому, не в моей власти.

С весны я ждал этого удара, и все-таки, когда он разразился, я испытал страшное нравственное потрясение, да и теперь, спустя уже вот 14 дней, я все еще не могу как следует оправиться и прийти в себя.

На днях я сдал свой участок заместителю и поеду в Тобольск объясняться с губернатором и с губернским начальством.

Да, признаюсь: боюсь и объясняться-то — этот негодяй Гондатти со сворой губернских мерзавцев могут сказать мне какую-нибудь гадость, а меня судьба наделила бешеным темпераментом, и я на гадость всегда способен ответить такую резкостью, которая заварит немалую кашу, и неизвестно, чем это может кончиться.

Впрочем, памятую о своем собственном благополучии и о благополучии и спокойствии вас всех, моих дорогих и близких людей, я постараюсь быть благоразумным и всячески держать себя спокойно и корректно при объяснении с этими провокаторами.

В моем теперешнем положении скверно в особенности то, что эта история в значительной степени помешает мне заняться моим литературным трудом, в котором я уже много сделал и с которым я сильно сроднился. Впрочем, проживем — увидим. В жизни своей я не привык ждать и видеть добро ни в чем и ни в ком. Но все-таки я надеюсь, что и это переживаемое мною зло и это худо будет не без добра. Такова, должно быть, человеческая природа — надеяться и на надежде строить свои планы на лучшее будущее.

О своих ближайших планах я тебе пока ничего не скажу, да и сказать ничего не имею: надо выждать время.

Потом, когда выяснится положение вещей, я тебе сообщу о своих намерениях и предприятиях. Пока же я буду жить на положении изгоя в глуши сибирской деревни, читать книжки и тем набираться ума и разума.

О судьбе своих книжек, пожалуйста, не беспокойся — все они будут вполне сохранны и все их я тебе очень скоро возвращу, как Афанасьева, так и Гильфердинга.

Гильфердинга — былины — я уже начал читать, да теперь на некоторое время вынужден сделать в чтении перерыв, надеюсь, впрочем, ненадолго.

Несомненно, настоящее мое сообщение произведет на тебя и на всю твою семью тяжелое драматическое впечатление, так как я знаю, что и ты, и вся твоя семья любите меня и принимаете самое горячее участие в моей жизни и в моей судьбе. Признаюсь, что именно по этим соображениям мне крайне было тяжело писать это письмо. Но я полагаю, что в подобных случаях неискренность хуже обмана. Во всяком случае, я прошу и тебя, и дорогую Елизавету Евгениевну не слишком много придавать значения этому событию, несомненно, все это оботрется и жизнь помаленьку войдет в свою трудовую колею.

В эту зиму я непременно буду в Москве, чтобы повидаться с вами и обменяться впечатлениями. Но поеду я, вероятно, уже в конце зимы, когда минуют трескучие морозы, так как мне не совсем здоровится и я боюсь пускаться в дорогу в морозы, вагоны у нас на железных дорогах отапливаются скверно и крайне неравномерно, нетрудно и простудиться.

Шлю мой низкий поклон и свидетельствую мое почтение Елизавете Евгениевне и дорогим деткам.

Петр Алекс. Городцов.

27 декабря 1907 года.

Дорогой брат!

Оба твои письма я получил и за них тебя премного благодарю, твои письма мне всегда приносят удовольствие и всегда поднимают во мне дремлющие силы и вливают в мою душу хотя бы некоторую бодрость: чувствуешь себя все же не слишком одиноким на свете!

Спасибо тебе за твои письма и за твое сочувствие! Я давно и с нетерпением ждал твоих писем, но, представь себе, твое письмо — заказное от 12 сего декабря — я получил только 26 декабря. Это что-то ужасное! Снежные заносы, что ли, держат почтовое движение! Ты

спрашиваешь, в чем меня обвиняют и за что отдали под суд? Суд — это, конечно, пустяки! Ведь ты, конечно, не допускаешь мысли, что я способен на какое-нибудь грязное уголовное дело: подлог, растрату и т.п. Меня отдали не уголовному суду, а так называемому дисциплинарному, за служебные проступки. Меня обвиняют: а) в превышении власти. Оно выразилось в том, что я принудил одно богатое сибирское селение построить здание для школы. Что, если бы я закрыл школу или построил кабак, я имел бы теперь Станислава за усердную и полезную службу; б) в оскорблении вице-губернатора и общего пригубернского управления на своей бумаге. Я назвал мерзавцев их собственными именами, хотя, конечно, термина „мерзавец“ в моей бумаге не было, и оскорбления выразились лишь в том, что я не признал за названными местами и лицами кое-каких прав; в) в небрежности по службе и медленности в производстве.

Вот эти пункты обвинения. Почти все их я ставил себе в заслугу — нравственную, конечно. Цель этой грязной травли моей личности именно та, о которой ты говоришь в письме: опорочить доброе имя, бросить ком грязи в человека, нравственная чистоплотность которого уж слишком резко импонирует захолустной губернской каморре и слишком бьет им в глаза. Весь ужас моего положения заключается в том, что эти господа могут добиться того, что мне будут закрыты двери казенной службы и, следовательно, я буду лишен возможности выслужить пенсию.

В Тобольске я был и видел губернатора *et tutti quanti*. Приняли сухо, иначе они, конечно, и не могут принять человека не „нашего круга“.

Твой план относительно Кавказа мне несколько нравится, но меня пугает мысль забираться совсем в незнакомый край, к тому же населенный исключительно кавказскими инородцами, притом же там так беспокойно теперь, и едва ли адвокаты там хорошо ведут свои дела. Я думаю заняться адвокатурой в Тюмени, где меня все знают и я всех знаю. Но главное-то — у меня теперь ум за разум заходит. Я

не знаю, какого направления держаться: покончить ли совсем с коронной службой, махнуть рукой на пенсию или же послужить хотя бы до частичной пенсии, ведь через восемь лет исполнится 25 лет моей службы. На адвокатуру и даже для нотариата я средства имею, у меня имеется сбережений 5 тысяч рублей, помимо ценных бумаг, а с этими деньгами на первое время я вполне обеспечен, но только на первое время.

Я скажу теперь тебе, почему я не вышел со службы раньше. Мне хотелось пробыть на службе текущий зимний сезон и летние месяцы: июнь, июль, август. Зимние месяцы мне нужны были для беседований с посказителями, а также для составления гербария сибирских трав. Я хотел в половине апреля 1908 г. подать о переводе в Министерство юстиции на должность мирового судьи или следователя, и как раз к началу осени состоялся бы мой перевод. Особенно жаль мне летних месяцев: два старика-знахаря и одна знахарка обещали мне свое содействие при составлении гербария. И теперь я лишен возможности <...> Arpes nous le deluge!*) Ведь это пословица монархов.

Скверно еще то, что я за эту зиму не соберу в области народного творчества того, что я собрал бы, если бы условия моего существования не изменились и если бы жизнь проходила привычной чередой. А впрочем, sapienti sat. Поживем — увидим. Коли жить — будем жить. Умереть — так умрем.

Кланяться губернским негодьям и ундер-мерзавцу Гондатти я не желаю и не буду. Если не удастся удержаться на службе, перейду в адвокатуру, не попаду в адвокатуру, открою в какой-нибудь сибирской деревне лавочку и буду торговать дегтем, сальными свечами и „прочим юфтяным“ товаром.

Пока же на все это в высочайшей степени наплевать!

Поздравляю тебя с праздниками и с наступающим новым годом! Передай это поздравление Елизавете Евгениевне и всем своим дет-

*) После нас хоть потоп (фр.).

кам. Искренно желаю всем вам встретить новый год в счастье и полнейшем благополучии.

Твой брат Петр Алекс. Городцов.

23 января 1908 года.

Дорогой брат!

Уже давненько я не получал от тебя писем, да и сам тебе давно не писал. Твое последнее письмо я получил на Святках, тогда же я получил письмо от Лели и от Елизаветы Евгениевны, получил я и открытки от своих племянников. За все это я приношу вам мою глубокую благодарность. Мое последнее письмо должно прийти к тебе тоже на Святках, но в ответ на него ты ничего не пишешь.

Ты интересуешься положением дела, в которое я попал. Могу тебе пока сообщить вот что. 7 декабря 1907 года я был в Тобольске и беседовал с Гондатти, он принял меня корректно и объяснил, что дисциплинарное производство возбуждено вопреки его воли большинством губернского управления, и обещал мне свое содействие к улажению дела. Вся беда только в том, что Гондатти крайне фальшивый человек, и он мне лгал, говоря, что дело состоялось вопреки его воли. Дело было как раз наоборот: большинство губернского управления не признавало возможности возбуждать дела, и лишь по настоянию Гондатти оно возбуждено. Это я знаю со слов лиц, участвовавших в общем собрании губернского управления. Можно ли надеяться, что Гондатти исполнит свое обещание — я не знаю. Дело теперь на рассмотрении министра внутренних дел, из министерства же пока никаких сведений нет. Так я сижу у моря и жду погоды.

А пока усиленно читаю, прочел Афанасьева — „Поэтические воззрения“, Гильфердинга — „Былины“ и Гомера — „Илиаду“. Теперь же перейду на изучение языков — немецкого и французского. Теорию то языков я, конечно, знаю, но теперь буду усиленно читать немецкие и французские книги, у меня их пока месяца на два хватит, а потом выпишу себе еще книжек.

Нет худа без добра: если мой невольный отдых от службы протянется с полгода, то я за это время порядочно-таки набью себе руку в языках. Хотел бы я знать, занимаешься ли ты языками, хотя бы одним, например, французским? Тебе это в настоящем положении прямо-таки необходимо.

Если моя невзгода открыла мне возможности для занятий языками, то по другой части она мне страшно навредила, и именно в части собирания произведений народного творчества. Мои знакомые старички-посказатели, очевидно, рассуждают так: барина прогнали со службы за то, что он занялся колдовством, а уж если с барином не поцеремонились, так что же будет с нами? И примолкли мои сказители. Все-таки совсем недавно я записал одну небольшую былинку про Кострулю, которую мне сказитель даже спел. Постараюсь переложить ее на ноты с помощью рояля.

Вся беда в том, что разъезды слишком дорого стоят, а я было широко по своему участку раскинул сеть своего знакомства с сказителями.

Я посылаю тебе книги в двух посылках: Гильфердинга — былины и Гомера. Спасибо тебе за эти книги, они мне сослужили большую службу. Афанасьева же „Поэтические воззрения славян“ я хоть и прочитал, но пока задержу — эта книга в высшей степени полезная, она представляет собою поистине энциклопедию этнографических сведений.

Можно в этой книге многое возразить против системы и стиля, но какая в ней масса ценных сведений!

Я полагаю, что не будет большой беды в том, что я задерживаю Афанасьева, по-видимому, мало охотников читать ее, по крайней мере два последних тома ко мне поступили даже неразрезанными. Но, впрочем, если ты потребуешь, я тебе книгу немедленно пошлю, хотя и с душевным сокрушением.

Пока до свидания! Будь здоров.

Петр Алекс. Городцов.

14 февраля 1908 года.

Дорогой Вася!

На твое письмо от 18 января с.г. я до сих пор не отвечал, потому что ждал от вас из Москвы ответа на мое последнее письмо. Дело в том, что я послал тебе по почте книги: „Илиаду“ Гомера и „Былины“ Гильфердинга в трех томах, и не знаю, как ты получил эти книги, сохранно ли они дошли до тебя, да и дошли ли они. Я очень обеспокоен этим вопросом, пожалуйста, напиши мне об этом или же Леля пусть напишет.

Кроме того, в прошлом же письме я просил Лёлю заказать в магазине Дейбнера выслать мне сказки братьев Гриммов на немецком языке. Если Леля еще не сделала заказа, то пусть и не делает его, да и вообще мне книг пока не высылайте никаких. Дело в том, что наступает весна и мне хочется отдохнуть, я эту зиму слишком много работал и работаю, и мне надо отдохнуть. Вместе с этим письмом я посылаю тебе три тома Афанасьева — „Поэтические воззрения“. Признаюсь, мне очень трудно расставаться с этой книгой, но дольше держать ее я уже не признаю возможным. Напиши также и о том, как ты получишь эту книгу — сохранно ли она дойдет до тебя.

15 января губернатор Гондатти выехал в Петербург и вернется оттуда в марте, и только тогда я узнаю, чем разрешится мое проклятое дело, которое, кажется, доведет меня до бешенства.

Жду от вас из Москвы писем и тогда напишу подробнее. А теперь пока до свидания. Кланяйся Елизавете Евгениевне и деткам.

Петр Алекс. Городцов.

23 марта 1908 года.

Дорогой брат!

Письмо твое от 21 февраля я давно получил и не собрался тебе ответить, потому что настроение было не отрадное, да и делишки были. Ну да слава богу, что хоть теперь-то собрался писать, и начну свое письмо с курьезного сетования на погоду. Ну и зима же у нас

здесь, в Сибири! Представь себе такую мерзкую картину. С первых чисел сентября 1907 г. шли дожди со страшным и холодным ветром. 10 октября выпал обычный снег и грянули морозы, в ночь на 14 октября замерзли реки, и установился полный зимний путь. Снег как выпал, так ни разу осенью и не растаял. Всю зиму стояли крепкие морозы при страшном ветре. Снегу выпало целые горы, и когда он растает — черт его знает! И вот теперь 23 марта, а теплых дней мы здесь еще не видали. Зимняя стужа, а главное, ветры произвели невероятное опустошение в птичьем царстве. Замерзла масса воробьев, голубей, галок, ворон, сорок и мелких лесных птичек. Таким образом, более 6 месяцев тянется тяжелая зима — это что-то ужасное!

Ты пишешь, что книги дошли до тебя благополучно, это сообщение для меня очень приятно. Я особенно боялся за целостность Афанасьева, книги очень ценной и редкой. Во втором томе на страницах 722–724 Афанасьева помещена легенда о св. Христофоре, которого почему-то у нас рисовали с собачьей головой. Эта легенда очень интересна, советую тебе ее прочесть. К сожалению, Афанасьев не объясняет, почему православные богомазы малюют Христофора с собачьей мордой.

Немецкую книжку — „Сказки братьев Гриммов“ я получил и приношу свою благодарность Леле за то, что она помогла мне в деле приобретения этой книжки. За неимением времени я не прочитал сполна этой книжки, но все-таки сказок около десяти на выборку прочитал и понятие о сказках немецкого народа имею. Таким образом, я знаю сказки Афанасьева, Садовникова и Гриммов. И на этом основании могу с положительностью сказать, что мною собраны сказки лучше, что у этих трех авторов. Как жаль, что мне не суждено в скором времени увидеть свет! Как жаль, что этот негодяй Гондатти отнял у меня эту зиму! За эту зиму я многое записал бы и довел до конца многие отделы.

Сказок у меня и теперь есть на хороший том, страниц в 500 и более. Но меня это не удовлетворяет: в отделе детских сказок и в отде-

ле легенд я сделал только начало, а мне хочется, страстно хочется, издать полную работу! А времени и возможностей нет. Да, нет!

Брат, мне часто приходит в голову один глупый анекдот, который мне удалось слышать в гор. Раненбурге от каких-то бродячих лицедеев, дававших пошлый дивертисмент в местном клубе. Весь анекдот состоит из повторения двух фраз и вся соль заключается в мимике актера, который гримасами своими изображает медленную гибель журавля. Дело же вот в чем. Ходил журавль по болоту, ходил — и нос завязил, нос вытащил — хвост завязил, хвост вытащил — нос завязил и т. д., пока журавль не сдох. Моя личная доля крайне походит на безотрадную участь этого глупого журавля. А впрочем, наплевать на этого журавля! Мы еще когда-нибудь поговорим о нем.

Я очень жалею, что не могу теперь исполнить вполне законного желания Миллера получить от меня материал. С осени я и сам мечтал, что к Рождеству пошлю тебе порядочный материал, но homo prouonit, dues disposit*). Служебный крах на целый зимний сезон прервал мою работу. Теперь я литературным трудом совсем не занимаюсь и не буду заниматься до конца апреля. После Пасхи я опять вступаю в собеседование с своими ближайшими посказителями, а может быть, даже съезжу в соседние селения, верст за сорок, и пополню сказки и, по возможности, наговоры, и только тогда найду возможность свои труды подготовить к печати. Ты в письме говоришь о реферате — не реферат мне теперь нужен, а простая беседа с таким знатоком, как Миллер. Но как я за тридевять земель его увижу? А побеседовать с ним есть о чем. Я обладаю теперь прямо-таки ценным этнографическим материалом.

Брат, ты интересуешься моим делом и озабочен моим положением. Дело теперь обстоит так. Как я тебе раньше писал, я в декабре 1907 г. был в Тобольске и беседовал с Гондатти, а затем по возвращении я того же разу написал объяснение в Министерство внутрен-

*) Человек предполагает, Бог располагает (лат.).

них дел в Петербург. По-видимому, дело сойдет на нет и никакого следствия и дисциплинарки не будет, но на службе я уже состоять не буду и не хочу и на днях послал прошение об отставке. Когда получу документы, то запишусь в адвокаты по гор. Тюмени. Если же адвокатура не пойдет, то буду проситься опять на службу по судебному ведомству. Но, кажется, я с адвокатурой „нос завязил“.

Впрочем, поживем — увидим. Откроется скоро навигация, и я думаю повояжировать: хочу проехать по Волге до Астрахани, а после вояжа загляну к вам. Вероятно, вы будете уже на даче. Мне было бы приятно погостить у вас с неделку. Напиши поэтому, где и как вас на даче разыскать. Я надеюсь быть у вас в Москве в конце мая, едва ли раньше.

Ну а пока до свидания. Будьте все здоровы, в радости и веселье готовьтесь встретить светлый праздник.

Поклон Елизавете Евгениевне и деткам. Пиши, жду ответа.

Ваш Петр Городцов.

17 апреля 1908 года.

Дорогой брат!

Уже давно я послал тебе заказное письмо, но ответа на него не получил. Надеюсь, что письмо мое дошло до тебя. Меня тревожит такое курьезное положение: приеду я в Москву в половине мая или около этого и тебя там не застаю, и не буду знать, где и как тебя найти. Так может случиться, что я совершу это милое турне и не добьюсь свидания с тобою. А это было бы уж очень скверно.

Мне не особенно улыбается даже и эта перспектива, что мне по прибытии в Москву придется там о тебе собирать сведения, то в доме Фартусова, то в Историческом музее.

В точности определить время моего приезда в Москву, к сожалению, не могу, но, думается, не позже конца мая. Я пробуду у тебя очень недолго, самое большое — с неделю. В Дубровичи я едва ли поеду, но в Рязани буду обязательно, хотя бы на день или на два.

После моего последнего письма у нас здесь круто изменилась погода, наступила такая оттепель, что в полторы недели растаяли все снежные горы, и мы теперь ждем большого половодья. Скоро у нас пойдут пароходы, и тогда для меня откроется возможность двинуться в путь. Итак, напиши же, где ты будешь в мае месяце — в Москве или на даче и как тебя там, на даче, отыскать. Если же ты еще теперь не решил и сам, на какой именно даче ты будешь жить, то и об этом напиши мне пока. Пред отъездом же на дачу тебе следовало бы оставить свой дачный адрес дворнику в доме Фартусова.

Ну — пока до свидания!

Петр Алексеевич Городцов.

Тюмень, 31 октября 1908 года.

Дорогой брат!

Посылаю тебе две своих статейки, отошли их В.Ф. Миллеру для отпечатания.

Я, слава богу, немного устроился в своем доме и теперь, пока нет у меня адвокатской практики, я хочу все свободное время посвятить переписке своих материалов. Так, я тебе скоро чрез неделю пришлю две или три своих больших работы. Я хотел бы иметь от редакции журнала, где будут помещены мои статьи, несколько авторских экземпляров, обыкновенно в числе 25 экземпляров. Эти оттиски мне нужны для раздачи моим сотрудникам, которые помогают мне совершенно бескорыстно.

Твой брат Петр Городцов.

2 июня 1909 года.

Дорогой брат.

Получил я твое последнее письмо, получил я и портфель. За все это я приношу мою глубокую благодарность. Портфель очень хорош и удобен, и именно такой, какой мне и нужен, я очень доволен им. Мне думается даже, что адвокатский портфель окажется лучше са-

мого адвоката. Хороша и монограмма; жаль только, что она вычернена: на коричневой коже портфеля она выглядит совсем траурной. Положим, и в этом нет большой беды, так как этот цвет в настоящее время как раз определяет настроение, господствующее в моей личной жизни. Вообще же все *vanitas vanitatum, omnia vanitas**).

Побеседуем-ка лучше по содержанию твоего письма. Мне было приятно узнать, что мои труды благополучно дошли до Москвы и что они удостоились внимания специалистов. Меня совсем не удивляет строгое, критическое и даже отрицательное отношение к моим работам. Это легко объяснить, с одной стороны, моею неопытностью в этом деле, а с другой — излишней требовательностью господ критиков. Эти критики хотят, чтобы всякое дело делалось в тех рамках, которые они указывают, и теми способами, которые им нравятся. И то хорошо, что хоть мои идиотизмы кое-кому понравились. Григорьеву, Коршу и другим не нравится способ записывания мною сказок, они хотели бы, чтобы я записывал сказки способом так называемым фонетическим, с удержанием всех особенностей и даже неправильностей речи, которые слышатся в изустной передаче сказок по-сказителями.

По этому поводу я должен сказать тебе следующее. Приступая к собиранию и записыванию сказок, я ознакомился со сборниками сказок Афанасьева и Садовникова и глубоко задумался над тем вопросом, каким способом излагать и записывать сказки. По зрелом обсуждении я пришел к тому убеждению, что для записывания сказок не пригоден ни фонетический способ, ни способ записи по смыслу. Внимательно прислушиваясь к сказкам и наблюдая способ изложения их в изустной передаче посказителей, я без особого затруднения заметил, что совсем неодинаково отношение посказителей ко всем частям одной и той же сказки. Невольно бросалось в глаза, что к некоторым частям сказок посказители относятся очень либерально и свободно: один раз посказитель скажет их так, в другой раз иначе, не меняя, конечно, общего

*) Суета сует — все суета (лат.).

смысла сказки, иногда он это место разовьет с подробностями, а иногда сузит и сократит; в серьезной компании он расскажет это место деловитым повествовательным тоном, а в веселой компании он расскажет то же место в шутовском и даже балагурном тоне.

Наоборот, другие части сказок приняли уже определенно сложившуюся форму, которой никакой сказитель не только не меняет по капризу, но, конечно, не считает себя даже вправе менять и калечить ее по своему произволу. Такие места носят характер строго отлившихся и неизменных повествовательных формул, употребление которых санкционировано традицией и благоговейной практикой длинного ряда поколений сказочников. Таковы формулы: стоит изба по-старому, стоит изба по-прежнему etc., едет он близко-далеко, низко-высоко, скоро сказка сказывается, а поры-время много минуется. И многие другие.

Не ясно ли отсюда, что этими сказительскими приемами определяется и способ записывания сказок — этот способ смешанный, и его я применил к своим записям. Ход сказки и движение ее я излагал языком литературным и лишь старался выражаться как можно проще, применяясь к народной речи, но зато все места, так сказать, типичные, а равно диалоги героев и все характерные изречения и выражения я всегда излагал буквально — способом фонетическим. Из твоего письма я усматриваю, что Григорьев и Корш подметили эту особенность моих записей, но только не могли понять ее. Я жалею, что не предупредил тебя об этом в своем письме при отсылке сказок.

Фонетический способ, в чистом его виде, я не признаю пригодным для записи сказок еще и потому, что в сказках главное внимание обращается не на построение речи, не на красоту изложения и отдельных выражений, как в стихосложной и вообще ритмической народной речи, а на развитие и описание грандиозных эпических картин и образов и на изложение необычайных героических подвигов. Отсюда всю заслугу в записи сказок надо полагать в умении выдержать этот характер эпического спокойствия, картинности и грандиозности изобра-

жения. И в этом смысле погоня за буквальностью изложения в сказках прямо-таки неуместна и даже вредна. Да и достичь цели фонетический способ не может, ведь тогда пришлось бы каждую сказку излагать во многих вариантах, с показанием о том, что этот вариант сказки сказан посказителем тогда-то в такой-то обстановке, а другой вариант ее сказан при иной обстановке. Но это невозможно в смысле выполнения и совершенно бесполезно для сказки.

Прием Григорьева не новый, он еще раньше практиковался Гильфердингом; Григорьев излагает даже биографию певцов способом Гильфердинга и с теми же недостатками, которые присущи Гильфердингу. К слову сказать, я положительно не могу одобрить такие приемы Григорьева, как писать фее вм[есто] все, казакоф etc. Это уже какое-то глумление над здравым смыслом, какое-то терзание и калечение человеческой речи.

Я скажу тебе еще и о том, с какой тщательностью я относился к записям. Дело в том, что ни одной сказки, даже самой маленькой, я не записывал после первого ее пересказа, всякий раз я записывал сказку только после двух, трех пересказов, сказку Бову-Королевича я прослушал 5 раз от одного посказителя и прослушал ее от 4 лиц. После первого раза я записи в собственном значении не делаю и только слушаю посказителя, который свободно ведет речь. Самое большое — я делаю лишь общие мелкие заметки, которыми, так сказать, схватываю важнейшие моменты сказки. При втором пересказе, обыкновенно уже на следующий день, я уже прошу посказителя говорить реже и пишу почти под его диктовку, причем главное внимание обращаю и всегда записываю буквально выше упоминаемые типичные места сказок. При третьем пересказе я проверяю черновик опять-таки со слов посказителя. Переписываю сказку в свою книгу всегда под свежим впечатлением, когда я и сам мог бы сказать эту сказку почти дословно со всеми характерными ее выражениями. Другого отношения к сказкам я положительно не признаю. Записывать сказку фонетическим способом — это прямо-таки неле-

пость. Для интересов лингвистов достаточно записать 5–6 штук сказок, так сказать, пожертвовать для них этими сказками! Но вести запись сказок в таком обширном масштабе, как я вел, и вести их способом фонетическим — это значило бы испортить все дело. На это я, безусловно, согласиться не могу и портить своего материала не буду. Впрочем, могу сказать в утешение московских лингвистов, что у меня есть две сказки, записанные способом фонетическим: одна большая сказка „Еруслан Лазаревич“ и другая маленькая — легенда „Мужик Черней“. Я не хотел их посылать тебе, ибо признавал их испорченными, но теперь их как-нибудь пошлю тебе.

Кроме того, я хотел бы и даже прошу тебя: внуши ты московским филологам и лингвистам, что я обладаю прямо-таки сокровищем лингвистическим в виде огромного количества наговоров. Этот материал я постепенно перешлю в Москву. Я не могу сразу послать этого материала потому, что не имею времени.

Твои рассуждения о моей самонадеянности и корыстности — чистейшая ерунда. Меня скорее можно упрекнуть в недостаточной самонадеянности и самоуверенности. О корыстности своей я тоже скажу тебе вот что. Дадут ли мне что-либо мои сказки — это еще вопрос, вернее всего ожидать чисто русского конца этого дела, что мне ничего не достанется. Но зато верно то, что с того времени, как я взялся за сказки, я сделался на много тысяч беднее, и если бы мне вернуть хотя бы путем адвокатуры (где уж литературы!) то, что я имел 4–5 лет тому назад, и то я благословлял бы свою судьбу.

Мои сказки должны увидеть свет и, конечно, увидят. Ты говоришь, что записывателей сказок много, так много, что имена их только бог один ведает. С этим едва ли можно согласиться. По крайней мере, известностью пользуются только Афанасьев и Садовников. Но Афанасьев даже не записыватель, а только собиратель сказок, записанных разными лицами: крестьянами-грамотеями, учителями и писателями; его сказки записаны плохо. Садовников писал сам, но писал со слов не профессиональных посказителей, а разных случайных

лиц: дворника, ключницы в гор. Симбирске. Уж это не сказки, а побасенки.

Главное и несомненное преимущество моих сказок — это цельность и законченность, так как я писал сказки со слов знаменитых сказителей, к которым целая округа относится с великим благоговением. В этом несомненное преимущество моих сказок.

Марков, если поживет и поработает в Сибири с годик, то соберет хороший материал, при условии, что он скоро попадет на хороших сказителей. Искренно хотел бы с ним познакомиться.

Григорьев выражает сожаление, что я ранее издания сказок не вошел в сношения с Академией наук. Если бы ты знал, как я сам об этом жалею. Но мне думается, что это дело поправимое и помощь академии будет полезна мне и теперь. А так как сам я по дальности расстояния лишен возможности что-либо предпринять для этого, то и просил бы тебя сделать для меня что-нибудь. А чтобы ты не явился с пустыми руками, я на днях засяду и напишу хорошую вещь, которая наверное понравится даже лингвистам.

Теперь потолкуем с тобою еще о моих делах и делишках. Купчую на днях я получил и теперь новый домовладелец — пожалуй, еще в отцы города изберут. Адвокатура моя идет плохо и скверно обеспечивает меня. Это потому, что я не обадвокатился, попросту не оподлился, да едва ли когда-нибудь и буду обладать этими достоинствами.

Шлю мой поклон и привет Елизавете Евгениевне и деткам.

Твой Петр Алек. Городцов.

Марта 15 числа 1910 года.

Дорогой брат!

Недавно я получил из Тобольского губернского музея письмо с таким предложением: принять на себя труд по наблюдению за земляными работами, которые должны начаться с начала весны по линии вновь строящейся железной дороги Тюмень—Омск, с целью чисто археологической: собрать и не дать погибнуть тем ископаемым сокро-

вищам, которые несомненно будут на этих работах обнаружены.

Это предложение привело меня в глубокое раздумье и поставило в большое затруднение. С одной стороны, хотелось бы быть в этом деле полезным, а с другой — я чувствую себя для этого дела совершенно непригодным и неподготовленным, да сверх всего этого и неправомочным, так как только члены московской ар. комиссии могут производить такие раскопки и наблюдения. На всякий случай я сделал в этом деле кое-какие шаги.

Я побывал у инженера Крутицкого, заведующего головным участком дороги — от Тюмени до Ялуторовска, и беседовал с ним по этому делу. Крутицкий отнесся с большим вниманием к этому предприятию, обещал свое всяческое содействие, но при этом он все-таки дал понять, что для меня нужно иметь полномочие от какого-либо компетентного ученого учреждения. А такого полномочия я не имею, да оно было бы мне и бесполезно, так как я, как я уже сказал, совсем не чувствую себя пригодным на такое дело.

А между тем было бы до боли обидно и до крайности жаль, если при этих работах не будет учреждено надлежащего научного наблюдения. Линия пролегает по местности, обильно усеянной остатками старины глубокой: вся местность от Тюмени на Ялуторовск и на Ишим и далее покрыта множеством курганов, городищ, валов и стоянок каменного и бронзового века; к слову сказать, линия пройдет мимо того Андреевского озера, на котором когда-то произвел раскопки покойный Словцов, брошюрка об этих раскопках у тебя есть.

Так вот, дорогой брат, доложи московской архивной комиссии, не найдет ли она возможным командировать кого-либо в Тюмень, Ялуторовск и Ишим для научных наблюдений; нужно не менее трех лиц, потому что с начала весны работы начнутся сразу в трех названных пунктах.

Пред Рождеством я был в Тобольске, в музее. Консерватор музея и библиотекарь его меня убедительнейше просили выслать в музей твои книги и брошюры, и я обещал им. Но по приезде домой я уви-

дел, что у меня имеется только шесть брошюр в двух экземплярах, а 15 брошюр имеются только в одном экземпляре; вот эти книги и брошюры, которые я имею только в одном экземпляре:

- 1) Дневник раскопок Борковского могильника;
- 2) Столбы, встреченные на площади Борковского могильника;
- 3) Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками (алекановский сосуд);
- 4) Волжские моллюски в окрестностях Ярославля;
- 5) Раскопки могильника на Черной горе в окрестностях с. Великого Ярославского уезда;
- 6) Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями 12 археологического съезда;
- 7) Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях села Дубровичи Рязанской губернии;
- 8) Русская доисторическая керамика;
- 9) Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году;
- 10) Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря;
- 11) Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года;
- 12) Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г.;
- 13) Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки 1905 года;
- 14) Отчет Императорского Исторического музея за 1906 г.;
- и 15) Каменный век, курс лекций.

Эти-то пятнадцать брошюр я и просил бы тебя прислать мне для отсылки в Тобольский музей, за что музей скажет тебе большое спасибо.

Кроме того, я надеюсь, что ты не откажешь мне выслать и твой курс бронзового века также в двух экземплярах: один для меня, а другой для музея. 6 брошюр, которые я могу теперь же послать в Тобольский музей, такие:

1) Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г.;

2) Назначение глиняных площадок в доисторической культуре трипольского типа.

3) Древнее население Рязанской области;

4) Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.;

5) Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г.;

и 6) Мандалы.

Кроме этих, других твоих сочинений у меня нет. Будь же добр, Вася, пришли мне 16 экземпляров твоих книг и сочинений, а если найдутся и другие брошюры, то и эти пришли, ты сделаешь этим хорошее дело и оставишь по себе добрую память в нашей далекой окраине. Тобольский музей — прекрасное учреждение, он превосходно обставлен, только, к сожалению, крайне стесняется в средствах.

В последнем твоём письме я подметил грустную нотку по тому случаю, что ученые сильно критикуют твой курс первобытной археологии и заявляют, что сразу хорошие курсы не делаются. Плюнь ты на этих критиков и продолжай делать свое дело. В крайнем случае, у тебя имеется прекрасное и формальное соображение, которым ты всегда можешь заткнуть рот наиболее злобным критикам, а именно: ведь курс твой издан на правах рукописи, а такие курсы профессора всех факультетов издают ежегодно для руководства своих слушателей и ежегодно их изменяют, дополняют и, разумеется, совершенствуют.

О себе сказать что-либо утешительное, к сожалению, я не могу. Дела мои по адвокатуре идут из рук вон плохо. В качестве новичка в этом деле я вынужден браться за всякое мелкое дело, а это крайне невыгодно: времени отнимает много, а заработка дает мало. Здоровье мое шаткое и с годами, конечно, ухудшается. Всего обиднее то, что я не могу взяться за отделку собранного этнографического материала.

Недавно я послал в Рязань своей племяннице Маше Дакелиной, дочке Алёны, 60 рублей, из них просил 15 рублей передать Клаше — дочке Маши; от Маши Дакелиной я получил письмо с благодарностью и фотографическую карточку, а от Клаши письма не получил, полагаю, что она обиделась малыми размерами субсидии. Не знает она, чудачка, пословицы: чем богат, тем и тароват.

Ну а пока до свидания! Кланяйся Елизавете Евгениевне и деткам. Дай бог всем вам доброго здоровья, счастья и полнейшего благополучия. Пиши, буду ждать ответа.

Твой брат Петр Алекс. Городцов.

29 марта 1910 года.

Дорогой брат!

Можно только приветствовать твое намерение обзавестись собственной подмосковной дачей — в добрый час, покупай эту дачу. Цена 800 рублей за десятину усадебной земли, хотя бы с двумя лачужками на ней, не высока. Разумеется, покупку надо свершить не зря: надо внимательно осмотреть местность, ознакомиться с окрестными соседями и принять в соображение расстояние от селения и от ближайшей станции железной дороги. Если дача лежит в местности низменной, сырой и болотистой и если она стоит в месте глухом и удаленном от селения и станции, то несомненно надо отказаться от такой дачи, так как сообщение с такой дачей в летнее время будет затруднительно, а охрана такой дачи в зимнее время обойдется дорого. Да и жить в глухой и удаленной даче небезопасно. Само собой понятно, что надо подробно осмотреть строения на даче и по возможности определить, будут ли эти строения пригодны для размещения твоей семьи и для проживания в них, хотя бы на первый год, без особо больших затрат на ремонт. По-видимому, на дачах этих можно жить, так как и ранее там жили дачники.

При договоре обрати внимание на документы и на план дачи. Этот план обязательно возьми от прежнего собственника. Покупку дачи

можно совершить только чрез нотариуса, причем купчая крепость должна быть утверждена старшим нотариусом, младший нотариус все это тебе расскажет и сделает.

Избави боже совершить покупку дачи без купчей, без нотариуса — наживешь беды и хлопот, могут и дачу отобрать.

Десятина усадьбы — это очень большое место, там можно развести превосходный огород. Даже в Сибири я имел хорошую цветную капусту, кольраби, сельдерей, спаржу, салат и редиску. А в Москве можно выгонять даже артишоки, арбузы и дыни.

Николай, несомненно, будет для тебя хорошим в этом деле пособником. Только где он теперь, я и сам не знаю. Сегодня я послал в Рязань племянницам Маше и Клаше письма и просил их поскорее узнать, где теперь Николай, и сообщить мне об этом. Когда я получу эти сведения, то немедленно дам тебе знать.

Сегодня я получил письмо от крестницы Клаши — дочки Маши; она пишет, что и мама ее, и тетя Анюта живы и вполне здоровы, про Алену она ничего не пишет, и, конечно, если бы с нею приключилось что-нибудь недоброе, то Клаша написала бы об этом.

Вообще письмо Клаши носит характер спокойный, дескать, все обстоит благополучно, и потому надо признать неверным заявление соловчинского обывателя о том, что из трех наших сестер остались в живых только две. С получением писем из Рязани от племянниц я доподлинно об этом буду знать и тебе обо всем сообщу.

Что касается моего сборника сказок и моих лингвистических измышлений, то надо сказать, что ты хорошо делаешь, что держишь их под спудом — не настало еще время являть их миру, хотя я не сомневаюсь, что они еще сослужат мне службу. Вернее всего, что я их сам же отпечатаю.

Книги свои отошли прямо в Тобольск так: „Консерватору Тобольского губернского музея Василию Николаевичу Пигнатти“. В музее уже знают об этих книгах и ждут их. Очень жалко, что твои брошюры уже разошлись!

Напиши подробнее, где лежит твоя дача, по какой железной дороге. Пока же до свидания! Шлю мой привет Елизавете Евгениевне и деткам.

Не рискнуть ли мне иметь наблюдения за работой на железной дороге с целью хоть что-нибудь сохранить от расхищения и разрушения. Жаль, что у меня нет для этого солидного полномочия. Дело же это не терпит отлагательства, так как с начала весны начнутся уже и земляные работы. Может быть, Московское археологическое общество найдет возможность дать мне поручение хотя бы в качестве частного лица. Сообщи-ка мне об этом свои мысли и думы, буду ждать.

П. Городцов.

8 февраля 1913 года.

Милые и дорогие брат Василий Алексеевич и Елизавета Евгениевна.

Долго я не писал вам — года три, если не больше! Казалось бы, что после трехлетнего молчания можно было бы найти, о чем поговорить, а в действительности я совершенно не знаю, что сказать вам и чем бы вас порадовать, главное — мне нечем вас порадовать! Моя личная жизнь сложилась так буднично-серо и течет так монотонно, что и передать вам трудно.

По-прежнему я живу в Тюмени и адвокатствую, и на этом поприще я даже делаю некоторые успехи — я уже состою юрисконсультom Государственного банка и Сибирского торгового банка; за последние четыре года я порядочно-таки натаскался по части адвокатской практики и в таком захолюстье, как Тюмень, я и совсем мог бы сойти за порядочного дельца. Но все-таки я чувствую себя далеко не удовлетворенным ни практикой, ни успехами ее. Хуже всего то, что я остарел и уже не могу с той энергией работать, как я работал на проклятой коронной службе. Все чаще и чаще я побаливаю. Я весь простужен, судороги тянут меня по всем членам и суставам, ревматизм начинает искривлять мои пальцы на руках.

Особенно меня сильно и часто мучают головные боли!..

Зарабатываю я теперь несколько лучше, чем в прежние годы, но все-таки зарабатываю очень немного — лишь свожу концы с концами. Мой невысокий заработок объясняется тем, что я все-таки недостаточно обадвокатился и все еще не умею брать гонораров, и потому мои сибирские клиенты меня бессовестно и подло надувают. Кроме того, в Тюмени слишком много адвокатов, и чрез это сокращается практика и до курьеза урезаются гонорары.

С течением времени я все серьезнее задаюсь мыслью перебраться к вам туда, в Россию, на родину, — поближе к вам. Здесь, в Сибири, люди и климат уж слишком суровы и коварны! Надоела мне Сибирь, для меня она всегда была не золотым дном, а именно „Сибирью“.

Возможно даже, что я переберусь прямо в Рязань: что мне за дело, что там много адвокатов: для моего существования нужно совсем не так много! Особенно хорошо там можно устроиться, если купить себе недорогой дом где-нибудь на окраине города. А если не удастся устроиться в Рязани, устроиться в Рязани, то можно попытаться счастье где-нибудь в уезде: в Егорьевске, Касимове или Ряжске; в Ряжске, кажется, нет ни одного адвоката, хотя это город хороший и большой.

Впрочем, года два надо прожить в Тюмени: у меня сейчас на руках очень большое дело, которое протянется года на полтора.

Брат! Около Тюмени, близ самого вокзала, рыли длинную и глубокую яму для водопровода и напали на кости мамонта, и не одного, а, по-видимому, двух или трех, лежащих неподалеку друг от друга. Железнодорожное начальство предложило мне произвести раскопку и даже предложило бесплатных рабочих для этого. Я согласился, с наступлением весны буду копать. Мамонтов нашли уже поздно осенью, а мне дали знать уже совсем зимою, да и зима-то была ранняя и лютая-морозная. Поэтому я вместе с инженером заложил ямы и костяки досками, соломой и сверху землей и снегом до весны. Признаюсь, мне совсем не хочется рыть этих допотопных покойников, да и боюсь я что-нибудь испортить, но кроме меня во

всей Тюмени за это взяться некому. Правда, из Екатеринбурга один гробокопатель выразил желание прибыть на раскопку, но только вряд ли он приедет.

Скажи, пожалуйста, братья ли мне за это дело, и если ты посоветуешь взяться, то не пожелаешь ли ты снабдить меня элементарнейшими указаниями на этот счет по части техники раскопок. Ну, однако, довольно! Sapienti sat!*)

Шлю мой поклон племянникам, спасибо им за память и за их письма, поклон Леле.

Ваш Петр Алексеевич Городцов.
20 марта 1913 года.

Дорогой брат Вася!

Твое письмо от 10 марта с.г., уже второе, я получил только 18 сего марта. Признаюсь, что это твое письмо поставило меня в большое затруднение и в раздумье: с одной стороны, крайне приятно, что нашими ископаемыми заинтересовались большие знатоки и мастера своего дела, и весьма, конечно, желательно, чтобы раскопки были произведены под наблюдением людей опыта и науки, а с другой стороны, уж слишком нежелательно стать в неловкое и даже в глупое положение вызовом ученых из-за тридевяти земель для раскопок, которые могут не дать ровно никаких результатов или дать результаты ничтожные.

Сегодня, 20 марта, я нарочно поехал к инженеру Степанову, начальнику участка, в районе которого производилась прокладка водопроводных труб и канав, где и найдены были мамонты. В беседе со Степановым мы пришли к тому выводу, что раскопки мамонтов нельзя будет производить ранее мая месяца, вернее всего, их можно будет произвести только в половине мая, в конце же апреля почва еще не протает. Точно срок раскопок можно будет вам определить телеграфом. Далее, мы пришли к заключению, что мамонтов было обнаружено в канавах два отдельных костяка, и вот по каким соображе-

*) Для понимающего достаточно (лат.).

ниям. Первый костяк лежит саженьях в 200 от станции, близ полотна железной дороги; этот костяк заложен досками и соломой, и его, собственно, я и хочу раскопать. От этого костяка были вынуты рабочими два больших обломка клыков-бивней, сильно разложившихся и легко распадавшихся крупными частями по концентрическим кругам. Оба эти бивня по распоряжению полиции были выданы какому-то студенту, возвращавшемуся из экспедиции в Восточную Сибирь; студент увез эти бивни в Петербург. В яме же осталась какая-то широкая и плоская кость, предполагается, что это черепная крышка или тазовая кость; кость эта также сильно сгнила и сделалась мягкой и хрупкой, сверху она попорчена лопатами землекопов. Кость эта лежит на самом дне канавы, т.е. на глубине четырех аршин. Второй костяк мамонта найден уже не в водопроводной канаве, а просто в водосточной канаве, проведенной под прямым углом к первой и также на глубине четырех аршин. Этот костяк лежит от первого на расстоянии около ста (100) сажень. И эта дальность расстояния и дает основание предполагать, что костяк этот принадлежит другому мамонту. От этого костяка на дне канавы были найдены бесформенные куски крупных костей — все они потеряны теперь, — и один мамонтов зуб, хранящийся и до сего времени у инженера Степанова. Место этого второго костяка восстановить можно.

Итак, Степанов, знакомый с геологией как курсовой наукой, говорит мне, что геологический разрез водопроводной канавы над первым костяком не лишен научного интереса и, по его словам, представляет такую картину: верхний слой, довольно мощный, чернозема и перегной (Humus — в собственном значении), а затем идут, перемежаясь, слои глины и песку; нижний слой, лежащий над самым костяком, представляет собою темную полосу перегнойа и, может быть, чернозема, вероятно, образовавшегося из растительного покрова, современного мамонту.

Это последнее обстоятельство, возможно, важно потому, что в этом слое можно будет натолкнуться на остатки первобытной расти-

тельности. Слои глины и песка, по-видимому, аллювиального происхождения, и в них можно натолкнуться на морские раковины, речных раковин нельзя предполагать, так как мамонты лежат на высоком материковом берегу реки Туры, который, очевидно, не затоплялся даже в ледниковую эпоху.

О геологической философии пока довольноно.

Теперь я перейду собственно к археологическим соображениям, которые могут интересовать лично тебя.

Дело в том, что местность, где найдены мамонты, да и вообще вся Тюмень, лежит всего верстах в 16–17 от того Андреевского озера, на берегах которого покойный И.Я. Словцов производил раскопки стоянок каменного века, брошюрка Словцова у тебя есть.

Невольно напрашивается такое предположение, что первобытные насельники Андреевского озера могли охотиться и, наверное, охотились на мамонтов, пасшихся целым стадом в том месте, где теперь стоит гор. Тюмень с ее окрестностями. Но едва ли в этом месте были стоянки первобытного человека, ибо местность эта до проведения железной дороги представляла собою болото, покрытое лесом, а в те далекие времена здесь, должно быть, были прямо топи.

Нужно еще тебе сказать, что года три тому назад был такой случай. На кирпичном заводе купчихи Бурковой, близ гор. Тюмени, рыли колодец, и на глубине аршина четыре также был найден костяк мамонта; костяк лежал во влажной почве и весь сгнил, так что кости трудно было извлекать из земли; кости эти теперь не сохранились. Мне говорили даже, что находили кости в обрывах берега р. Туры близ города и даже в самом городе при рытье глубоких погребов. А если это так, то невольно рисуется картина, что в этом месте паслось стадо мамонтов.

Мамонтовых костей в нашей местности, в Тюменском уезде, вообще встречается очень много, главным образом, по берегам рек Туры, Тобола и Тавды. Кажется, в 1902 году, в засушливое лето, я сам видел на обнажившемся дне реки Тавды близ села Тавдинского пораз-

ительное множество мамонтовых костей в мелких и гнилых обломках. Я не мог их собрать, их пришлось бы везти за собою на нескольких возах. Тогда же я подобрал со дна реки два или три черепа грызунов, которых привозил в Москву и показывал тебе.

Должен еще предупредить тебя, что я лично могу раскопать только одного мамонта, костяк которого я охраняю и закрыл досками и соломой, так как железнодорожное начальство дает мне рабочих для раскопки только этого мамонта, а другой, вероятнее всего, останется нераскопанным, ибо своих средств на раскопки тратить я не могу.

Я лично прихожу к такому заключению, что супругам Павловым и тебе ехать в Тюмень для раскопки хотя бы и двоих мамонтов пока не следует, как-нибудь с помощью инженера Степанова я раскопаю по крайней мере одного мамонта своими средствами; зарисую профиль разреза и возьму в стеклянные банки образцы слоев. Постараюсь не упустить из виду ни одной мелочи и соберу все, что только можно будет собрать. Если же я при раскопках обнаружу признаки стоянки и быта, то немедленно об этом дам телеграмму вам в Москву, и тогда вы двигайтесь сюда.

Самую раскопку я буду производить так. Я вырою круглую яму над костяком, в верхнем разрезе диаметром аршина в четыре, а в нижнем разрезе аршина в 3—3 1/2 и, если нужно будет, сделаю углубление ямы под костяком аршина на два.

Расположение самого костяка я, может быть, даже сфотографирую. Место раскопок ориентирую, разрезы почвы зарисую с точным измерением и описанием пластов разреза.

Твое лично внимание, Вася, я обращаю вот на какое обстоятельство, по-видимому, очень важное и интересное.

В Тюменском уезде в 160 верстах от Тюмени, несколько в стороне от Тобольского большого тракта, тянется большая казенная лесная дача „Варваринская“, к слову сказать, в прошлом году вся выгоревшая. В глубине этого леса, верстах в двадцати от глухой проезжей дороги, имеется большой курган саженей в 10—12 высоты.

Лесной кондуктор этой дачи А.В. Петрунин сделал небольшую раскопку этого кургана, приемом, разумеется, самым грубым и хищническим, и при этом он нашел несколько небольших наконечников бронзовых стрел и две или три маски, окрашенных красной охрой.

Такие маски я видел, кажется, в Румянцевском музее и, помнится мне, что-то говорил, что такие маски встречаются в курганах, раскинутых в Барнаульском и других округах, главным образом, на горах, отделяющих Сибирь от Китая. Варваринская же дача — это совсем не горная местность, а равнинная и даже болотистая.

Я просил Петрунина указать мне этот курган, но он отказал мне в этом: он хочет продать этот курган, как наши мужики продают охотникам медвежьи берлоги. Впрочем, я особенно и не настаивал на указании мне этого кургана, во-первых, потому, что все равно я не мог бы его раскопать, а во-вторых, и потому, что не хотел разжигать аппетитов этого тунеядца.

Однако, черт бы побрал этого мамонта, этого *diluvii testes**), я убил весь вечер и прихватил ночи — за полночь, чтобы составить тебе о нем настоящий доклад, и завтра, с отправкой тебе этого письма, наверное буду страдать мигренью.

Пиши, если будет тебе охота писать, а я постараюсь отвечать тебе. Вот еще что я тебе должен сказать.

Елизавета Евгениевна прислала мне брошюры, причем из надписи ее на бандероли и из твоего письма я знаю, что мне посланы в одной бандероли четыре брошюры, ко мне же пришли только три: две твоих и одна памяти И.Е. Забелина, а брошюра-инструкция Павлова ко мне не дошла, и бандероль оказалась нарушенной. Думаю, что эта брошюрка не была вложена в бандероль, а крайне желательно ее получить.

Пока до свидания.

Твой П. Городцов.

*) Свидетель потопа (лат.).

12 августа 1914 года.

Дорогой брат!

Мне очень нужна одна книга, а именно Ореста Федоровича Миллера „Илья Муромец и богатство киевское“, и нужна мне эта книга в самом непродолжительном времени, я сказал бы даже, книга нужна мне немедленно. Я просил некоторые московские магазины выслать мне эту книгу, но мне ответили, что в продаже ее нет.

В библиотеке же Исторического музея эта книга, несомненно, есть. Поэтому прошу тебя, брат, пожалуйста, вышли поскорее мне эту книгу в Тюмень, за это я буду тебе весьма благодарен, только, пожалуйста, вышли книгу поскорее. Если эта книга нужна кому-нибудь в библиотеке или тебе самому, то я не буду держать долго эту книгу и самое большое через неделю возвращу ее тебе, но если она в библиотеке не особенно нужна, то я продержу ее некоторое время у себя.

Письмо твое, посланное тобою по возвращении из твоей поездки, я получил и с удовольствием прочел его; я очень благодарен тебе за твои заботы обо мне. С Анютой как-нибудь сделаемся. К сожалению, я решительно не могу в наступающую осень выехать из Тюмени к вам в Москву и в Рязань: меня пугает путаница в железнодорожном сообщении по случаю войны, да к тому же и банк, где я состою юрисконсультом, просит меня не выезжать этой осенью из Тюмени.

Все-таки я не теряю надежды побывать у вас в Москве при первой же возможности, которая наступит, как мне кажется, скоро.

Целую и шлю мой привет Елизавете Евгениевне и деткам.

Пока до свидания.

Твой брат П. Городцов.

24 декабря 1914 года.

Дорогие Елизавета Евгениевна и брат Василий Алексеевич!

Вас и ваших милых деток, всех вас поздравляю с наступившими праздниками Рождества Христова и святых вечеров и с наступающим Новым годом.

Дай бог вам в радости и в счастье провести эти праздники и в добром здоровье встретить новый год. Предстоящий новый год для меня знаменателен тем, что это 50-й год моей жизни. Возраст почтенный для того, чтобы почувствовать себя уставшим жить. 50 новых годов я встречал с надеждами и гордыми планами и 50 лет я горько разочаровывался. Впрочем, от наступающего года я и не жду ничего, кроме жестокой борьбы за существование.

Странное дело, брат, после нашего с тобою свидания я два раза подвергался страшной, почти смертельной, опасности от чисто внешних и случайных причин. В первый раз я пострадал от грозы. Это было в ночь на 25 июля с.г. Над городом с юго-востока пронеслась громадная туча с невероятным ливнем; гром гремел непрерывно. Я проснулся и из спальни вышел в зал и стал глядеть на улицу чрез окно. В воздухе на середине улицы в уровень с крышей моего дома появилась шарообразная молния и быстро разорвалась с невероятным отрывочным треском и громом, словно из пушки. Меня отбросило от окна к середине комнаты, и я почувствовал страшное давление в грудной клетке, словно меня схватили руками за оба легких — насилию перервал дыхание. Почти все лампы электрического освещения в моем доме были испорчены, угольки пережжены, стекло в одной лампочке в люстре в зале над моею головою оказалось расплавленным.

Минуту-полторы спустя этого удара я опять увидел шарообразную молнию на своей улице, уже против дома Степанова, и там, у Степанова, эта молния уничтожила электрическую арматуру и даже подожгла стену дома, но пожар от дождя сам собою затушился, так что об этом пожаре узнали после по обгоревшему месту.

Ужасная гроза эта в Тюмени в одну ночь уничтожила электрическую арматуру в четырех домах и разбила стену в одной каменной церкви в нашем монастыре, а за городом, верстах в тридцати, на покосе убило двух татар и нескольких оглушило. Появление и разрыв шарообразной молнии, несомненно, красивое зрелище, но я не желал бы его видеть вторично.

Второе приключение имело место совсем недавно, на днях. 16 декабря я поехал в Тобольск для выступления по делу в окружном суде; дорога была великолепная, ямщики везли отлично. 17 декабря в 7 часов вечера я подъезжал уже к последней станции и был от этой станции близко, всего саженьях в ста. Станция стоит на горке. Вдруг с этой горки, как буря, появился мужик нам навстречу на хорошей сибирской лошади; лошадь подхватила, помчалась во весь опор, разъехаться времени не было, и произошло столкновение лошадей и экипажей; удар экипажей был так силен, что коренник в моем экипаже выскочил из оглоблей, слезли гужи с оглоблей. Встречная лошадь перескочила через меня и ударила меня обломком оглобли по голове так, что я свету белого невзвидел; встречного мужика выбросило из его экипажа в мой, и он свалился прямо на меня и был некоторое время в бессознательном состоянии, а затем кое-как поднялся и застоялся, по-видимому, у него сломаны ребра. Моя пристяжная лошадь оказалась испорченной, с разбитой мордой и едва ли вполне оправится, встречная лошадь тоже была разбита и худо держалась на ногах. Я отделался и на этот раз легко, лишь дня два болела голова.

Уж подлинно дни человека, яко крин сеющий.

[Без даты]

Дорогой брат Василий Алексеевич!

В текущем году я решил из всего собранного мною этнографического материала пустить в печать все то, что будет в моих силах обработать и подготовить. Недавно я послал в Тобольск свою большую статью, озаглавленную „Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда“ для отпечатания в Ежегоднике губернского музея, и мне уже ответили, что моя статья будет отпечатана в следующем очередном выпуске журнала. Кроме того, в январе месяце с.г. я послал в Томск известному сибирскому этнографу Григорию Ник. Потанину для рецензии три своих сказки, которые я удосужился отпечатать; сказки эти есть и у тебя. Потанину сказки эти понравились, и он написал

про них в Омск хранителю музея Русского Географического общества Седельникову и рекомендовал отпечатать мои сказки в трудах этого общества. На днях Седельников мне ответил письмом в таком смысле, что печатание моих сказок и легенд может быть разрешено только распорядительным комитетом общества, и потому следует послать весь мой материал туда, в Омск, в комитет.

Но это предложение Седельникова для меня представляется неудобным по таким соображениям. Мои сказки собраны и переплетены в два больших тома размерами в лист писчей бумаги; ты видел эти фолианты в Москве, и помню, ты даже упрекнул меня за то, что я их переплел в книги, так как это затрудняет печатание сказок. Теперь я должен на это тебе сказать, что сделанные мною записи в книгах и не были предназначены к печати, для печати мои записи нуждались, так сказать, еще в отделке. Хранить же сказки в особых и переплетенных книгах, несомненно, удобнее, чем на отдельных листах и тетрадках.

Но дело не в этом, а в том, что мне не хочется посылать в Омск свои подлинные рукописи сказок, переплетенные, как я сказал, в два особых тома, потому что боюсь, что рукописи эти могут быть затеряны или испорчены, а восстановить их даже мне самому уже не представляется возможным потому, что я не смогу разыскать всех тех сказителей, с которыми судьба столкнула меня, да к тому же один из лучших сказителей — Л.Л. Заякин — уже умер. И потому я решил послать в Омск для ознакомления лишь часть моих сказок, и именно ту часть, которая уже переписана и хранится у тебя где-то под спудом; к этим уже переписанным сказкам я прибавлю еще штук 10–15 и пошлю в Омск для печати. Лучше отпечатать сказки по частям, чем печатать сразу при таких неблагоприятных обстоятельствах.

Поэтому прошу тебя, Вася, пришли мне обратно мои сказки, только пошли их не бандеролью, а посылкой, причем я просил бы тебя лучше и покрепче завернуть рукописи в газетную бумагу, прежде чем зашить их в коленкор. Посылку эту пошли по возможности поскорее, потому что 25 мая с.г. в Омске будет съезд присяжных пове-

ренных, на котором и мне придется быть; этой поездкой я хотел бы воспользоваться для того, чтобы побеседовать с Седелниковым о порядке отпечатания моих сказок. Поэтому еще раз прошу тебя, вышли мне, пожалуйста, мою посылку, и я тебе буду за это очень благодарен, и пришли ее поскорее.

Если бы ты знал, как мне хочется поскорее увидеть весь мой материал в печати!.. Но это положительно невозможно и для меня недостижимо хотя бы уже по одному тому, что я совершенно не имею времени. А времени для этого требуется много. Посуди сам: ведь одни сказки займут два громадных печатных тома. Мои „Праздники и обряды“ составляют очень небольшую часть моих записей, и все-таки они займут около двух печатных листов, т.е. около 60 страниц.

Чтобы отпечатать весь свой материал, я чуть было не завел себе типографию и чуть не открыл газеты в Тюмени, да чисто внешние и случайные помехи помешали мне в этом. А теперь я даже рад, что мне не удалась эта афера, так как Тюмень — город мало культурный, и потребности в печатном слове здесь почти не испытывается, а следовательно, я со своей газетой вдребезги разорился бы.

Ну да с божьей помощью как-нибудь и кое-как справимся с поставленной задачей и помаленьку двинем дело вперед, и если не все, то многое отпечатаем.

Скажи, брат, неужели ты окончательно и бесповоротно покончил и порвал с Археологическим институтом, ведь это было бы крайне жаль, да и несправедливо со стороны института.

Впервые из твоей визитной карточки я узнал, что ты уже состоишь старшим хранителем Исторического музея, интересно знать, где же теперь Орешников и жив ли он? Вообще хотелось бы знать поподробнее об обстоятельствах твоей личной жизни.

В августе я обязательно поеду за Урал, хочу отдохнуть и покататься по Волге, заеду и к вам в Москву, хотя бы ненадолго. Я думаю обосноваться в Рязани или в одном из уездов и там займусь адвокатурой. Поездка моя будет отчасти носить характер разведочный:

за эту поездку я побываю не только в Рязани, но и в некоторых уездных городах Рязанской губернии. В Рязани мне совсем не страшно обосноваться и открыть адвокатский кабинет потому, что там, по видимому, нет сильных конкурентов. Чувствую, что из Сибири мне надо бежать, потому что климат для меня тяжел, и в текущую весну я опять болел в довольно-таки серьезной форме.

Ну, пока до свидания, будь здоров. Посылаю мой низкий поклон уважаемой Елизавете Евгениевне и деткам.

П. Городцов.

4 апреля 1916 года.

Христос воскрес!

Дорогой брат Василий Алексеевич!

Поздравляю тебя с наступающим праздником Светлого Христова Воскресения и искренно желаю тебе вместе с твоею семьей встретить и провести этот праздник в добром здравье и в радости.

Дорогой брат, недавно я получил письмо от Лели, где она пишет о том, что ты ищешь книгу Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу“ и что у тебя будто бы вышла большая неприятность из-за этой книги с библиотекарем музея. Леля сообщила мне об этом мимоходом, очевидно, и не подозревая, что книга эта находится у меня. Дело же обстоит так. Книгу эту впервые я взял у тебя года четыре тому назад, если не больше, но года два тому назад ты потребовал эту книгу назад, кажется, ввиду ожидавшейся ревизии библиотеки, и я тебе ее немедленно же выслал, причем, отсылая тебе книгу, в письме я говорил тебе, что книга для меня крайне нужная, купить же ее не было возможности, так как антикварная стоимость ее была очень высока. Вероятно, убежденный моим письмом, ты вскоре прислал мне опять эту книгу уже с таким успокоительным письмом, что я могу теперь держать эту книгу сколько угодно, так как спроса на эту книгу в библиотеке нет. И действительно, из трех томов два последних пришли ко мне неразрезанными, первый же том был разрезан и прочитан

только тобою. Я как манне небесной был рад этой книге и держал ее как драгоценность. И вот теперь оказывается, что из-за этой книги вышла целая история! И это обстоятельство меня крайне обеспокоило. Я мог бы выслать тебе эти книги теперь же немедленно, но мне хочется воспользоваться ими еще в течение двух только недель — страстной и Пасхи; за это время я буду наиболее свободен от своих профессиональных занятий, и мне хотелось бы сделать из книг хотя бы небольшие выборки, прочитать их полностью я уже не буду в силах, да это и бесполезно. Поэтому, если возможно, то оставь эти книги у меня на эти две недели. На Фоминой же неделе, примерно в понедельник, я вышлю тебе в Москву книги, и ты получишь их в конце Фоминой недели. Но если ждать ты не признаешь возможным, тогда телеграфируй, и я тебе вышлю книги немедленно. Кроме Афанасьева, у меня на руках есть еще „Илиада“ Гомера в двух томах; конечно, и эти книжки я вышлю тебе одновременно с Афанасьевым.

Около года тому назад я отпечатал две своих статейки: одну в Ежегоднике Тобольского губернского музея и другую — в сборнике в честь сибирского этнографа Г.Н. Потанина; обе редакции обещали выслать мне по 50 авторских экземпляров и обе до сего времени не исполнили своего обещания, ссылаясь на бумажный голод. И этот бумажный голод действительно явление грозное, и особенно оно дает себя чувствовать у нас на окраине. Моя статья в тобольском Ежегоднике представляет собою небольшую брошюрку в 65 страниц. Следовательно, 50 экземпляров составят более 3000 страниц; статейка же в потанинском сборнике несколько меньше.

Следовательно, для моих брошюр потребуется много бумаги, и неудивительно поэтому, что редакции затрудняют высылку их. Из Тобольска мне хоть один экземпляр выслали, а из Омска я не получил даже и одного. А я-то хвастался Леле, что скоро пришлю ей эти мои рукотворения!

В настоящее время я przygotowляю в печать также две небольших статейки, одна из них займет страниц 300 и, пожалуй, побольше, а

другая страниц 50–60, едва ли более. Обе эти статьи я хочу поместить в трудах ЕКБ музея, а может быть, pošлю тебе в Москву для „Этнографического обозрения“. Поживем — увидим!

Для литературного труда у меня очень мало времени, все мое время заедает моя профессиональная работа. В последние годы, к тому же, я начинаю частенько прихварывать. А жаль, ведь у меня на руках имеется обширный этнографический материал, который вот уже много лет лежит неиспользованным, как бы под спудом, и я не знаю и не могу быть уверенным в том, увидит ли когда-нибудь свет весь собранный мною материал.

Ну, пока до свидания! Будь здоров. Шлю мой привет уважаемой Елизавете Евгениевне и всем твоим деткам. Всех вас поздравляю с наступающим праздником Светлого Христова Воскресения.

Петр Городцов.

P.S.

Брат, прими всяческие меры к тому, чтобы освободить Олега хотя бы от ужаса передовых окопов, довольно уже он, бедняга, намучился; совесть его должна быть спокойна, он уже достаточно на его долю пострадал. Если нельзя освободить его от службы совсем, то следовало бы устроить его хотя бы на службе в тылу.

Я глубоко сочувствую и глубоко жалею беднягу Олега.

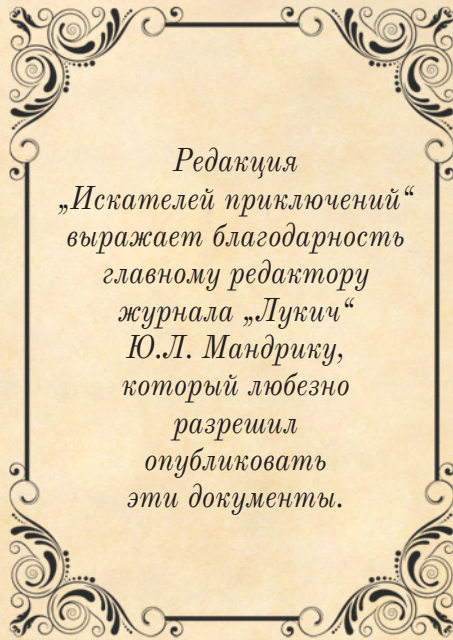
Ну да тебе там виднее.

Пока же до свидания.

Пиши, жду ответа.



На этом архив обрывается, и о том, велась ли и далее переписка между братьями, ничего не известно.



*Редакция
„Искателей приключений“
выражает благодарность
главному редактору
журнала „Лукич“
Ю.Л. Мандрику,
который любезно
разрешил
опубликовать
эти документы.*

